

Анатолий Беляев

Ранний Норильск: сверхпреодоление, люди...

Москва, 2021

УДК ...
ББК...

Беляев Анатолий Ильич

Ранний Норильск: сверхпреодоление, люди... 2021.
ISBN ...

Книга «Ранний Норильск: сверхпреодоление, люди...» посвящена ранней истории Норильска, столь же героичной, сколь и трагичной. О Норильске, его истории и основных её творцах написано очень много. Цель данной историко-публицистической книги – дать возможность читателю, прочитав только её, получить целостное представление о Норильске и испытать не только чувство гордости за трудовой подвиг людей, сотворивших Норильский феномен, но и горечь по поводу неправового присвоения в 90-х годах норильских богатств частными лицами, и тревогу за будущее Большого Норильска.

Книга насыщена фактическим и информационным материалом, содержит имена многих заслуженных людей – создателей раннего Норильска, которые не должны быть забыты.

От автора

В 1990-х годах и начале нового века исследователям стал доступен большой массив рассекреченных архивных материалов о становлении и развитии Норильска под управлением ГУЛАГа. Наряду с ведомственной документацией ГУЛАГа, хранящейся преимущественно в фондах Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), появились многочисленные сборники официальных документов, энциклопедические издания, исследования исторического характера, монографии, сборники статей, очерки, а также многочисленные воспоминания норильчан, нашедшие воплощение в книгах «О времени, о Норильске, о себе...».

Данная книга писалась больше пяти лет. Автору пришлось «перелопатить» огромное количество материалов норильской истории советского периода, прочитать и осмыслить воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...» (15 книг), в большинстве своем посвященных особенно сложному и трудному раннему периоду становления норильского феномена. Обнаружилось много недостоверных фактов, хронологических неточностей, субъективных трактовок событий (часто неправильных), умышленных замалчиваний и искажений. Прделанный автором объективный и системный анализ материалов дает основание считать все написанное в этой книге достаточно достоверным.

До сих пор остаются недооцененными воспоминания норильчан «О времени, о Норильске, о себе...», организатором и редактором-составителем которых является Галина Ивановна Касабова. То, что сделала Галина Ивановна – это подвиг, подвиг гражданский, трудовой. Изданы полновесные книги правды о рождении и становлении металлургического комбината и заполярного города, правды о первых строителях, большинство из которых были заключенными, - людях невероятного мужества, несгибаемой воли и великого духа. Книги сохраняют все признаки жанра мемуарной литературы – это и автобиографический текст, и документально-историческое повествование. Конечно, мемуары субъективны, грешат тенденциозностью, излишней эмоциональностью, а человеческие судьбы не могут дать очевидные ответы на многие вопросы, но пытливому историку это не мешает увидеть главное... Этот уникальный труд ждёт ещё глубокого осмысления и самой высокой оценки.

Что же нового дает нам осмысление мемуаров норильчан? В какой-то мере ответ на этот вопрос дал писатель и литературный критик Валерий Петрович Лукьянин в двух очерках¹, напечатанных в Вестнике Уральского отделения РАН. Лукьянин не только дал высокую оценку труда Г.И. Касабовой - организатору издания книг-воспоминаний, но и впервые, сделав обобщение всего написанного, увидел особенности Норильлага, отличающие его от солженицынского ГУЛАГа.

Данная книга является продолжением темы, начатой В.П. Лукьяниным. Делается попытка дать читателю общее представление обо всем том, что написано в пятнадцати книгах «О времени, о Норильске, о себе...», а это огромный фактический и информационно-исторический материал.

Ставилась задача - вычлнить наиболее важные моменты норильской биографии: рождение и становление комбината и города, невиданные достижения при строительстве на вечной мерзлоте, открытия в металлургии и геологии, новаторство, изобретательство, подвиги врачей в медицине и т.д. И, конечно, в книге дано более полное представление о легендарных личностях норильской истории на основе синтеза всей информации о них. Данные о многих из них содержатся в мемуарах,

¹В.П. Лукьянин. «Норильская модель». Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек, 2013, №2 (44).

В.П. Лукьянин. «Наука в Норильлаге». Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек, 2014, №1 (47).

воспоминаниях и книгах, где авторы пишут о личных встречах, о работе с ними, но у каждого такого автора – всего лишь часть правды об этих людях.

Имена тех, кто начинал строить горно-металлургический комбинат и город Норильск, нельзя забыть. Без исторической памяти никогда не размотать клубок вечных и вновь возникающих жизненных проблем.

Книга не претендует на статус научного труда, хотя и носит исследовательский характер. Автор просит прощения за формальные прегрешения, допущенные по отношению к некоторым архивным службам, а также к издательствам и авторам, материалы и фотографии которых использованы без соответствующих ссылок и согласований.

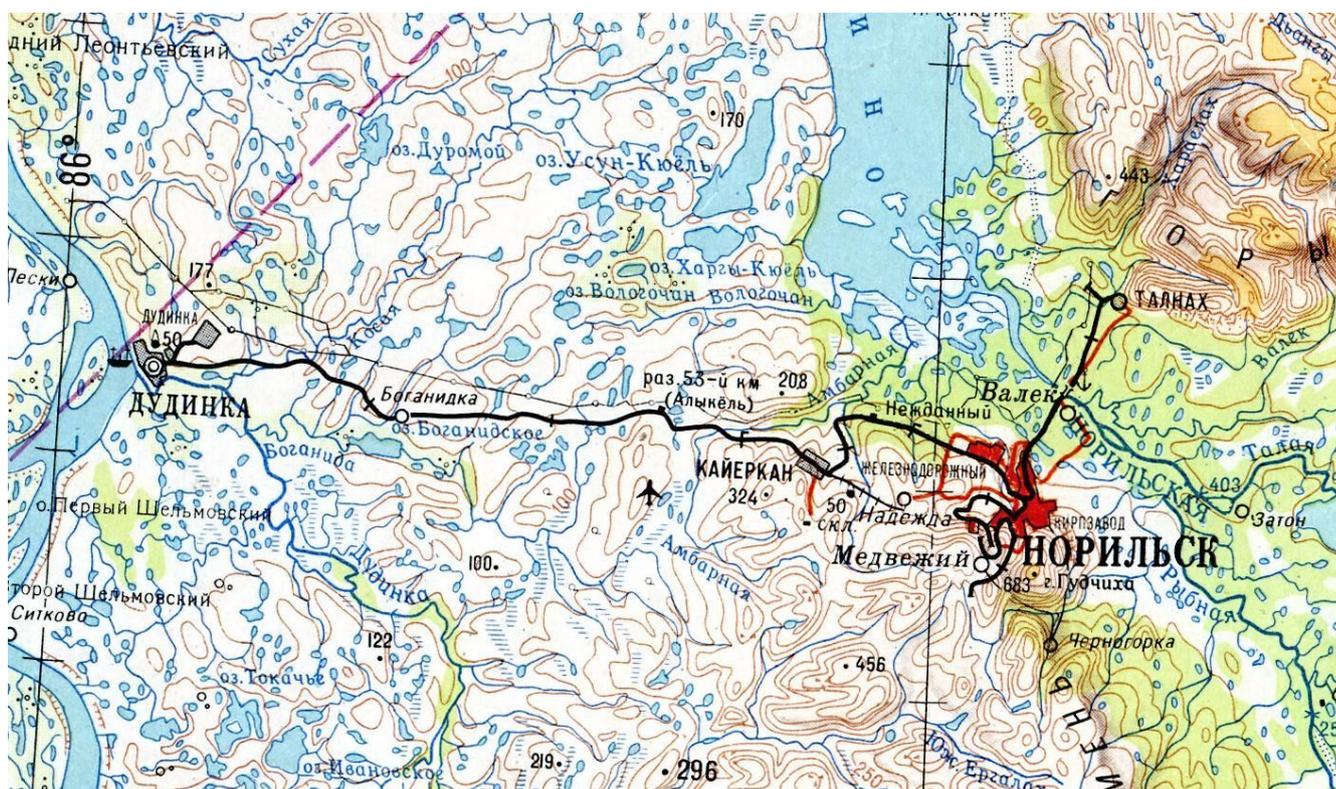
При подготовке книги некоторые архивные и рукописные материалы, не вошедшие в изданные книги «О времени, о Норильске, о себе...», мне любезно предоставила Галина Ивановна Касабова.

Особо хочу поблагодарить своих друзей, ученых-физиков, Рукавишникова Валерия Алексеевича и Сорокину Светлану Александровну за помощь при редактировании книги, устранении неточных и неоднозначных формулировок и за ценные советы по содержанию книги.

1. Особенности норильской биографии

*Наш век пройдет – откроются архивы,
И то, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извевы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда.
И то, что было истинно Великим,
Останется Великим навсегда!*
Н. Тихонов

Норильск – это не просто город на полуострове Таймыре¹, где базируется «Норильский горно-металлургический комбинат имени А.П. Завенягина» (НГМК) – основное предприятие объединения ПАО ГМК «Норильский никель». Норильск – это своеобразная северная Арктида, континент, сравнимый со сказочной Землёй Санникова, только являющийся не «островом-призраком», описанным в научно-фантастическом романе академика В.А. Обручева, а реальной территорией-кладовой с богатейшей человеческой историей.

В 1953 году поселок Норильск на Таймырском полуострове, имеющий население 77 тысяч человек (из них 68 тысяч - заключенные Норильлага), получил статус города. Строительство города началось в 1935 году фактически с нуля, тогда в поселке было нескольких деревянных домиков. За 18 лет произошло чудо – появился комбинат с полным горно-металлургическим циклом, производивший медь, никель, кобальт и

¹Полуостров Таймыр – самый большой и самый северный полуостров России, расположенный между Карским морем и морем Лаптевых. На полуострове находится северная точка страны – мыс Челюскина, 77°43' с.ш. Площадь Таймыра составляет около 400 тыс. кв. км и почти на 40 тыс. кв. км больше площади Германии.

некоторые металлы платиновой группы, и город с необходимой для жизни людей инфраструктурой.

Уже в мае 1942 года на «материк» было отправлено 1100 кг (на 25 танков) первого норильского электролитного никеля¹. А в начале 1943 года началась отправка на «материк» и электролитной меди. В 1953 году комбинат давал 35% никеля, 12% меди, 30% кобальта, 90% платиноидов от общего производства этих металлов в Советском Союзе.

К 1953 году в Норильске функционировали:

-горнодобывающий блок: пять подземных рудников и три открытых карьера;

-обогачительно-металлургический блок: крупнейшая в Европе Большая Обогательная фабрика, Большая агломерационная фабрика, Большой металлургический (никелевый) завод, Малый металлургический завод, Медный завод, Хлорно-кобальтовый завод, Опытно-металлургический цех, Центральная химическая лаборатория;

-топливно-энергетический блок: три угольные шахты, ТЭЦ-1, множество городских и промышленных (более полусотни) локальных отопительных котельных;

-объекты инфраструктуры: транспортные коммуникации (железнодорожная и автодорожная сеть), электрокоммуникации с системами трансформации, системы водотеплоснабжения, сети связи;

-предприятия стройматериалов и стройиндустрии, портовое и складское хозяйство в Дудинке, Норильске, Красноярске, Мурманске и Архангельске.

Неслыханные темпы созидания кажутся неправдоподобными, фантастическими.

Люди находились в тяжелых климатических и бытовых условиях, но шли наперекор трудностям, через нехоженые тропы, жили на износ, надрывались до физического и нервного истощения. Что ими двигало? Да, был страх, было насилие, но был и энтузиазм, был трудовой подвиг и вера в правое дело. Ученым-социологам есть о чем подумать!

Надеюсь, что ключ к пониманию этой загадки читатель найдет в этой книге. Три эпизода из жизни гугаговского Норильска, описанные ниже, являются в какой-то мере предпосылкой к этому пониманию.

Первый эпизод связан со спасением жизни заключенному инженеру–строителю И.А. Шамису² врачами Центральной больницы лагеря Норильска и бескорыстными донорами. Шамиса привезли со стройки с воспалением легких и температурой 41 градусов. За него сразу взялись врачи, которые тоже были заключенными: инфекционист Алексей Георгиевич Гейнц, легочник – сердечник Леонхард Бернгардович Мардна, глазник Дзянитис (у Шамиса были отеки всего лица и вокруг глаз), кожник Туминас, сестры Лилиан и Ефросиния.

Когда врачи Гейнц и Мардна, осмотрев Шамиса, стали о чем-то шептаться между собой, то больной им выдал: *contra vim mortis non est medicamen in nortis* (против смерти нет лекарства в садах). Мардна знал латынь и тут же перевел сказанное Гейнцу. Они переглянулись, глянули на «живой труп» и ушли, а Шамис надолго потерял сознание. Оказалось, у больного сепсис – гнойное заражение крови. Возможно, Шамиса «спасла» латынь: врачи почувствовали в нем необычного пациента, высокообразованного заключенного и, что называется, выложились, приложили максимум знаний и стараний для его спасения от неминуемой смерти.

-

¹Электролитный (катодный) никель – продукт с содержанием чистого металла в пределах 99,99%

²Шамис Иосиф Адольфович (1907-1994) – инженер-строитель, арестованный в конце 1930 годов. В конце 1940-х находился в Норильлаге, работал инженером на строительстве ТЭЦ, Большой обогащательной фабрики, Рудника открытых работ, руководил строительством завода динамонов (взрывчатых смесей). Как опытный строитель, курировал многие стройки Норильского комбината (Енисею, в том числе строительство в 1949-1952 годах пантеона Сталина в Курейке. В конце 1950-х вернулся в Москву, занимался историей и краеведением Норильска. Последние годы жил в Нью-Йорке.

Был сульфидин, но принимать его через рот малоэффективно. А тут больному грозит верная смерть. В больнице был знатный аптекарь Михаил Соломонович Ляндрес с университетским образованием. Он решил получить такую сульфидиновую эмульсию, которую можно было бы вводить в вену. Надо было в чем-то растворить порошок, добиться, чтобы раствор проходил через отверстие иглы. Он не спал ночь, пока не добился результата. Когда врачи ввели сульфидиновую эмульсию в вену, смерть отступила. Далее надо было сделать переливание крови, свежей, не консервированной, без цитраля. И нашли одного здорового парнягу... Отмыли его, положили на стол в операционной. На соседнем столе впритык поместили больного. И вот пошло прямое переливание крови от донора к реципиенту – горячая, свежая, здоровая, кубиков 300. Потом еще два раза переливали от добровольцев: поварахи и медицинской сестры Ефросинии. Ефросиния Керсновская¹ сама была доходягой, но понимала, что без её крови больной может умереть.

Шамиса спасали пять с половиной месяцев. Врачи А.Г. Гейнц и Л.Б. Мардна по национальности эстонцы, только Гейнц ленинградец, а Мардна – таллинец. Оба профессиональные врачи. А.Г. Гейнц – один из первых эстонцев-большевиков, который устанавливал в 1918 году советскую власть в Эстонии, первым получивший тогда боевой орден Красного Знамени. Высокий, широкоплечий, белолицый – викинг! Был инфекционистом, потом невропатологом. Пациенты любили его, коллеги с ним дружили. Мардну он боготворил, а Мардна его любил. Л.Б. Мардна закончил Сорбонну. Был заслуженным врачом Эстонской ССР.

Второй интересный эпизод связан с жизнью Дудинского порта. О нем пишет в своих воспоминаниях В.Н. Ксинтарис², в то время он был заместителем директора Норильского комбината по снабжению и транспорту.

В 1948 году Ксинтарис получил телеграмму от министра внутренних дел Круглова с таким содержанием: *«К вам направлен английский пароход, груженный польским цементом. На борту 4 тысячи тонн, разгрузить их за 96 часов только силами вольнонаемных»*. Эта телеграмма сильно озадачила. В Дудинском порту вольнонаемных было всего около 150 человек, причем в основном это были женщины, работающие в торговле, в кадрах. А нужны были крепкие мужики, человек 160. А где их взять? Ксинтарис позвонил директору Норильского комбината В.С. Звереву. Тот сказал: *«Собери запов и посоветуйтесь, как быть в этой ситуации»*. И вот собрались начальник оперативно-чекистского отдела, зам. начальника по лагерю, руководители служб. Ксинтарис объяснил ситуацию. Начальник оперчекотдела майор В.К. Павлов предложил: *«Подберем надежных заключенных и разгрузим корабль»*, а заместитель по лагерю капитан Михно продолжил: *«Оденем заключенных в хорошую спецодежду, военизированную охрану также оденем, вместо винтовок дадим на всякий случай пистолеты...»*.

Тут же решили заключенным сказать всю правду, про указание министра, про 96 часов и про охрану с пистолетами. Собрали эзков в клубе лагеря, высказали им свои соображения. Эзки попросили некоторое время, чтобы посоветоваться. Вскоре один из заключенных от всех высказал просьбу: *«Мы постараемся и быстрее разгрузить цемент, вот только вместо солонины нам всем свежего мяса поесть, хотя бы по 100 граммов, да махорки просим по пачке в день...»*. Надо сказать, что в 4-м дудинском лаготделении держали 50 свиней. С махоркой и в Дудинке, и в Норильске было тяжело.

¹Ефросиния Антоновна Керсновская (1908-1994) – бессарабская хозяйка фермерского хозяйства. После присоединения Бессарабии к СССР (июнь 1940 г.) Е.А. Керсновская была зачислена в помещики и выслана в 1941 году на поселение и принудительные работы в Сибирь, а затем осуждена на 20 лет ИТЛ. Удивительная женщина, её жизнь и стойкость – это подвиг! Её 6-томное повествование «Сколько стоит человек» - одна из самых удивительных мемуарных книг XX века, в которой поведана почти невероятная история о поединке человека с тоталитарным государством

²Василий Ксинтарис. «...Норильская школа жизни и работы определила мое будущее». Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...», книга 2, Москва, «ПолиМедиа», 2008 г.

Например, если в 1948 году буханка хлеба стоила 20 рублей, то спичечный коробок махорки - 100 рублей.

В Дудинке было много хороших специалистов, они за три дня сшили спецодежду, описанную в американском журнале. Пароход разгрузили за 72 часа. В тот же день всех заключенных, разгрузивших цемент с английского парохода, пригласили в лагерьный клуб к накрытым столам и угостили хорошим обедом из свежего мяса. Всем сократили срок наказания - кому на три, кому на шесть месяцев.

Третий эпизод связан с А.И. Башкировым¹, сыном известного советского дипломата. В 17-летнем возрасте юношу причислили к «врагам народа». Он тяжело перенес этапирование в Норильск, а жизнь в Норильлаге оказались вообще невыносимой, и он решил, что бороться с судьбой бессмысленно. Однажды в сильный мороз он вышел из барака и сел в сугроб – умирать. Скоро почувствовал тепло, глаза стали слипаться... Последнее, что увидел уже сквозь сон, - белые женские чесанки, остановившиеся возле него. Сильные руки выдернули парнишку из сугроба, побудили идти. Он смутно сознавал, что его куда-то ведут, очнулся в теплом доме. Его раздели, укутали, напоили чаем, отогрели, накормили, приободрили и уже вполне ожившего, но еще окончательно не пришедшего в себя потихоньку отвели назад к бараку. Лишь несколько дней спустя он опознал свою спасительницу...по тем самым чесанкам. Оказалось, это была жена начальника лагпункта.

Судьбы людей в Норильске в те времена были тесно связаны. И не только в преодолении сурового климата, но и в необходимости безусловного выполнения правительственного задания - построить горно-металлургический комбинат и город. Причем невыполнение задания как по срокам, так и объемам не могло остаться безнаказанным и для вольнонаемных. Особенно для руководства. Руководители комбината могли быть объявлены вредителями и сами оказаться за колючей проволокой.

Норильский феномен вряд ли бы состоялся в условиях жесточайшего тоталитарного режима и сурового климата, если бы не способность людей сохранять человечность, проявляя взаимовыручку.

Как вдохновляюще звучит слово «взаимовыручка»! Без взаимовыручки вряд ли бы состоялись многие великие дела в нашем Отечестве.

Ранняя история Норильска, связанная с Норильлагом, столь героична, столь и трагична. Она дала бесценный опыт существования человека в экстремальной социальной и природной среде. Вследствие сложности, многообразия и противоречивости материалов досконально ещё не изучена. Правдивой официальной биографии становления и развития Норильска до сих пор нет. Не все архивные документы раскрыты. Слишком много в этой биографии такого, что замалчивается и искажается. Поэтому любые исследования по ранней истории Норильска очень важны.

Становление Норильска тесно связано с именами многих ученых, технических специалистов, организаторов производства, оказавшихся «врагами народа». Эту правду ныне стараются мало освещать. Её вы не найдете даже в материалах краеведческого музея города Норильска. Есть фотографии и материалы про прославленных руководителей комбината, начальников рудников, архитекторов, строителей, оказавшихся в Норильске по направлению или собственной воле. Но отсутствуют материалы о знаменательных людях, которые были заключенными, но которые часто являлись ключевыми фигурами в разрешении многих проблем становления комбината и города.

¹Арсений Иванович Башкиров - директор историко-производственного музея Норильского комбината с 1977 по 1984 год, автор и ведущий передач «Летопись Севера» на норильском телевидении.

В Норильлаг в основном отправляли людей, осуждённых на большие сроки, от 10 до 25 лет. Для таких «врагов народа» требовалась строжайшая изоляция. Таймырский полуостров за Полярным кругом был для этой цели подходящим местом. На севере полуостров далеко врезается в Северный Ледовитый океан и омывается морями Карским и Лаптевых, на юге с Большой землёй его связывает река Енисей. Тысячи километров дикой тундры и непроходимой тайги отделяют его от Большой земли. Добраться до Норильска непросто. Зимой только на самолётах. Летом можно речными судами по Енисею от Красноярска до Дудинки и затем по 110-километровой автомобильной трассе вглубь Таймыра. Есть ещё Северный морской путь с преодолением арктических льдов, который в основном используется для грузовых перевозок. У всех живущих на Таймыре формируется «островная психология» и когда они уезжают, то говорят, что едут на «материк».

Норильская биография в период сталинизма - это воплощение мобилизационной модели экономики в худшем её проявлении, когда наряду с вольным трудом официально существовал принудительный труд заключённых.

Как так получилось, что в управлении экономикой Страны Советов стали превалировать жесткие командно-административные методы с применением «чрезвычайных» мер?

Новая экономическая политика (НЭП), принятая в 1921 году по настоянию Ленина, дала возможность советской власти не только выжить, но и даже окрепнуть. Но НЭП вводился как явление временное. Он напрямую противоречил марксизму, так как допускал частнокапиталистические отношения в торговле, мелкой и частично средней промышленности. К тому же НЭП не мог решить задачи ускоренного развития и преобразования крестьянской страны в индустриальную.

В конце 20-х годов руководство страны стояло на распутье, по какому пути дальше развивать экономику. Разгорелись споры, в которых участвовали экономисты и политики, теоретики и практики, в том числе такие выдающиеся специалисты как А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский, А.А. Богданов, Н.И. Бухарин и другие. По острейшим проблемам формирования экономической политики, определения методов преобразований и выбора форм хозяйствования выявились два подхода.

Один подход, за который боролась группа Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.М. Томского - это сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, создание самодостаточной экономики с полным набором жизненно-необходимых отраслей и производств. Индустриализацию эта группа предлагала проводить только после накопления средств, полученных в легкой промышленности. Бухарин выступал против насильственной «перекачки» средств из крестьянского хозяйства в промышленность. Он считал, что развитие многоукладной экономики постепенно вытеснит индивидуальное хозяйство, окрепшее в период НЭПа. Бухарин был против устранения кулаков как класса, предлагая дополнительно обложить их налогами, что должно было постепенно выровнять их с остальными жителями деревни. Группу Бухарина поддерживала часть партийной интеллигенции, хозяйственников, квалифицированных рабочих и крестьян. Они осознавали порочность командно-бюрократических методов, искали пути превращения промышленного рабочего в реального хозяина на предприятии, выступали против авторитарного режима власти.

Это были социально значимые, но достаточно медлительные темпы.

Другой подход, который отстаивали генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин и его сторонники (В.М. Молотов, В.В. Куйбышев и др.) – это форсированное развитие тяжелой промышленности в ущерб другим отраслям (в первую очередь сельскому хозяйству). Сталин предлагал жесткое командно-административное управление и централизованное планирование. Необходимость чрезвычайных обстоятельств объяснялась «построением социализма в отдельно взятой стране» в условиях капиталистического окружения.

Позднее (февраль 1931 г.) в речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин прознес знаменитые слова: *«Мы отстаем от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».*

Победил подход Сталина. Партийная и государственная бюрократия не хотела расставаться с рычагами власти. Поражение сторонников Бухарина было вызвано не только субъективными причинами: политической волей Сталина, его целеустремленностью, искусными интригами, стремлением к единоличному лидерству, четким изложением своих мыслей, простым и даже упрощенным языком, но и объективными: общим состоянием экономического развития страны, требующим решительных действий.

Был выбран курс, исключая любые возможные демократические начала. Вращение партии в экономику и государственную сферу на тот момент стало отличительной чертой политической системы. Пирамиду партийно-государственного управления возглавил Сталин. Ранее второстепенная должность генерального секретаря ЦК ВКП(б) теперь получила первостепенное значение.

Страна Советов превратилась в государство с тоталитарным режимом, базовыми принципами которого стали: 1) централизация управления экономикой и контроля ее развития в целом; 2) господство единственной партии ВКП(б), ставшей по сути правящей партией; 3) диктат идеологии; 4) всеобъемлющий и всепроникающий полицейский контроль, в том числе тайный, за образом действия и мышления политически неблагонадежных людей.

«Диктатура пролетариата», которая должна была управлять государством рабочих и крестьян, фактически превратилась в диктатуру партии большевиков, а позднее эволюционировала в олигархию высших партийных органов ЦК и Политбюро. В стране появился новый социальный слой – аппаратная бюрократия, номенклатура, регламентирующая жизнь общества и управляющая им через свой аппарат – государство.

Как и планировал Сталин, за десять лет промышленность СССР прошла столетний путь и вышла на второе место в мире, уступив немного наконец-то выкарабкивающимся из депрессии, США. Специалисты по экономике и истории считают, что без ускоренного процесса индустриализации и коллективизации страны вряд ли была возможна победа СССР в Великой Отечественной войне.

Но правомерно задать вопрос: «А могла ли мобилизационная модель дать тот же результат в экономике, но без жесткого тоталитарного режима, без применения насильственных методов и репрессий? На этот вопрос у современных историков и социологов нет однозначного ответа. Некоторые считают, что революционные преобразования, начавшиеся в России с 1918 года, продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны и, конечно, они не могли проходить без насилия, жестокостей и смертей. И неправильно виновниками многомиллионных жертв, явившихся результатом разрушения устоявшихся правил жизни, классовой ненависти людей друг к другу, гражданской войны «красных» и «белых» и народных бунтов, винить только главных действующих лиц революционных преобразований: Ленина, Троцкого, Свердлова, Сталина и других. Любая революция и спровоцированная ею гражданская война, – это всегда жестокость и жертвы. И участниками этих деяний являются уже не единицы, а множество людей.

Революция 1917 года не изменила деспотический характер государственной власти, заложенной в России еще во времена Ивана III. В XIX веке деспотия Российской империи выражалась в формуле: «самодержавие, православие, народность», как основы особого исторического пути страны. Деспотия как форма правления не ушла в историю, она сохранилась в России и после захвата власти большевиками. Как считают многие современные историки, Россия с её имперским прошлым и огромной периферией не может существовать без деспотии, ее проявления до сих пор встречаются в жизни современной России.

Но большевики в деспотию привнесли тоталитаризм. Тоталитарный режим деспотической власти породил целый букет насильственных действий: продразверстку, раскулачивание, ускоренную коллективизацию и индустриализацию, классовый террор, репрессии инакомыслящих и т.д.

В декабре 1918 года Л.Д. Троцкий, которого тогда называли Демоном революции, на объединенном собрании Курского партактива говорил: *«Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивости, мягкотелости история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов.*

Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти...».

В феврале 1928 года в Москве на очередном пленуме ЦК ВКП(б) Генеральный секретарь И.В. Сталин в своей речи выдвигает тезис о грядущем обострении классовой борьбы в стране: *«По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть... будет проводить политику изоляции этих элементов, политику подавления...<...> Чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных чрезвычайных условиях, когда нет у нас в наличии других мер при маневрировании...<...> Мы не можем зарекаться раз навсегда от применения чрезвычайных мер».*

К 30-му году оппозиция была запугана. Троцкий выдворен за пределы страны. В 1925-1930 годах проходил крупный судебный процесс по сфабрикованным материалам о вредительстве. В промышленности и транспорте. Всего по делам, связанным с «промпартией», было арестовано более двух тысяч человек

1930-й год начался с шифрованной телеграммы за подписью Сталина: *«Харьков – Косиору, Чубарю... Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нам нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Кроме того, пусть знает так называемая «Европа», что репрессии против контрреволюционной части спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов, имеют полное оправдание и, по сути дела, бледнеют перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев. Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде. №8/Ш. 2.01.30.».* Эта одна миллионная часть строго секретного личного архива Сталина. Вовлеченные в орбиту преступлений Косиор и Чубарь не понимали, что обречены (они не дожили даже до конца 1930-х).

Каждый случай сопротивления вождю, даже микроскопически проявленный, грозил попасть в разряд антинародных и антигосударственных преступлений. Самый яркий пример – дела Рютина, Смирнова, Эйсмонта, Толмачева, которые дали импульс фабрикации многочисленных дел об «антипартийных группах» на местах. С конца 1932 года была объявлена чистка в партии. В 1933 году из ВКП(б) было исключено 365 тысяч человек, что составляло 10% членов партии. Многие коммунисты подверглись столь же суровым репрессиям, что и «настоящие враги», пособниками которых эти коммунисты были объявлены.

Еще в апреле 1919 года вышел декрет «О лагерях принудительных работ». В документах 1919-1920 годов была сформулирована основная идея лагерного содержания – работа «по изоляции вредных, нежелательных элементов и приобщение их путем принуждения и перевоспитания к сознательному труду». Все места заключения должны были перейти на самокупаемость.

До 1929 года на территории Советского Союза существовали только лагеря особого назначения ОГПУ (Объединенного государственного политического управления). С 1929 года после выхода постановления Совета народных комиссаров (СНК) СССР «Об использовании труда уголовно-заключённых» появились Исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Первая группа ИТЛ была создана на Севере для освоения природных богатств Северного края, в особенности каменного угля в районах бассейна рек Печоры и Воркуты, нефти на Ухте, строительства железных дорог и грунтовых путей. Деятельность этих лагерей осуществлялась под руководством Управления северных лагерей особого назначения ОГПУ.

В апреле 1930 года по постановлению СНК СССР было образовано Главное управление лагерей и мест заключения (ГУЛАГ). Все крупные лагеря по постановлению подлежали передаче из Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в ведение ГУЛАГа. Репрессии стали массовыми в середине и второй половине 30-х годов, жертвами стали представители всех групп населения СССР.

Вопрос, способен ли ГУЛАГ осуществлять строительство и обслуживание крупнейших промышленных проектов, в этот период принципиально уже не стоял. В 1933 году был сдан в эксплуатацию Беломоро-Балтийский канал, за два с половиной года построенный трудом заключенных. Именно там с подачи начальника Беломорстроя Лазаря Когана и появилось знаменитое сокращение з/к - «заключенный каналоармеец». С 1932 года шло строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). В принятом в 1933 году новом Исправительно-трудовом кодексе РСФСР принцип обязательности труда заключенных был закреплен окончательно.

Заключенных стали использовать для строительства в труднодоступных районах шоссейных и железных дорог, промышленных объектов, каналов, разведки полезных ископаемых и т.д.

ГУЛАГ благодаря системе «исправления принудительным трудом» быстро превратился в фактически самостоятельную отрасль народного хозяйства. Обеспеченная дешевой рабочей силой эта «отрасль» решала задачи индустриализации восточных и северных регионов. В мае 1935 года пять лагерей, занятые реализацией важнейших народнохозяйственных объектов, стали подчиняться непосредственно начальнику ГУЛАГа. Остальные лагерные управления сохранили подчиненность начальникам территориальных УНКВД.

Советская власть не была пионером использования подневольного труда на отдаленных, тяжелых стройках. Принуждение было обычной практикой в царской России: упомянем строительство Санкт-Петербурга, где основными строителями были помещичьи крестьяне и солдаты; при строительстве Исаакиевского собора, Мариинской водной системы, Николаевской и Петербургско-Варшавской железных дорог основными строителями были крепостные крестьяне; при строительстве же Транссибирской магистрали значительную часть строителей составляли ссыльные арестанты и солдаты.

Впрочем, Запад в этом смысле опережал Россию. Британцы в XVIII-XIX вв. заселяли Австралию каторжниками. А что уж говорить о негритянском рабстве в Южной и Северной Америке.

Не был СССР и единственной страной по интернированию некоторых народностей с исторических мест проживания в географически отдаленные районы. В 1942 году насильственному перемещению в специальные лагеря штата Арканзас подверглись все граждане японского происхождения (около 120 тысяч человек) с западного побережья США (Калифорния, Орегон и Вашингтон).

При всей негативности восприятия ГУЛАГа все-таки надо отметить значимый вклад заключенных в решение некоторых стратегических задач на Севере, на Урале, в Сибири, Дальнем Востоке, хотя производительность их труда была невысокой, а доля их труда в общем народном хозяйстве СССР никогда не превышала 10%.

Эпоха сталинского правления была для нашего народа не только героической, но и трагической. Страной руководили люди, подчас плохо образованные, но сильные характерами, фанатично преданные Сталину, в обожествлении которого сами и участвовали. Был ли это вынужденный конформизм или - следствие гипноза личности И.В. Сталина? Видимо, было и то, и другое. Да, была «сильная власть», но она была неразборчива в средствах и выборе кандидатов в смертники и узники. Сколько страна потеряла умов, талантов, работоспособных крестьян, народных умельцев...

Начавший свое существование в 1935 году Норильлаг стал одним из крупнейших в ГУЛАГе с подчинением непосредственно начальнику ГУЛАГа. В 1955 году (за год до расформирования) он содержал 14 лагерных отделений, объединивших 29 лагерных пунктов, расположенных не только в Норильске, но и в Дудинке, Игарке, Красноярске, пос. Подтесово, селах Маклаково, Атаманово, Шушенском.

Норильлаг имел ряд особенностей и не являлся «усредненным», типичным лагерем. Он принадлежал к приоритетным лагерям в системе ГУЛАГа, что определялось во многом стратегическим значением связанного с ним никелевого производства. К этому нужно добавить необыкновенно сложные географические условия региона. Это суровый климат, отличающийся долгой зимой, среднегодовой температурой минус 10,5°С (самый холодный месяц - январь со средней температурой минус 30,6°С; самый теплый - июль со средней температурой плюс 10,5°С), морозами до минус 50°С, частыми пургой и ураганами. Климатические условия еще усугубляются полярной ночью на протяжении больше двух месяцев.

Довольно подробный анализ особенностей Норильлага и экономических трудностях раннего периода сделан в трудах Л.И. Бородкина и С. Эртца¹, И.Н.

¹Бородкин Л.И. и Эртц С. «Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х – начало 50-х гг.». Экономическая история: Ежегодник 2003. - Москва, 2004, стр.177-233 .

Трофименко¹ и более ранней работе Т. Венсеносцевой². В качестве источников авторы использовали Архивные фонды ГУЛАГа и ГУЛГМП (Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий), которые содержат большие массивы статистического материала двух категорий. Во-первых, это данные учетно-распределительного отдела (УРО) ГУЛАГа, где собраны регулярные отчеты об абсолютной численности заключенных во всех лагерях, в том числе и Норильлаге. Во-вторых, это годовые отчеты самого Норильского комбината, которые позволяют восстановить в деталях структуру и динамику рабочей силы Норильлага.

Ниже приведены наглядные графики, взятые из труда Л.И. Бородинки и С. Эртца. Из графика рис.1 видим:

- 1) численность заключенных вплоть до конца 1950 года стремительно возрастает.

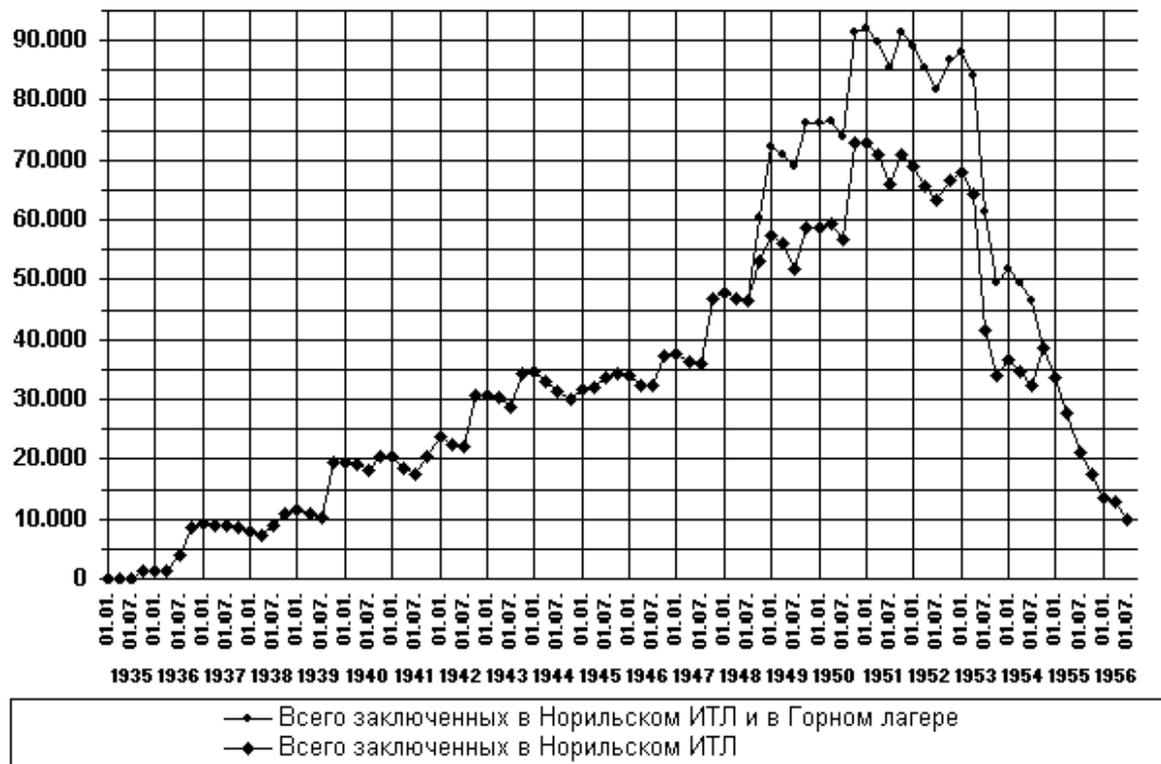

Рис.1 Численность заключенных в норильских лагерях (1935-1956).

Есть только два года (1937 и 1944), в течение которых этот показатель не повышался, а слегка снизился, что не помешало, впрочем, постепенному превращению Норильлага в один из крупнейших лагерных комплексов ГУЛАГа. Абсолютный пик числа узников приходится на начало 1951 года, когда Норильлаг содержал почти 73 000 заключенных в 24 лагерных отделениях, 23 лагерных пунктах и 6 прочих подразделениях. Кроме того, еще 19 000 заключенных находились в это время в Горном лагере;

2) динамика численности заключенных подвержена сезонным колебаниям. Увеличение числа заключенных происходило всегда в летний период, когда осуществлялся привоз новых заключенных по Енисею из Красноярска, где находилось транзитное лагерное отделение Норильлага. В остальное время года имело место

¹Трофименко И.Н. «Норильский исправительно-трудовой лагерь: отбор контингента и уровень смертности заключенных (1935—1950 гг.)». - Общество «Мемориал». Региональное объединение «Сибирь»: Норильская Голгофа. Красноярск, 2002.

²Татьяна Венсеносцева. «Создание опорной базы для строительства НГМК. Норильлаг при В.З. Матвееве». – Норильский мемориал, вып. 4, 1998.

уменьшение контингента за счет освобождения, смертности, перевода в другие места заключения и т.д.

Из сопоставления графиков на рис.2 видим, что уровень смертности в Норильлаге на всем рассматриваемом периоде был значительно ниже, чем в среднем во всех исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, а также чем в других лагерях «профильного» главка ГУЛГМП.

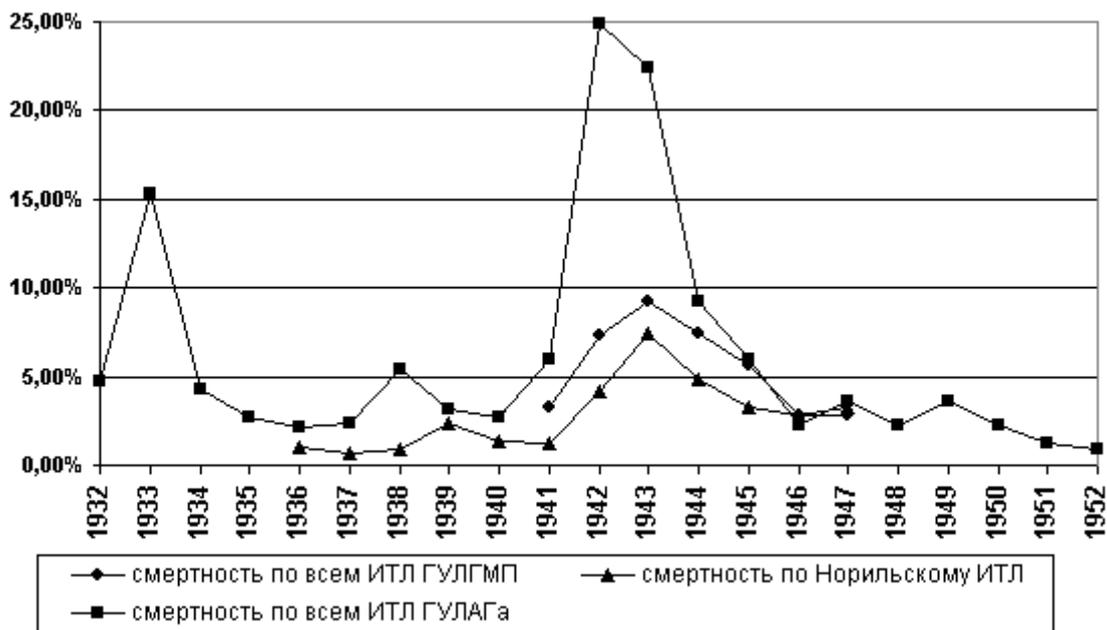

Рис.2 Сопоставление динамики смертности среди заключенных по всем лагерям НКВД, по лагерям ГУЛГМП и по Норильлагу (% умерших от среднегодового состава)

В 1942-1943 годах, когда уровень смертности по всем лагерям составил, соответственно, 24,9% и 22,4% (в течение года умирала почти четвертая часть всего лагерного населения), этот показатель в Норильске был в несколько раз ниже (4,2% и 7,2%, соответственно). Относительно низкая смертность заключенных была связана с тем, что норильская администрация поддерживала относительно хорошее их физическое состояние, так как без этой подневольной рабочей силы невозможно было вести строительство.

Принимались специальные меры, чтобы заключенные могли работать в тяжелых условиях Заполярья и не умирали. Во-первых, заботились о питании. В многочисленных личных свидетельствах бывших заключенных отмечается, что условия в Норильлаге были, естественно, очень тяжелыми, но питание было все-таки несколько лучше, чем в большинстве других исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. Во-вторых, в Норильск не отправляли тех узников, которые оценивались как неспособные к труду за полярным кругом. Существовала специальная инструкция «для медицинского отбора и направления заключенных в Норильлаг», утвержденная в 1941 году начальником Норильского комбината и лагеря А.А. Панюковым и составленная на основе приказа НКВД СССР от 22 мая 1940 года. По инструкции направлению в Норильлаг подлежали «заключенные годные к тяжелому и среднему физическому труду и заключенные специалисты из административного техперсонала годные к легкому физическому труду», в возрасте от 20 до 50 лет. Инструкция содержала список из 44 болезней, наличие которых не позволяло отправлять заключенных в Норильлаг.

Из графика на рис.3 видно, что количество вольнонаемных работников росло одновременно с ростом числа заключенных, работающих по группе «А» (основное производство и строительство), причем темп роста числа вольнонаемных был выше: если в 1941 году на комбинате работали 3734 вольнонаемных и 16532 заключенных, то

к 1949 году вольнонаемных стало 20930, а заключенных - 44897. Из этого следует, что «вольный» труд на Норильском комбинате в течение 40-х годов стал играть более важную роль.

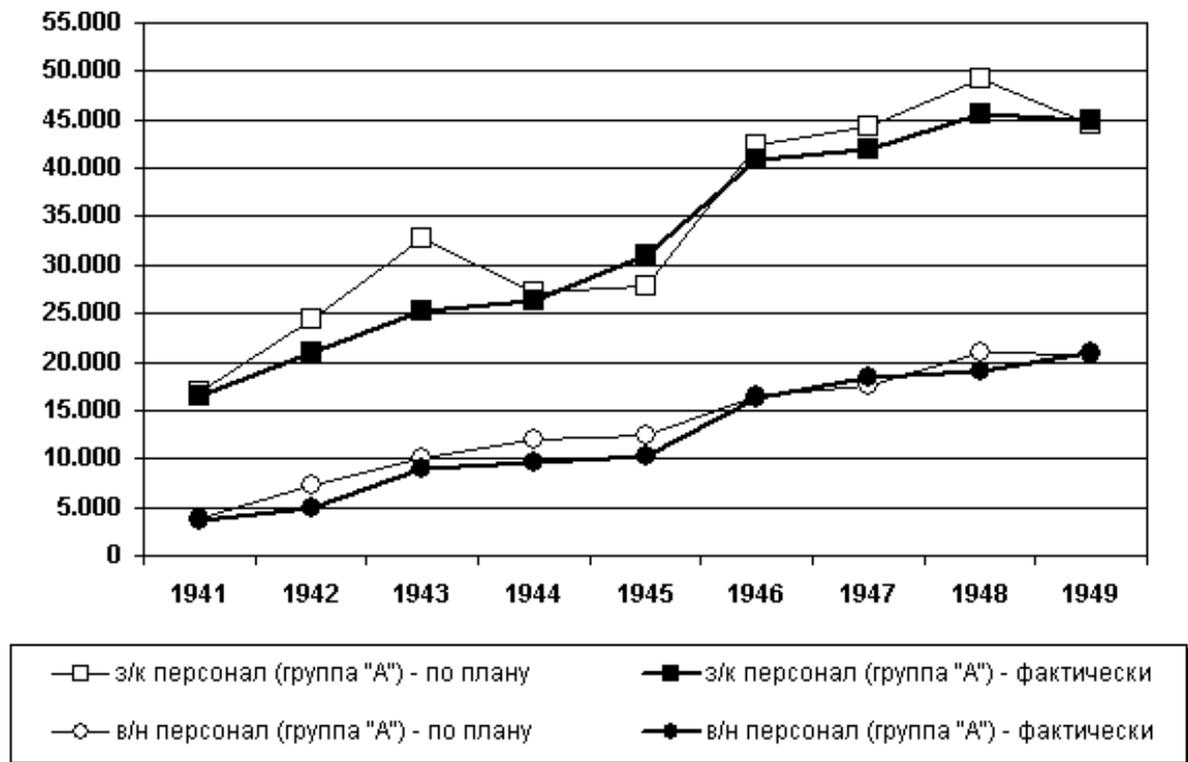

Рис.3. Численность вольнонаемного (в/н) персонала и заключенных (з/к), работающих по группе «А»

В самом начале строительства комбината количество вольнонаемных было минимальным. В конце 1936 года они во всех секторах (включая не только группу «А», но и управление, охрану, санитарную службу и т.п.) составляли 223 человек против 4552 заключенных, а в 1937 году, соответственно, 384 против 8658. Постепенный рост числа вольнонаемных в последующие годы в Норильске в основном происходил за счет освободившихся заключенных, которых удерживали в Норильске разными путями. Например, одна из практик состояла в том, что многих освободившихся заключенных, особенно политических, направляли на «спецпоселение», так что они оказывались на положении ссыльных. Им вручался паспорт или другой документ с указанием ограничения места жительства, а зачастую с запретом покинуть даже границы города Норильска. Вольнонаемными становились и те заключенные, которые по постановлению Верховного Совета СССР подлежали досрочному освобождению с отправкой на фронт, но по настоянию администрации были оставлены на производстве. Во время войны на вольнонаемных работников комбината распространялась бронь, освобождающая их от призыва в Красную Армию.

Одной из особенностей Норильлага являлось использование на ответственных должностях квалифицированных специалистов-заключенных: инженеров, техников, технологов, геологов, металлургов, строителей, врачей, экономистов, бухгалтеров и др.

• • •

Модель Норильлага не вписывается в ГУЛАГовскую систему, описаную В.Т. Шаламовым и А.И. Солженицыным. По Шаламову ГУЛАГ - это нравственное и физическое дно, превращающее человека в существо «без свойств», место крайней степени одичания и падения. Шаламов не верил, что пребывание в лагере может закалять волю, давать человеку хоть какой-то позитивный опыт. По Солженицыну ГУЛАГ - это «чудовищное

отклонение от нормальной человеческой жизни», делающее человека похожим на манкурта. Конечно, мало кто выходит несломленным из тяжелой жизненной драмы: без гнева, злобы и отчаяния, а, наоборот, духовно окрепшим. Отчего так происходит? Скорее всего, не из-за крепкого физического здоровья, сильной нервной системы или выносливости. Существуют более важные вещи: вера, любовь, надежда, чувство Родины.

В Норильлаге многие очевидные истины обнаружили неоднозначность. Оказалось, что и при рабском закреплении труд может быть вдохновенным, и при несвободе человек может быть духовно свободным и даже в нечеловеческих условиях он может оставаться человеком.

Что такое Норильлаг в заполярном Норильске? Вряд ли скажешь лучше, чем это сделано в монографии «Норильская голгофа» (Москва, 1999 г.) сибирским ученым, доктором исторических наук С.А. Папковым:

«Норильлаг представлял собой уникальное социально-политическое и экономическое образование. Это было не только важное хозяйственное подразделение ГУЛАГа с тысячами заключенных, но и особый вид сталинской цивилизации, в которой непрерывно и повсеместно переплетались проявления лагерной неволи и относительной свободы нелагерного населения... Действие общечеловеческих, традиционных экономических и даже обычных советских законов приобретало здесь совершенно иное качество и направление. Несовпадение с нормами советской реальности 30-50-х годов наблюдалось практически во всем, начиная с социальной и демографической структуры региона, сложившейся под влиянием ГУЛАГа. (Известно, например, что в начале 40-х годов в общем составе населения Норильска женщины составляли всего 7-8%). В целом же, это был опыт существования человека в экстремальной социальной и природной среде, и его детальное исследование должно быть продолжено, чтобы полностью оценить значение данного исторического феномена».

Конечно, Норильлаг не мог не жить по правилам ГУЛАГа, там были и насилие, и жестокость. Но надо было строить комбинат и город! Кайло и лопата при работе с вечномерзлым грунтом, суровый норильский климат, убогая пища выкашивали заключенных, не давая шансов выжить. Полгода, год и человек умирал. Чаще всего не выдерживали аристократы духа, интеллектуалы, альтруисты, те, которые хоть и жили «не хлебом единым», но не могли побороть голод, холод и болезни...

... Именно про таких аристократов духа писал Сергей Снегов (по паспорту Штейн Сергей Иосифович) в «Норильских рассказах» (Москва, «Советский писатель», 1991): *«В вечно голодном 2-м лаготделении, где ложки облизывались насухо, а хлеб подъедался до крох... было интересно и культурно. Там обитала интеллигенция... В клубе скрипач Корецкий играл Равеля и Паганини, Сарасате и Баха, Алябьева и Де-Фалья. В бараке можно было сразиться в шахматы с проектировщиком Габовичем... На нарах спорили о философии Лейбница и Шпенглера, поэзии Вийона и Маяковского, эпосе Гомера и Шолохова... обсуждали представления Леметра о мироздании, общетеоретические ошибки Гейзенберга и Бора, парадоксы Бройля и Борна... Здесь я впервые нутром ощутил, что не хлебом единым жив человек».*

Удивительно, что ни у одного автора воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...» нет отторжения норильской жизни, а наоборот, все пишут о своей привязанности, любви к Норильску, хотя многим из них пришлось пережить Норильлаг. Вот как о своих двойственных чувствах пишет в своих воспоминаниях инженер-химик из Эстонии Арно-Тоомас Пихлак¹: *«Годы, проведенные в Норильске, с одной стороны, были самыми тяжелыми и трудными, а с другой – это лучшие годы моей жизни. Норильску я обязан тем, что здесь стал горным инженером высокой квалификации... Я и сегодня ощущаю себя норильчанином, хотя стал им не по своей воле... Просто Норильск – это моя судьба».*

А вот отрывок из стихотворения Давида Кугультинова, народного поэта Калмыкии, бывшего узника Норильлага:

*Норильск, Норильск, -
Неповторимый город!
Меня во сне сжигает твой мороз,
и до сих пор огнем былых обид
меня сиянье Севера слепит.
Тебя, где слиты молодость и стужа,
люблю – но как люблю?..*

Первые начальники строительства города и металлургического комбината В.З. Матвеев и А.П. Завенягин вынуждены были создать систему сотрудничества эков, вольнонаемных и представителей власти в рамках целенаправленной, значимой для страны работы. Заключение, имеющие среднее и высшее техническое образование, как правило, использовались по специальности. И это был уже не совсем рабский, а внутренне мотивированный труд, который возвращал человеку чувство собственного достоинства. Эту роль труда отмечают многие авторы воспоминаний. Например, Рудольф Иванович Королько, инженер, проектировщик металлургических заводов, вспоминает²: *«Норильская школа жизни и работы – это особая школа. Дамоклов меч Сталина (даже после его смерти), экстремальные условия Крайнего Севера порождали высочайшую ответственность за все и за всех, кто рядом. Здесь ценили человека за его истинные качества, будь он экз или вольнонаемный. Бывало, не спали сутками, если надо было для дела. Помогали друг другу. Не гонялись за деньгами и трудились на благо Отечества».*

За три пятилетки (начиная с 1935 года) промышленного освоения Норильского горнопромышленного района были достигнуты поразительные результаты.. В этой пустынной тундровой зоне Красноярского края, в условиях вечной мерзлоты и полярного климата руками десятков тысяч заключенных удалось создать один из крупнейших в мире металлургических комбинатом законченного цикла – флагман советской промышленности по добыче и переработке цветных металлов, сформирована широкая транспортная инфраструктура региона и создан новый центр урбанизации Севера – город Норильск.

¹Арно-Тоомас Пихлак. *«Наконец 23 апреля 1958 года я высвободился из сетей КГБ, в которых находился 16 лет и 10 месяцев – с 14-летнего возраста!»*. Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...». Книга 6. Москва, «ПолиМедиа», 2005.

²Рудольф Королько. *«Такие таланты, как Бурштын, и построили Норильский комбинат»*. Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...». Книга 1. Москва, «ПолиМедиа», 2003.

2. Моё знакомство с Норильском

Моё знакомство с Норильском состоялось в 1952 году¹, когда мне было 15 лет. По молодости и деревенской дремучести я многого не понимал, особенно в социально-политических делах, но всё виденное и слышанное за два года жизни в Норильске глубоко запечатлелось в памяти и нашло осмысление только много лет спустя.

Тогда Норильск был еще посёлком, его нельзя было найти на географических картах из-за закрытости. Попасть в Норильск вольному человеку можно было только по специальному пропуску или вызову. У меня был вызов из Горно-металлургического техникума, куда я был приглашен на учебу после окончания семилетки в небольшом сибирском селе Назимово, что раскинулось на берегу Енисея в 174 километрах севернее города Енисейска. Был принят без экзаменов, так как имел Похвальную грамоту. В то время в СССР семилетка являлась базовым образованием, и давала возможность поступить в ремесленные училища или техникумы.

В техникум меня не приняли по причине почти месячного опоздания. Вызов я получил в начале сентября, когда находился в г. Красноярске, куда, не дождавшись ответа из Норильска, сбежал из села, надеясь поступить в речной техникум. Получив письмо из Назимова с вложенным вызовом из норильского техникума, я сразу «рванул» на Речной вокзал, где пришлось ждать недолго: ближайший теплоход «Мария Ульянова» отправлялся через сутки. Денег на билет у меня не было, поэтому пришлось плыть «зайцем», проявив мальчишескую сноровку при посадке. На четвертые сутки теплоход делал часовую остановку в пос. Курейка, где как раз было окончено строительство музея-пантеона И.В. Сталина. Я умудрился отстать от теплохода. В Дудинку удалось попасть только через неделю на грузовой барже, буксируемой катером.

От Дудинки до Норильска можно было добраться только по железной дороге. Пассажирские поезда ходили в Норильск раз в сутки. Но этот комфорт мне, безденежному, не подходил. Какой-то мужик на вокзале показал мне товарный состав, готовившийся отправиться вечером в Норильск. На одной из открытых платформ я заметил сложенные рядами большие ящики, среди которых я и спрятался. Ночью в тундре меня, продрогшего до костей, вытащил из-под ящиков вохровец². Вохровец выслушал объяснения, просмотрел мои документы. Вызов в норильский техникум оказался пропускным, и мне было разрешено ехать дальше.

Сколько спасительных надежд у меня было связано с техникумом. Но, увы! В учебной части мне объяснили, что прием давно закончен, уже почти месяц идет учеба, общежитие переполнено. Проявив настырность, я проник в кабинет к заместителю директора. Все мои уговоры со слезами на глазах его не тронули: *«Приходи через неделю, из Москвы должен приехать директор, он, может быть, решит этот вопрос иначе»*. Я оказался у разбитого корыта, везение кончилось. Что такое неделя для сытого чиновника и что такое неделя для бездомного и безденежного парнишки, оказавшегося в незнакомом городе?!

У меня был норильский адрес (посёлок рудника 3/6) однокашника из Назимова Генки Высотина, с которым я переписывался, узнавая все о норильском техникуме. Он жил у своей сестры, после семилетки не учился, работал. Прохожий, у которого я спросил, где посёлок рудника 3/6, показал мне бараки на склоне горы. Только потом я узнал, что это богатая рудой гора Рудная, а в посёлке жили вохровцы и бывшие заключённые, ставшие вольнонаёмными.

¹Моя жизнь в Сибири до Норильска и в Норильске описана в книге: Анатолий Беляев «Всё началось с Енисея...». Книга первая. «Детские годы в Сибири», г. Москва, «ПолиМедиа», 2013.

²Вохровец – солдат военизированной охраны.

1952 г. Горно-металлургический техникум на ул. Октябрьская

Пришлось шагать долго, кончилась застройка, начались пустыри, какие-то непонятные строения... Мальчишеская ловкость в этот раз сослужила мне плохую службу: я оказался в зоне оцепления рудника 3/6, где работали заключенные.

Вдали гора Шмидтиха (с острым выступом). Перед ней – гора Рудная с рудником открытых работ «Медвежий ручей» и подземным рудником 3/6. Справа в дымке (северное направление) - город Норильск. Поселок рудника 3/6 – бараки в центре фотографии, слева от дороги, идущей из города. Бараки правее (на этой же стороне) - женский лагерь, по другую сторону дороги (склон горы) - мужской лагерь.

Меня потом долго мучил вопрос, как я мог попасть в зону оцепления, ведь через колючую проволоку я не перелезал - это бы я запомнил. Только прочитав некоторые воспоминания норильчан «О времени, о Норильске, о себе...», мне стало понятно, как это могло произойти. Расконвоированные¹ заключенные могли выходить и входить в зону оцепления через ворота (они имели специальные пропуска). Видимо, при входе в зону оцепления охрана проверяла пропуска попустительски (в зону человеку попасть было проще, чем выйти из неё). Не исключено, что меня приняли за расконвоированного мальчишку – мальчишки тоже сидели².

Но вот что я хорошо запомнил! В зоне оцепления мне попалась уличная лавка, где несколько мужиков стояли в очереди за каннским табаком, очень ценным тогда курильщиками. В лавке продавались также свежие хлебные булочки, аромат от которых доводил меня до головокружения. Я не мог утерпеть и попросил мужика купить булочку. Он, ничего не говоря, тут же купил и протянул ее мне. Только потом я узнал, что здешние мужики работали на руднике и в основном были заключенными.

Уточнив направление на поселок рудника, я свернул с дороги на пустырь, идущий на спуск. Вдруг услышал резкий окрик «Стой!». Кричал вохровец с вышки, которая вдруг выросла впереди меня. Ничего не понимая, я пошел к вышке. Охранник снова закричал «Стой!» и выстрелил. Я от страха присел и стал ждать, когда он ко мне подойдет. Но подошел ко мне не он, а другой и как-то незаметно сзади. Так я был под конвоем препровожден в местную комендатуру. Меня стали допрашивать. Что я мог ответить на вопросы, как попал на территорию зоны, что проносил, с кем связан и так далее? Выслушав мою исповедь и уразумев, кто я, откуда пришел и куда иду, один из лейтенантов проводил меня до нужного барака поселка 3/6.

Так я оказался в семье эстонца дяди Саши, одного из осужденных в 1945 году «лесных братьев»³, где прожил около восьми месяцев. Сестра Гены Высотина была женой дяди Саши. Семья (дядя Саша, сестра Гены, Гена и трехлетняя дочь) жила в однокомнатной квартире (около 18 кв. метров) длинного барака. Узнав всё случившееся со мной, «лесной брат», пожалев меня, предложил жить до поступления в техникум. Дядя Саша работал мастером-сапожником. Сапожные навыки, привитые мне отчимом при жизни в селе,годились, и я мог заработать на еду. Моя влюбленность в тундру тоже связана с жизнью у дяди Саши, который любил охоту, имея нелегальную «тозовку»⁴. В тундру мы ходили далеко (20-25 км), добывая куропаток и песцов. Походы в тундру забыть нельзя, она необыкновенно красива, даже зимой, когда нет метелей. В отличие от тайги, где всё живое и красивое спрятано, в тундре всё открыто для созерцания и восхищения.

¹Расконвоированный заключенный имел пропуск для выхода как из лагпункта, так и зоны оцепления. Он мог пойти в город, на базар или в магазин для вольнонаемных и купить продукты, которых нет в лагерной лавке. Мог послать по вольной почте письмо домой – семье, что было запрещено. И если на этом его ловили, то могли лишиться пропуска или переписки. Мог свободно прийти в Дом инженерно-технических работников (ДИТР), где имелась хорошая библиотека, и просмотреть последние номера имеющихся газет и журналов. Приятно было, сидя в мягком кресле у столика с затемненной абажуром лампой, почувствовать себя вольным человеком.

²Дети, начиная с 12-летнего возраста, наказывались в годы сталинских репрессий наравне со взрослыми. О труде несовершеннолетних заключенных в Норильлаге было известно еще в 1936 году, когда была создана и функционировала Норильская трудовая колония. Барак, где жили дети, состоял из четырех секций, в каждой проживало около 40 человек. Трудовой день начинался с подъема в шесть часов, через час развод, возвращение в 5-6 часов вечера, еда три раза в день (до 1951 года – только два раза). Точная цифра умерших в Норильске детей до сих пор не известна.

³Лесные братья с 1944 по 1953 год активно боролись на территории Эстонской республики с советской властью за восстановление независимости. После войны в отрядах этих борцов насчитывалось около тридцати тысяч человек. Фактически это были вооруженные банды, совершающие убийства и грабежи.

⁴«Тозовка» - однозарядная малокалиберная винтовка «ТОЗ», называемая еще как «мелкашка».

Лагерное окружение в Норильске ощущалось повсеместно. Как-то я испытал это на своей голове, когда попытался на ходу сесть в «воронок»¹. Машина шла на подъем из города на рудник. В такую машину запрыгнуть не составляло труда. Из-за висящего сзади брезента не было видно, кто едет в машине. При попытке залезть в машину я получил сильный удар по голове. Оказалось, что машина везла заключенных, а охранник выполнял свой долг...

Или вот такая впечатляющая картина... По улице шагает колонна людей в телогрейках. Охранники с винтовками по бокам колонны, сзади же ещё и с собакой. Вот охранник отпускает поводок, и собака прыгает на спину отставшего человека (обессилевшего или больного) и рвёт зубами телогрейку. Подобное я видел в военных фильмах, которые раз-два в месяц привозили в село. Там людей рвали собаками в фашистских лагерях... А тут свои вели под конвоем своих, да еще с собаками. Разве это забудешь!

Между поселком рудника 3/6 и городом находились мужская №5 и женская №6 лагерные зоны². Эти зоны разделялись дорогой, связывающей рудник с городом (см. фотографию выше). Как-то я был свидетелем переброски письма, прикрепленного к камню, из женской зоны в мужскую. Но камень с письмом не перелетел через проволочное ограждение, а упал на обочине около ограждения. И что тогда меня поразило: идущий по дороге мужчина, не испугавшись охранника на вышке, подобрал этот камень с письмом и бросил в нужную сторону.

В 1953 году в течение двух летних месяцев (июнь–июль) в Норильске происходили события, вошедшие в историю страны как норильское восстание заключенных. Правильнее было бы назвать это событие не восстанием (такое название было дано следственными органами), а протестом, неповиновением.

В Норильлаге помимо 49 лаготделений ИТЛ существовало пять каторжных зон Горного особорежимного лагеря (Горлаг)³. Число узников норильского Горлага, созданного в 1948 году, составляло около 20 тысяч. В нем содержались наиболее «опасные» заключенные со сроками от 10 до 25 лет: пособники немецких палачей, участники национального движения сопротивления Прибалтийских стран, Западной Украины и Западной Белоруссии, в том числе и зарубежные пособники фашизма из Франции, Чехословакии, Венгрии, Польши, Югославии. Здесь находилось немало солдат и офицеров Красной Армии – участников войны с Германией, бывших военнопленных, по разным причинам представших перед военным трибуналом. Кроме того, для «усмирения» и «перевоспитания» в Горлаг были переведены тысячи особо непокорных из других ИТЛ ГУЛАГа.

Состав заключенных был столь уникален, что самого богатого воображения не хватит, чтобы представить его.

В Горлаге, например, находились бывшие: начальник управления НКВД по Орловской области Иван Ананьев; начальник отдела НКВД (при Ежове) Семен Кричман; начальник Вязьмолага Лев Рудминский (строил дорогу Москва – Минск); секретарь Омского обкома партии Иван Бакланов; заместитель Министра иностранных дел Украины Дмитрий Демьяненко;

¹«Воронок» - крытая брезентом грузовая машина «ЗИС» с сиденьями для перевозки людей.

²Согласно справке начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова по состоянию на 29 мая 1953 года в 6-й женской зоне находилось 3015 человек (из них 500 женщин-каторжанок). Украинки составляли 70%, россиянки – 10%, остальные 20% – женщины других национальностей (латышки, литовки, эстонки и т.д.). В мужской зоне №5 находилось 5090 человек.

³Каторжные лагеря появились в 1943 году. Одна из причин – начало практических работ по созданию атомной бомбы. Каторжанин подвергался строжайшей изоляции и использовался на тяжелых, вредных работах. Известно, что в декабре 1944 года Сталин подписал постановление, согласно которому Наркомат цветных металлов все программы по добыче и переработке урана передавал НКВД под контроль Л.П. Берии. К концу 1944 года в составе НКВД уже было 5 каторжных лагерей (около 6 тысяч каторжан). К сентябрю 1947-го число каторжан превысило 60 тысяч человек.

секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Мильчаков; зам. наркома пищевой промышленности Владимир Чигринцев; профессор Института марксизма-ленинизма Елизавета Драбкина; герои Советского Союза Андрей Шебалков и Иван Воробьев; работник «Смерша» майор Андрей Ершов; лихой кавалерист 1-й Конной Армии Барханов; русско-советский писатель Алексей Гарри – адъютант Котовского; офицеры советской разведки Федор Каратовский-Смирнов, Александр Гусев и Александр Мамонтов; легендарный советский разведчик-нелегал Д.А. Быстролетов; известный комдив Красной армии, гроза белогвардейцев и бандитов Николай Провоторов; профессор и член-корреспондент Академии Наук СССР Н.М. Федоровский; англичанин, доктор филологии Мак-Махон, учившийся в учебных заведениях Оксфорда, Сорбонны, Берлина, Пизы и Барселоны (кроме родного английского в совершенстве владел русским, немецким, французским, итальянским и испанским языками); ученый лама из Китая; известный поэт Калмыкии Давид Кугультинов; видные деятели Международного коммунистического движения из Франции, Венгрии, Болгарии, Польши, Австрии, Китая, Японии и других стран (Жак Росси, Йозеф Лендел, Благой Попов, Иосиф Бергер и другие).

В Горлаге содержались подданные 22 стран мира, представители всех республик и национальных меньшинств Советского Союза. Около 60% общего количества составляли русские, остальные 40% – другие национальности, среди которых украинцы самые многочисленные.

В Горлаге существовал более строгий режим, заключенных использовали на самых тяжелых физических работах и заставляли работать при любой погоде.

Терпение заключенных кончилось, когда с 21 по 26 мая 1953 года в четырех зонах Горлага (1-й, 3-й, 4-й и 5-й) беспричинно были убиты десятки заключенных. В этих зонах на бараках появились черные траурные флаги с красной полосой. Заключенные отказались выходить на работу. В начале июня 1953 года прекратили работу заключенные в пяти лагерных отделениях, в которых содержалось 16378 человек. Забастовщики требовали вызова правительственной комиссии из Москвы. Был выбран ненасильственный метод борьбы за свои права: отказ выходить на работу, массовая голодовка, письма и обращения в Советское правительство. В лагерях было собрано более 700 жалоб и заявлений. В них заключенные рассказывали о многочисленных фактах произвола и беззакония, чинимых над ними.

Созданные в лагерях комитеты восставших взяли под контроль зоны Горлага и установили демократическое правление. Была организована постоянная связь между зонами, а также выработаны требования и тактика переговоров с начальством, с московской комиссией.

Основные требования заключенных: смена руководства Горлага, прекращение расстрелов, наказание виновников произвола - работников МВД, отмена ношения номеров на одежде, снятие с окон бараков решеток, с дверей замков, закрывающих на ночь бараки, снятие ограничения на переписку с родными (два письма в год), отправка на «материк» инвалидов, больных, женщин, стариков, вывоз на родину иностранцев, отмена бесчеловечных наказаний (кандалов, «ледяного карцера»), гарантирование безопасности делегатам-заключенным, ведущим переговоры, прекращение избиений и пыток на следствии и практики закрытых судебных процессов, пересмотр дел политзаключенных, освобождение из лагерей и реабилитация заключенных, которые являлись участниками или жертвами ВОВ, отмена 25-летних сроков заключения.

В 8-й книге воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...» можно прочесть поразительной силы и логики документ «Обращение заключенных Горного лагеря к Советскому правительству», датированный 27.06.1953 г.

В условиях жестокого режима активисты забастовки, естественно, являлись заложниками своей судьбы. Чтобы организовать массовое выступление и легальными методами выразить коллективный протест, надо было проявить беспримерное мужество и смелость. Многим заключенным жизнь казалась законченной, они не видели просвета. И вдруг они слышали то, о чем вообще нельзя было не только говорить, но и думать: о возможности сопротивления лагерному произволу. Забитое сознание стало

оживать, рабская психология отступать, страх пропадать. Большинство заключенных пошло за теми, кто явно жертвовал собой ради общего дела.

В те годы в Норильске были приняты все меры, чтобы скрыть всю правду про норильское восстание. Да и в Советском Союзе долгое время (вплоть до 1986 года) было запрещено говорить об этом событии. Однако сохранилось много документов, хранящихся в архивах городов Норильска, Красноярска и Москвы. Сейчас уже про норильское восстание можно прочитать в разных публикациях. Очень ценно, что имеются воспоминания непосредственных участников этого события, их можно прочитать в книгах 6, 7, 8 и 15 «О времени, о Норильске, о себе...». Естественно, эти воспоминания субъективны, носят частный характер и не отражают всей полноты картины. И это понятно. Ведь у трагического спектакля, начавшегося стихийно, исполнителями были заключенные почти всех лагерей, но не было одного режиссера. Игрался он по разрозненным сценариям. Объединяющим был только лозунг «Смерть или свобода!». Значение норильского восстания велико. После смерти Сталина оно было первым массовым протестом заключенных ГУЛАГа, в нем участвовало около 20 тысяч человек. Такое событие не могло не иметь последствий. С норильского восстания начался распад ГУЛАГа.

Основная масса жителей Норильска ничего о восстании не знало. Мы, любознательные мальчишки, знали гораздо больше, чем взрослые. Нам удавалось часто оказываться там, где быть не положено. Мы видели черные флаги в зонах, но что это такое – нам было непонятно... Как-то у ворот лагерной зоны №5 произошла «заварушка», и мы - мальчишки были свидетелями не только громкой ругани и приказов со стороны лагерного начальства, но и винтовочной стрельбы. Оказывается, в лагерь привели колонну матёрых уголовников, но их не хотели принимать местные сидельцы, которые толпой собрались перед воротами внутри зоны. Когда открыли ворота и стали впускать уголовников, то они были встречены градом камней, кирпичей и других предметов. Руководство лагеря громко призывало толпу разойтись, угрожало стрельбой в воздух и т.д. Но всё-таки задуманная провокация не удалась, уголовников пришлось увезти. Любопытным внушалась мысль, что происходящее является результатом разборок между заключенными. Но суть состояла в том, что переброска в зону колонны уголовников была задумана оперативно-чекистским отделом Норильлага с определенной целью, чтобы с помощью отработанных провокаций расправиться с активистами забастовки. И это понимали лагерники.

В мае 1953 года я был приглашён жить (на правах сына, но без официального усыновления) в семью главного инженера рудника 3/6 Прокопенко Александра Петровича и его жены Иды Ильиничны. Вместо поступления в техникум мне была предложена учеба в восьмой классе средней школы. А далее, если не помешают жизненные обстоятельства, открывалась перспектива закончить десятилетку. Новые родители были осуждены по политической 58-й статье: Ида Ильинична в 1937 году – на десять лет лагерей плюс пять лет поражения в правах, Александр Петрович в 1938 году - шесть лет лагерей плюс два года поражения в правах. В 1953 году сроки наказания у них истекли. В городе они жили как вольные люди и могли уехать из Норильска уже в 1952 году, но не спешили делать это, так как были факты, когда жаждущие покинуть Норильск (на законных основаниях!) получали новые сроки. Норильскому комбинату нужны были кадры.

Норильский период жизни явился для меня переломным не только по выбору жизненного пути, но и первым знакомством с жизнью людей, с её многообразием, сложностью и противоречивостью.

У меня никогда не пропадал интерес к истории Норильска, особенно к периоду рождения города и горно-металлургического комбината. С читателями хочется поделиться некоторыми материалами из ранней истории Норильска, которых у меня накопилось достаточно много.

3. Первооткрыватели норильской руды

Северные просторы Сибири влекли к себе отчаянных и пытливых первопроходцев. В XVI веке поморы совершали плавания на своих утлых суденышках в Мангазею, которая находилась в устье реки Таз (от Норильска 390 км в юго-западном направлении). К началу 20-х годов XVII века Мангазея насчитывала до двух тысяч жителей и представляла собой крупное городское поселение за Полярным кругом. Территория Таймыра была частью Мангазейской земли. Когда археолог Михаил Белов в 70-е годы раскопал Мангазею, он нашел там рудный двор и остатки медных изделий, в которых присутствовали платиноиды. Скорее всего, для их изготовления использовались руды, доставленные с норильской территории. Норильская руда, погруженная на нарты кочевников, отправлялась в нелегкий путь к Енисею, а далее Туруханским волоком попадала в Мангазею.

Упадок некогда процветающего города Мангазеи связан с несколькими причинами. Но главная причина была связага с тем, что в 1620 году царь Алексей Михайлович своим указом наложил полный запрет использовать Северный морской путь в торговле с западноевропейскими компаниями¹, так как существовала опасность освоения его иностранцами, мечтавшими проложить новый торговый путь в Индию по сибирскому северу. Сравнительно слабые гарнизоны Мангазеи, обских и енисейских городов не смогли бы противостоять сильнейшим в те времена государствам Западной Европы.

Закрытие морского пути в Сибирь затормозило экономическое развитие сибирского севера и средней Сибири, но принятые меры были своевременным и необходимым историческим актом. Не будь этого запрета, не миновать бы сибирскому северу нашествия иностранцев, а, быть может, и попыток устройства западноевропейских колоний, и тяжелой борьбы за утверждение неотъемлемых исторических прав русского человека на все азиатское полярное побережье.

С запретом прямых плаваний из Белого моря в Мангазею и далее в Карское море увеличились торговые перевозки по рекам южной части Обской губы с проникновением на Енисей и далее на юг Сибири. Эти пути были опасными и сложными, особенно много судов (кочей) гибло в Обской губе при штормах, но промышленников влекли новые богатые пушным зверем места на Енисее и Лене.

В 1672 году царским указом мангазейское воеводство официально было переведено в Туруханское зимовье, построенное на Енисее. На месте Мангазеи впоследствии был поставлен небольшой острог, в котором размещался отряд из нескольких десятков казаков, собиравших ясак с ненецких племен.

Первым ученым, который добрался до Дудинки и исследовал северный Таймыр еще в середине XIX века (1842-1843), был Александр Миддендорф - химик, биолог и путешественник. Именно Миддендорф нанес на карту плато Путорана. Но вряд ли можно считать первооткрывателем норильских месторождений Миддендорфа, который в своем отчете «Путешествия на север и восток Сибири» всего лишь упоминает о каменном угле и медных рудах на правом берегу Енисея за 70-градусными широтами. Каких-либо упоминаний о сульфидных медно-никелевых месторождениях в то время не было.

Интерес к норильским месторождениям вновь возник во второй половине XIX века. В 1855 году урядник Киприан Михайлович Сотников, сын потомственного томского казака, был назначен смотрителем Дудинского участка. Киприан и его брат Петр побывали в норильских горах и на северо-западном склоне горы Рудной установили два заявочных столба. Они были найдены во время экспедиций, инициированных Сибгеолкомом в 1919 и 1920 годах. На затесанной стороне первого из них хорошо разбиралось «К.П.С. 1865 г. Сент. 1 д». Это значило, что Киприан и Петр Сотниковы удостоверяли свой приоритет 1 сентября 1865 года. Аналогична по характеру помета на втором столбе «К. и С. 1865 сент.» свидетельствует о совладельце - енисейском купце Кытманове.

В 1866 году в Норильских горах побывал Федор (Фридрих) Богданович Шмидт – магистр Академии наук, будущий академик и директор Минералогического музея. Шмидт участвовал в экспедиции по освоению Севера, возглавляемой Иннокентием Александровичем Лопатиным. Встретив в Дудинке Шмидта, Сотниковы ученого просто так не отпустили, уговорив его съездить за 80 верст в норильские горы. Именно здесь ученый нарисовал первую карту с угольной штольней и рудником медного месторождения. Так гора над Медвежьим ручьем, соседка горы Рудной, стала именоваться горой Шмидта (Шмидтихой).

¹Алексей Михайлович в этой части следовал политике Ивана Грозного, который еще в 1583 году дал отрицательный ответ на просьбу английской королевы Елизаветы предоставить английским купцам исключительное право на посещение и торговлю в северных русских портах и на посылку кораблей в устье Мезени, Печоры, Оби и Енисея.

От Шмидта Сотниковы получили совет «начать медное и угольное дело». Киприан Михайлович пытался заинтересовать «предприятием» столичных чиновников. Но те остались холодны, не доверяя сомнительным, с их точки зрения, сведениям. Тогда Сотниковы и Кытманов решили действовать на свой страх и риск. У подножия горы Рудной были пройдены две штольни (25 и 14 метров). В 1870 году была изготовлена медеплавильная печь, которая не была кустарным изделием. Пётр по заданию брата ездил консультироваться на Барнаульский медеплавильный завод и даже с собой привез штейгера (горного мастера). Правда, под и стены печи были выложены не из огнеупорного, а обычного кирпича. Кирпич был привезен из Дудинки, где была разобрана старая церковь (её Сотниковы купили, а взамен выстроили за свой счет новую деревянную). Так в норильской долине появился «заводик». Вскоре в казну горного департамента в Енисейске было продано 200 пудов черновой меди. Чистую медь из полиметаллической руды без современной технологии Сотников получить не мог. Вследствие напряженной работы печь, сделанная из обычного кирпича и топившаяся местным углем, прогорела, а вместе с ней прогорело и дело Сотниковых – Кытманова.

Один из оставшихся на месте слитков был найден в 1931 году экспедицией «Главцветметзолото», в его составе выявили весьма высокое содержание платины. Следует заметить, что заявочные столбы и печь находились вблизи выхода крупной рудоносной интрузии¹, где впоследствии было открыто богатое месторождение Норильск-1.

Вопрос о первооткрывательстве месторождений, особенно крупных и уникальных, к коим относится и Норильское месторождение, далеко не простой и законодательно до конца не отработан. Вот почему так много суждений (да и расхождений) по поводу того, а кто же открыл норильские месторождения?

Наверное, правомерно считать, что действительно первое, но «незавершенное» открытие норильских месторождений произошло в начале второй половины XIX века и связано с деятельностью трех поколений купцов Сотниковых: братьев Киприана Михайловича и Петра Михайловича, сына Киприана - Александра Киприановича и внука Киприана - Александра Александровича. Процесс первого открытия и даже частичного освоения Норильских месторождений занял около 50 лет – с 1865 по 1915 год.

После смерти Киприана Сотникова самым влиятельным купцом на Таймыре стал его сын Александр Киприанович. Получив немалое наследство, он значительно его приумножил, но не на разработке меди. В те годы на Севере был крайне востребован норильский уголь. Им бункеровались гидрографические суда полковника Вилькицкого и лейтенанта Добротворского, а также английский пароход под флагом Джозефа Виггинса. В Дудинку уголь с норильских гор возили караванами оленьих упряжек.

Последняя предреволюционная попытка обратить внимание Российского государства на богатства норильских гор связана с внуком Киприана Михайловича Сотникова (сыном Александра Киприановича) Александром Александровичем Сотниковым. В летние каникулы 1915 года Александр, будучи студентом горного отделения Томского технологического института, отправился на Таймыр с целью переоформить дедовское «наследство». Он поставил новые заявочные столбы: четыре – на уголь и два – «рудных», а также собрал коллекцию минералов и пробурил 4-метровую скважину в верховьях Угольного ручья с целью обнаружить первоисточник оруденения.

В Управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии А.А. Сотников направил отчет, заявление с указанием мест установок новых заявочных столбов на свое имя, а также просьбу: *«Покорнейше прошу Управление... выдать мне дозволительные на право разведок свидетельства – в этих местностях»*. По

¹Интрузия — геологическое тело, сложенное магматическими горными породами, закристаллизовавшимися в глубине земной коры.

истечении времени разрешительные свидетельства были получены. Одно из них, подписанное 27 ноября 1918 года, давало право А.А. Сотникову *«производить разведки в означенной местности в течение пяти лет со дня выдачи настоящего свидетельства»*.

К сожалению, сохранить коллекцию, которую А.А. Сотников привез из первой норильской геологической экспедиции, не удалось. Его, не закончившего институт, в 1915 году призвали в армию, и безнадзорное «хозяйство» было утрачено. А то малое, что осталось, Александр передал вместе с записями Николаю Урванцеву, своему хорошему знакомому. Н.Н. Урванцев был студентом третьего курса горного отделения Томского технологического института и владел методикой петрографо-минералогического исследования горных пород.

Окончив Иркутское военное училище, А.А. Сотников с лета 1916 года служил в Красноярском казачьем дивизионе, а в 1917 году был избран атаманом Красноярского (Енисейского) казачьего войска. В Красноярске захватившие власть большевики с недоверием относились к казакам. В конце 1917 года Красноярским Советом была сделана попытка разоружения и расформирования казачьего дивизиона. Дивизион, выведенный А.А. Сотниковым из Красноярска для предотвращения его разоружения, после нескольких месяцев перемещения по югу Енисейской губернии распался в марте 1918 года из-за нежелания казаков участвовать в вооружённом конфликте. Этот этап противостояния енисейского казачества и Советской власти закончился бескровно.

В феврале 1919 года А.А. Сотников покинул военную службу и начал заниматься тем, от чего его оторвала война. В октябре 1918 года создается Сибирский геологический комитет (Сибгеолком), на котором в феврале 1919 года А.А. Сотников делает доклад по результатам своей экспедиции в 1915 году с таким заключением: *«...Разработка Норильского месторождения, даже при условии проведения железного пути, не только возможна, но и экономически выгодна как для предпринимателя, так и для потребителя, обеспечивая первому предпринимательскую прибыль и вознаграждение за риск, а второму – получение ископаемого высокого качества и низкой цены»*.

В конце 1919 года выходит в Томске брошюра А.А. Сотникова *«К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля и медной руды. В связи с практическим осуществлением и развитием Северного морского пути»*. Это было первое весьма серьезное, обстоятельное, аргументированное сочинение–исследование.

Освоение сибирского Севера осуществлялось и при Колчаке. Сибгеолкомом летом 1919 года была организована экспедиция на Таймыр, в которой Николаю Урванцеву было поручено найти выходы угля поближе к Енисею, а Александру Сотникову - найти подходящее место для порта. Колчаку Северный морской путь был нужен для связи с Европой, а без угля его было не реализовать. По возвращении экспедиции в начале 1920 года в Сибири вновь установилась советская власть. Как белый офицер А.А. Сотников в феврале 1920 года был арестован в Иркутске, этапирован в Красноярск и быстро расстрелян. Трагедия последнего владельца Норильского месторождения состояла в том, что белым офицером и казачьим атаманом он стал по воле обстоятельств. Так кончилась жизнь незаурядного исследователя, автора первой книги о Норильске, страстного поклонника Севера... И не было принято во внимание то, что А.А. Сотников за время своей военной службы не участвовал ни в одном бою против большевиков. В марте 1998 года прокуратура Красноярского края реабилитировала А.А. Сотникова.

В 20-е годы в район Норильска было совершено семь экспедиций. Были открыты новые залежи угля, а также богатейшие месторождения медно-никелевых руд. К началу 1930-го года фактически было завершено геолого-географическое изучение Норильского района, начатое Урванцевым в 1920 году. На основе обширных

материалов Урванцев составил первую схематическую геологическую карту всего Таймыра, изданную в 1931 году. Стало понятно, что речь идет не об отдельном месторождении, а о целом рудном районе. После этого судьба промышленного освоения норильских руд была если не решена окончательно, то внесена в планы развития страны.

4. Довоенный Норильск...

4.1 Начало советской биографии Норильска

До конца 20-х годов прошлого века судьба Норильска оставалась неясной. Постановлением ВСНХ СССР в 1928 году норильское месторождение было передано эксплуатационникам - Всесоюзному государственному акционерному обществу «Союззолото», головная контора которого находилась в Иркутске. Освоение норильского месторождения шло ни шатко, ни валко. Строительство какого-либо промышленного предприятия пока не планировалось. В журнале «Тяжелая промышленность» в 1931 году писали: *«Необходимости строительства новых металлургических комбинатов в восточной части СССР сегодня нет, поскольку промышленные центры созданы в доступных районах Урала и Казахстана»*. Так что ни о каких серьезных проектах, связанных с металлургией на Таймыре, речи не было.

В начале 1930 года Правление «Союззолота» решило организовать норильскую Промконтору (промысловую, но не промышленную), руководителем которой назначили Якова Степановича Ведерникова. В структуру «Союззолота» Ведерников был мобилизован в 1924 году из Ташкента, где, начиная с 1918 года, служил комиссаром и уполномоченным Акмолинского губчека. Ведерникова перекинули в Заполярье после того, как он успешно вывел Мартайгинское управление в ряд крупных золотопромышленных единиц.

Геологоразведочное бюро возглавил Александр Емельянович Воронцов, член ВКП(б) с 1918 года, участник Гражданской войны, окончивший в 1929 году Московскую горную академию. Созданная стационарная геологическая экспедиция начала работы по детальной разведке, определению запасов и подготовке месторождения к эксплуатации.

Промконтора должна была построить ни много, ни мало Норильский медно-никелевый комбинат (так было записано в документах). В списках первой партии строителей, прибывших в посёлок Норильск летом 1930 года, значилось около 400 человек, включая женщин и детей. Были доставлены также сто лошадей, два буровых станка, горное оборудование, локомобили, два трактора, строительные материалы, приборы и продовольствие. За три года были построены жилые и подсобные здания в Дудинке и Норильске, осуществлен капитальный ремонт тех зданий, что остались после экспедиций 1920-х годов, обустроены дороги в формирующемся рудничном поселке, созданы штольни для извлечения руды и каменного угля. Фактически было положено начало будущему Норильску. Но выявились и серьезные проблемы, связанные как со строительством стационарных объектов, так и выживаемостью людей в условиях Заполярья. Люди, столкнувшись в Норильске с жуткими невзгодами, долго не задерживались, увольнялись и уезжали. Отъезд не остановил даже приказ (ноябрь 1930 г.), категорически запрещающий выезд сотрудников Промконторы без разрешения на то Иркутского управления.

В ноябре 1930 года общество «Союззолото» было ликвидировано. Преемником его стало Восточное управление «Цветметзолото» (г. Иркутск), к которому и отошла норильская Промконтора.

С 1931 года планы строительства металлургического завода, который должен был вступить в эксплуатацию уже в 1932 году, оказались исключенными из списка общегосударственного капитального строительства, поэтому весь комплекс работ в Норильске продолжал концентрироваться на проведении геологической разведки пробного бурения.

На очередном совещании в Иркутске в феврале 1931 года было принято постановление: *«В связи с изменением работ норильской Промконторы и предстоящим строительством в Норильске горно-металлургического комбината норильскую Промконтору именовать в дальнейшем Норильскстроем»*. Определили главную задачу вновь образованного предприятия – подготовить рудную базу для будущего комбината.

Осенью 1931 года первого директора Норильскстроя Я.С. Ведерникова отстранили от руководства как не справившегося со своими обязанностями и перевели на другую работу. Новым директором стал Иван Петрович Зарембо, горный инженер, член ВКП(б) с 1920 года, участник гражданской войны, который до нового назначения был заместителем начальника Промконторы по снабжению и строительству. Но качественного скачка не произошло и при новом руководстве. Весь штат Норильскстроя в 1932 году составлял 243 человека, включая 37 инженеров и пять «счетных работников».

В 1933 году Норильскстрой был передан в ведение «Союзникеля» и оказался в подчинении Уральского управления (город Верхний Уфалей). Отсутствие центрального управления привело к постоянной смене директоров: Владимиров, Молодцов и Гордеев. Они были лишь номинальными руководителями, не имели внятных и перспективных задач. Норильскстрой никаких средств от «Союзникеля» не получал, штаты были максимально сокращены, а в работе наблюдались стагнация и запустение. По сути, люди на территории просто выживали, ожидая непонятно чего.

В 1934 году Норильскстрой переподчинили Главному Управлению северного морского пути (ГУСМП), которым руководил легендарный Отто Юльевич Шмидт.

Отто Юльевич Шмидт (1891-1956) – выдающийся исследователь Арктики, Герой Советского Союза, известный советский математик и астроном с мировым признанием, академик АН СССР (1935), вице-президент АН СССР (1939-1942). Родом из немцев и частично латышей, но русский по языку и культуре. Окончил Киевскую гимназию с золотой медалью (1909) и физико-математический факультет Киевского университета (1913). После окончания университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию, где в 1916 году стал приват-доцентом Киевского университета. С октября 1917 — начальник управления по продуктообмену Наркомата продовольствия, в 1918-1920 годах - член коллегии Наркомпрода. В 1919 году вступил в РКП(б). В 1921-1924 годах – заведующий Государственным издательством, один из основателей и главный редактор Большой советской энциклопедии. В 1929 году основал кафедру высшей алгебры физико-математического факультета МГУ (с 1933 года - механико-математический факультет), которой заведовал по 1949 год.

В 1932 году Шмидт возглавил НИИ Арктики, в 1932-1938 годах занимал пост начальника Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). Посвятил 10 лет изучению Арктики. В 1932 году Шмидт на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» за одну навигацию прошел Северным морским путем до Чукотки. Летом 1933-го переход попытались повторить на грузопассажирском судне «Челюскин». Однако в сентябре судно было заблокировано льдами, после пяти месяцев дрейфа льды раздавили корпус, океан поглотил судно. Руководитель Отто Юльевич задолго до гибели судна распорядился на лед выгрузить оборудование и устроить временный лагерь. Один человек все-таки погиб, но 104 члена экспедиции, в том числе 10 женщин и двое детей, остались живы и два месяца зимовали в арктических широтах среди льдов. Наконец наши летчики (они стали первыми Героями Советского Союза) за 23 рейса вывезли зимовщиков на Большую землю, а самого Отто Юльевича переправили в ближайшую больницу на американской Аляске. Оправившись от приступа ревматизма, Шмидт рванул на самолете к Северному полюсу, присмотрел подходящую льдину и открыл первую советскую дрейфующую полярную станцию, «Северный полюс-1», которую возглавил Иван Дмитриевич

Папанин. Станция начала дрейф на юг и через несколько месяцев достигла Большой земли. В 1938 году Шмидт попал в немилость Сталину: немецкое имя, буржуазная внешность, необыкновенная популярность. По указанию Сталина пост начальника Главсевморпути был передан И.Д. Папанину. С началом войны Шмидт выполнял задания правительства: с неизменной энергией проводил эвакуацию многих научных учреждений на восток СССР. После победы Шмидт сосредоточился на чисто научной деятельности. Умер О.Ю.Шмидт в сентябре 1956 года от обострившегося ревматизма и туберкулеза. Ему было всего 65 лет.

В начале 1935 года Шмидт познакомился с докладной запиской Правительству «О перспективах Норильского полиметаллического месторождения», подготовленной главным геологом А.Е. Воронцовым. Воронцов работал в Норильске четыре года и вопрос о строительстве в Норильске металлургического комбината начал поднимать ещё в 1932 году вместе с директором Норильскстроя И.П. Зарембо, они обращались даже в ЦК партии. Поставив на документе Воронцова собственную положительную резолюцию, Шмидт незамедлительно передал его в ЦК ВКП(б) - высший орган власти.

В марте 1935 года в Политбюро состоялось совещание по никелевой проблеме в присутствии Сталина. А.Е. Воронцов прочитал доклад о рудных богатствах Норильского района и перспективах строительства комбината. О.Ю. Шмидт, присутствовавший на заседании Политбюро, предложил построить в Норильске горно-металлургический комбинат силами Главсевморпути. По предложению Сталина была создана комиссия при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) для разработки практических мероприятий по строительству металлургического комбината. Уже в мае мероприятия были разработаны, и незамедлительно началась подготовка к их реализации.

ГУСМП строительство металлургического комбината в Норильске планировал осуществить за пятилетку (1935-1940) в три очереди, с добычей руды в конце третьей очереди. Первоочередными назывались изыскательские работы на трассе железной дороги Дудинка – Норильск, выбору стройплощадок в поселке Норильск, поиск местных стройматериалов и источников водоснабжения.

4.2 М.А. Зингер – назначенный начальник Норильскстроя не вписался в Систему и был расстрелян

Строительство Норильского комбината по плану ГУСМП поручили **Михаилу Акимовичу Зингеру**, гражданскому человеку из окружения О.Ю. Шмидта. В марте 1935 года М.А. Зингер официально стал очередным начальником Норильскстроя, пробывшим в этой должности четыре месяца

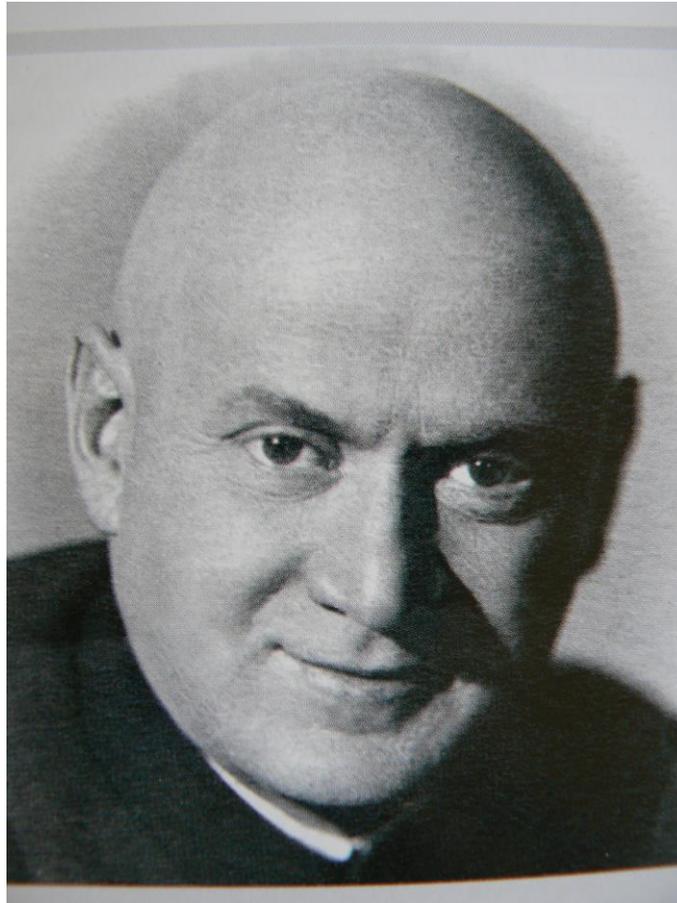
Что успел сделать Зингер за это короткое время? Надо было подобрать бригаду изыскателей, проектантов, рабочих и доставить их из Красноярска в Норильск до начала ледохода на Енисее. Воспользоваться авиацией не удалось: подвела погода, весна оказалась очень ранней и летчики лететь отказались. Были закуплены подводки с лошадьми, и экспедиция двинулась вниз по Енисею, по льду. Колонну все время догонял ледоход, который в Игарке все-таки её настиг. За 36 дней было преодолено 1750 километров. Можно только представить, какие огромные трудности пришлось экспедиции преодолеть!

Зингер и еще несколько человек прибыли в Дудинку на лодке 12 июня, а оставшаяся в Игарке экспедиция стала дожидаться первого парохода. По прибытии в Норильск Зингер сразу же приступил к работе. Медлить с началом изысканий было нельзя, несмотря на отсутствие карт и аэрофотосъемки, а также нужной техники.

К тому времени из Красноярска сообщили, что в Дудинку по Енисею вышел караван барж во главе с новым начальником В.З. Матвеевым. Зингер с Матвеевым встретились 2 июля 1935 года. Встретились два начальника. Один, назначенный от ГУСМП, планировал осуш

есть строить вольным путем. Другому, назначенному приказом Народного комиссара МВД, было предписано строить Норильский комбинат невольным трудом заключенных.

После встречи с Матвеевым Зингеру стало понятно, что его миссия закончилась. Официально Зингера с должности никто не снимал. О том, что в Москве назначили нового начальника и приняли решение строить Норильский комбинат силами НКВД, Зингер узнал от О.Ю. Шмидта, который в то время облетал север Сибири, посетив Игарку, Дудинку, Норильск.

М.А. Зингер

В Москве Зингер оказался в сентябре 1935 года, видимо его на свой самолет взял Шмидт. Дальнейшая судьба М.А. Зингера печальна. Он оказался не у дел, очень быстро обнаружил за собой слежку агентов НКВД. Как честный партиец, он пришел в органы и сказал: *«Если я виновен, то арестуйте, если невиновен, то оправдайте...»*. Просьбу выполнили, арестовали и в октябре 1936 года расстреляли. Обвинение гласило: «подготовка теракта и участие в контртеррористической организации». Жену и маленького сына выслали из Москвы. В декабре 1957 года М.З. Зингер был реабилитирован. Эта трагическая страница биографии Зингера стала известна только в 90-е годы, когда в Норильск приехал сын Эльгард Михайлович Зингер и рассказал о судьбе отца.

Михаил Акимович Зингер (1896-1936) родился в еврейской мещанской семье в местечке Локачи Волынской губернии. Получил среднее образование. Член ВКП(б). Работал в Крыму, Одессе, Архангельске, Мурманске и последние годы в системе Главного Управления Севморпути. В Москве возглавлял институт ЭКИН, занимаясь титаном и другими редкими металлами. В марте 1935 года после назначения начальником Норильскстроя Зингер непосредственно участвовал в создании проекта по разработке и освоению Норильского месторождения.

4.3 В.З. Матвеев – первый начальник Норильскстроя и Норильлага. Сверхтрудное начало и трагический конец

Официально начало строительства Норильска относят к дате 23 июня 1935 года, когда вышло Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О строительстве Норильского никкелевого комбината».

Основные пункты Постановления:

-Строительство Норильского никкелевого комбината признать ударным и возложить его на Главное управление лагерями Наркомвнудела, обязав его организовать для этой цели специальный лагерь.

-Обязать Главсевморпуть передать, а Наркомвнуделу принять к 10.VII.35 г. все имеющиеся в Норильске постройки, оборудование, транспортные средства, технические материалы, продовольствие, геологический архив и прочее имущество...

-Обязать НКВД: а) закончить в 1935 году все изыскания в Норильске и научно-исследовательские работы, передав к 1.I.36 г. Союзниккельоловопроекту геологические материалы с утвержденными заданиями, данные по гидрогеологии, флюсам и строительным материалам и результаты работ научно-исследовательских организаций по опытному обогащению руды и металлургической плавке; б) произвести окончательные изыскания трассы узкоколейной железной дороги Дудинка - Норильск - оз. Пясино (135 км) и составить проект с тем, чтобы обеспечить окончание постройки дороги Норильск – Пясино (15 км) и дороги Дудинка – Норильск (120 км) к концу 1936 года.

-Обязать НКТП (Народный комиссариат тяжелой промышленности. – Прим. авт.): а) обеспечить окончание проектирования всего комбината к 1 августа 1935 года <...>; б) обеспечить окончание проектирования угольных рудников, входящих в состав комбината, к 1-му мая 1936 года; <...> д) обеспечить к середине 1938 года окончание строительства рафинировочного завода в Красноярске для Норильского файнштейна¹, получения из него 10 тыс. тонн никеля в год и соответствующего количества меди, кобальта, платины и палладия.

Через два дня после постановления Совнаркома появился приказ за подписью наркома внутренних дел Союза ССР Генриха Ягоды «Об организации строительства Норильского никкелевого комбината». Приказом предписывалось:

-Организовать в Норильске исправительно-трудовой лагерь, присвоив ему наименование «Норильский исправительно-трудовой лагерь», возложив на таковой:

а) строительство Никкелевого комбината; б) освоение района расположения комбината и его предприятий.

-Норильский исправительно-трудовой лагерь подчинить непосредственно начальнику ГУЛАГа тов. Бергману.

-Начальником Норильского строительства и лагеря назначить тов. Матвеева.

-Главным инженером строительства назначить тов. Воронцова.

-Ввиду особо тяжелых условий Норильска (в Арктике, 2300 километров по воде от г. Красноярска) – нач. ГУЛАГа разработать и представить мне на утверждение повышенные нормы: а) продовольствия, б) снабжения обмундированием; в) выдачи премиальных денег.

-Зачет рабочих дней производить по сверхударным нормам, на основании утверждения мною временного положения о зачете рабочих дней.

¹Файнштейн – полуфабрикат, содержащий около 80% металлов. Файнштейн норильский комбинат начал производить только в 1942 году. Выпуск никеля (чернового, анодного, еще не электролитного) достиг изначально предусмотренного уровня только в 1945 году. Только электролитный (катодный) никель является полноценным продуктом, который без дальнейшей переработки используется в выплавке стали.

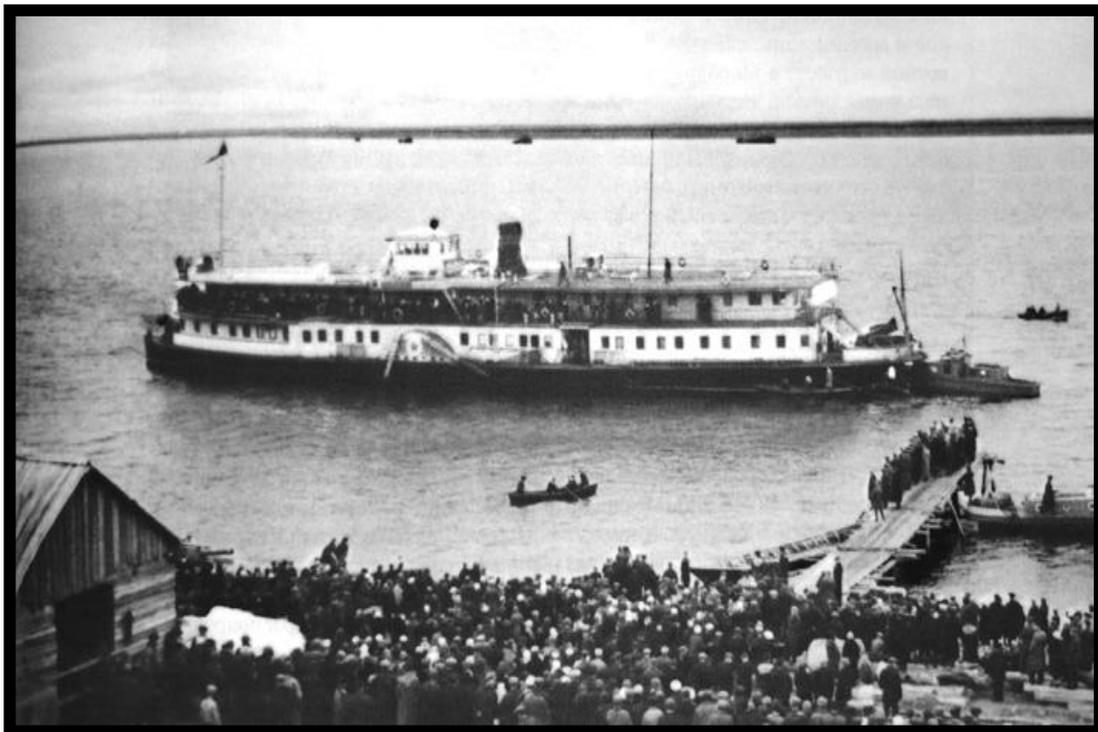
-В виде особого поощрения за хорошую работу заключенным, проявившим себя в течение года в Норильске ударниками, предоставить право привести туда свои семьи за счет НКВД и колонизоваться там...

Как видим, данный приказ помимо строительства комбината ставил перед НКВД существенно более широкие задачи. На НКВД были возложены постоянная эксплуатация месторождений и освоение целого района.

Стоит сразу заметить, что в постановлении Совнаркома сроки постройки железной дороги Дудинка-Норильск к концу 1936 года и выдачи в середине 1938 года фанштейна были совершенно нереальными, что подтвердилось впоследствии. И в этом - не вина первых руководителей, а отсутствие в те годы опыта строительства больших промышленных объектов в Заполярье как у нас в стране, так и за рубежом.

• • •

В начале июля месяца 1935 года в Дудинку пароходом «Спартак» прибыла семья В.З. Матвеева (жена и две дочки девяти и трех лет), первая сотня строителей и изыскательская группа «Моспромтранса». Вслед за пароходом «Спартак» прибыли буксиры «Енисейск» и «Туруханск», которые доставили караван барж с заключенными (1200 человек), подвижным составом будущей узкоколейки, необходимым оборудованием, продовольствием, одеждой.

1 июля 1935 г. Колесный пароход «Спартак» в Дудинке

В сентябре 1935 года было организовано пять лагерных пунктов. Заключенные выживали в скученных палаточных лагерях¹. Вохровцы и вольнонаёмные частично проживали в палатках, но в основном в быстро возведенных домах без каких-либо

¹Палатки были брезентовыми и двухслойными, имели длину 10-20 м, ширину 5-8 м, держались за счет деревянных каркасов. Между внешней «одеждой» и подпалатником прокладывали строительный войлок (шевелин). Спали на деревянных двухъярусных нарах, на матрацах, набитых сухой травой. В центральной части палатки стояла печь – железная бочка. От неё было так тепло, что спали без одеял. Холод чувствовался только тогда, когда были сильные ветра, но печка горела всё время. Топили вначале дровами, потом углём. В палатках было теплей, чем в бараках.

жилищных удобств и в балках¹. При Матвееве заключенные достаточно свободно перемещались по территории и мало чем отличались от вольнонаемных. На территории лагерей не было колючей проволоки и сторожевых вышек. Матвеев строго пресекал всякое превышение власти со стороны военизированной охраны. Например, в июле 1936 года Матвеев приказал отдать под суд охранника, за то, что он в бараке устроил стрельбу, проколол штыком одного заключенного, другого избил прикладом.

В мае 1936 начальник В.З. Матвеев издал приказ: *«Вы, советские лагерники, не являетесь отбросами общества, как при капитализме, а являетесь временно изолированными. Да здравствует советская исправительно-трудовая политика и наш любимый нарком Ягода!»*. Матвеев искренне верил в свою воспитательную миссию.

Матвеев оказался в чрезвычайно трудном положении. Еще не были найдены оптимальные пути доставки грузов с материка в Норильск, не было дорог на подступах к Норильску, к месторождениям, не было транспорта², чтобы везти буровые вышки, не было электричества. В шахтах люди вручную вывозили породу и уголь, вагонетки везли на лошадях, иногда впрягались сами. В экстренном порядке смонтировали электростанцию, вся энергия которой сразу пошла на производство. В домах использовали свечи, коптилки, печи-буржуйки. Воду топили из снега, спали часто в одежде. Для решения продовольственной проблемы организовали животноводческие фермы и рыболовные промыслы.

Проект будущего Норильского комбината, который должен был делать Ленинградский институт «Союзникельоловопроект» (СНОП), по сути, не был начат³. Район строительства не был изучен. В руководстве Норильстроя никто не представлял ни объемов строительства, ни необходимого технического обеспечения.

В.З. Матвеев – человек незаурядного ума, твердого и решительного характера, был способен, если нужно, взять на себя ответственность и за рискованные решения. Его нельзя упрекнуть в недостаточной настойчивости и смелости, в том числе и в постановке вопросов перед высшим руководством страны. Так в начале января 1936 года Матвеев прилетал в Москву, чтобы передать *«Докладную записку... Наркому Внутренних дел СССР - Генеральному комиссару госбезопасности Г.Г. Ягоде по вопросу о строительстве Норильского никелевого комбината»*. Ягода сразу же передал записку Сталину. Сталин после ознакомления с состоянием дел в Норильске дал указание Молотову, Межлауку и Орджоникидзе удовлетворить нужды по докладной записке Матвеева.

Однако планы строительства, составленные центральными ведомствами, не выполнялись. Например, план по строительным работам на 1936 года был выполнен всего на 51%. Более того, имел место немалый перерасход по себестоимости строительства. Построенное оказалось на 9,4% дороже. Еще выше был перерасход средств по снабжению строительства (на 20,6%). Не было начато строительство целого

¹Балок – самостийное временное жилье, сделанное из подручных материалов (досок, бревен, ящичной фанеры). Жилье обычно заглублялось в землю, зимой часто полностью заносилось снегом. Название балок произошло от старинного домика на полозьях, с помощью которого русские поморы осваивали просторы севера. Балочный самострой представлял определенную опасность и для жителей, и для руководства: здесь процветали антисанитария и криминал. Первые постройки появились в середине 1930-х, а избавиться от них смогли только в середине 1970-х. Устав бороться с балкостроем, власти проблему решили кардинально — балки сожгли! С 1959-го по 1971 год было снесено три тысячи барачных и балочных жилищ (55 тысяч человек) получили квартиры в новых домах.

²В 1938 году автобаза уже имела 23 автомашины и 24 трактора, через год появились три автобуса. Из-за нехватки горючего часть машин была переведена на газогенераторы, другая часть работала на смеси бензина с легроином, а большая часть машин работала на твердом топливе.

³Проектная контора СНОП была организована в Ленинграде только в 1935 году на базе бывшего института «Гипроникель». Проект строительства никелевого завода в Норильске появился лишь в апреле 1937 года. Но он оказался неудовлетворительным и не был утвержден Главстройпромом и Главэнерго Наркомтяжпрома.

ряда основных объектов (опытно-обогащительной фабрики, второй временной электростанции и пр). В документах годового отчета Норильскстроя даются объяснения по этому факту, и даже делается косвенная критика как норм и планов, так и объема выделенных строительству материальных ресурсов. Констатируется плохое физическое и «моральное» состояние рабочей силы (прибывших заключенных), критикуются не соответствующие заполярным условиям плановые лимиты по стоимости, отсутствие проектов, в результате чего *«...большинство работ идут самотеком, без четкого технического и оперативного руководства...»*. Упоминаются также тяжелые климатические условия, но в качестве основных причин невыполнения планов называются «запоздание прибытия рабсилы», «неприбытие стройматериалов и оборудования в срок», «перерасход рабсилы на погрузочно-разгрузочных работах».

1937 год должен был явиться годом окончания подготовительных работ. При этом главной задачей являлось завершение строительства узкоколейной железной дороги Дудинка-Норильск уже к первой половине 1937 года. Строили вручную. Катастрофически не хватало строительных материалов. Насыпи возводили из подручных средств: торфа, мха и хвороста. На некоторых участках использовали даже лед, за что потом пришлось расплачиваться по весне. *«Без туфты и аммонала не посроили б канала»* - этот метод возведения сталинских ударных строек уже был опробован на Беломорканале. Первый поезд из Норильска в Дудинку ушел 16 мая 1937 года, а в обратную сторону - 18 мая (напомним, что расстояние от Норильска до Дудинки составляло около 120 км). Но с этой даты еще далеко не началось постоянное движение. Железная дорога была открыта только в конце октября. Худо-бедно составы с грузом шли по этим дорогам в обоих направлениях, хотя и с большими задержками из-за снежных заносов и аварий в летнее время. Были очевидны просчеты строителей. Вследствие протаивания мерзлотного грунта происходило выпучивание опор мостов, образовывались трещины и провалы полотна. Кроме ненадежной насыпи, сильной преградой в работе железной дороги был снег. На «снегоборьбу» уходило много сил, но победить снежные заносы пока не удавалось. Планами ГУЛАГа снегоборьба даже не предусматривалась.

Как-то раз поезд из Дудинки шел до Норильска 22 дня! В хороших условиях на это уходило не больше 12 часов. А однажды пришлось откапывать из-под снега целый локомотив, который застрял под шестиметровым завалом снега! Увы, машиниста и кочегара спасти не успели - оба погибли от угарного газа, который выделился от еще тлеющего в топке угля.

С точки зрения центральных экономических ведомств итоги 1937 года можно назвать катастрофическими. Поэтому назрело решение сменить руководство Норильскстроя. Конкретно о мотивах снятия с должности руководства Норильскстроя можно узнать из секретного приказа № 044 НКВД «О работе Норильлага НКВД», который был утвержден 9-го марта 1938 года. В нем указывается на невыполнение плана на 1937 год на всех объектах строительства. В качестве главных причин перечисляются не только «плохая организация труда» и «отсутствие трудовой дисциплины», но и «семейственность», и даже «пьянство» в среде руководства лагеря.

Комиссию по оценке всего сделанного в Норильске возглавил Авраам Павлович Завенягин, прилетевший в Норильск в апреле 1938 года. После краткого знакомства с обстановкой Завенягин отправил телеграмму Наркому внутренних дел Н. Ежову, в которой в числе многих оценок положения было и такое: *«...Управление лагерем отсутствует, ограждений нет, нет должного режима. На стройке вскрыто явное вредительство... Ответственным за незаконное включение в объем работы расходов по очистке снега считаю Матвеева...»*. В итоге Матвеев был обвинен во вредительстве и репрессирован.

За неполные три года Матвеев со своей немногочисленной командой вольнонаемных помощников и закрепощенных невольников успел сделать очень много.

Было создано проектное бюро (штат 41 человек). В активную работу включились первые проектанты и изыскатели. Продвинулось геологическое изучение района, в районе Медвежьего ручья выявили рудное тело больших размеров, заложили подземный рудник «Угольный ручей», шахту «Шмидтиха» и начали проходку рудных штолен.

Были разведаны строительные материалы, в частности найдены месторождения известняков и алевролитов, которые впоследствии использовались в качестве сырья для цементного производства. Построили кирпичный завод, работающий на местном сырье.

Заработал деревообрабатывающий завод. Построили пять жилых зданий (2-этажное здание управления комбината, дом руководства стройки, 2-этажное общежитие на 20 комнат, два 4-квартирных дома).

Вступила в строй временная электростанция ВЭС-1, механическая мастерская и мерзлотная станция. Хоть и с запозданием, но началось строительство опытной металлургической установки, ремонтно-механического завода, электростанции ВЭС-2, систем водоснабжения и электроснабжения. С большими трудностями в Норильск были завезены десятки тысяч тонн оборудования, материалов, продовольствия.

Были утверждены площадки для Малого металлургического завода (ММЗ) и подсобных предприятий. Со срывами сроков, но началась работа химлаборатории. Получены первые отливки цветных и черных металлов. В мае 1937 года Матвеев издает приказ: *«25 мая выдана первая плавка чугуна из вагранки, и 26 мая сделаны отливки цветного металла. Качество литья, как чугуна, так и цветного металла, удовлетворительное. Отмечая настойчивость коллектива мех. мастерской и отделения главного механика в деле освоения литья цветных и черных металлов, приказываю: объявить благодарность с занесением в личное дело з/к Билжо Виктору Иосифовичу, Сибилеву Андрею Владимировичу, Дампелю Леониду Николаевичу, Сабельникову Владимиру Ивановичу, Козленко Андрею Федоровичу, Семенову Дмитрию Алексеевичу, Илларионову Григорию Ивановичу».*

Для рабочих на подземных и буровых работах ввели спецпитание. Ежедневно выдавалось по 200 граммов молока. Открыли курсы техминимума мастеров механического бурения, поваров и хлебопеков. Установили радиоретрансляционные пункты в Норильске и на Вальке. Началось радиовещание.

Был опробован и отвергнут один из возможных путей доставки грузов в Норильск - Карско-Пясинский: по Енисею до Диксона, далее по Карскому морю до устья реки Пясины, по ней до озера Пясино и по реке Норильской до поселка Валёк, от которого до Норильска оставалось 14 километров. Первая пясинская экспедиция (три каравана судов) в 1935 году была удачной. Была авария только одной баржи с лесом. Норильчане, окрылённые успехом, за зиму построили узкоколейку от пристани Валёк до Норильска, рассчитывая увеличить грузопоток в следующую навигацию. Построенная второпях, узкоколейка не отличалась надёжностью, но была крайне необходима для скорейшей перевозки грузов. Матвеев считал эту дорогу временной, «снеговой» и не стал устраивать никаких торжеств по поводу её открытия. Эта была первая железная дорога в Норильске и день её открытия 12 февраля 1936 года считается днем рождением норильской железной дороги.

Однако пясинская экспедиция 1936 года (караван из 35 судов) была неудачной и даже трагичной. Только нескольким судам удалось дойти до Валька. А все остальные грузы этого каравана с Пясины вывезли уже в 1938 году. Норильск в 1936 году остался без леса, оборудования, паровозов и еще многого другого. Оказалось, что Карско-Пясинский маршрут сложен, более затратен и ненадежен. Ведь фарватер Пясины был обозначен только приблизительно, а гидрологический режим всей системы не был изучен. Провал Карско-Пясинской экспедиции заставил вернуться к первоначальному варианту - дудинской перевалке и железной дороге до Норильска, варианту, не менее сложному, но более надёжному.

То, что было сделано в Норильске при Матвееве невозможно переоценить. В книге Михаила Важнова¹ о жизни и судьбе В.З. Матвеева есть такое заключение: «...Без той труднейшей работы, которая была проделана под руководством Матвеева, без того опыта, пусть нередко отрицательного, который завещали первостроители, последующий рывок был бы просто-напросто невозможен».

А вот отзывы о Матвееве тех, которые работали с ним в те годы в Норильске: «...Никогда не повышал голоса, не ругался, особенно не наказывал», «...Начальник стройки зверем не был, скорее наоборот, позволял себе, по мнению Москвы, либерализм и даже товарищеское отношение к заключенным», «...Заклученные своего начальника норильского лагеря уважительно называли «батей»».

За годы работы Матвеева (1935-1938 годы) было расстреляно 449 заключенных Норильлага (238 человек в октябре-ноябре 1937 года, 211 человек в 1938 году). Вот один из приказов № 45 от 21 января 1938 года: «За нарушение лагдисциплины, выразившееся в побегах, хулиганстве, отказе от работы, кражах, бандитизме, терроризации лагнаселения приговорить к расстрелу...» – далее следует список фамилий 18 человек. Большинство расстрелов не были инициированы Матвеевым, а были выполнены по приказам НКВД из Москвы.

При Завенягине (1938-1941) расстрелы хоть и были, но не массовые. Приговоры Завенягин подписывал, во всяком случае, санкционировал, матерым уголовникам, подбивавшим других на отказ от работы, а также и за новые, внутрилагерные преступления. Следующие массовые расстрелы были при А.А. Панюкове в ноябре 1941 года и в июне 1942 года - сотни человек, точные цифры не известны.

В ранней истории Норильска незаслуженно забыты многие имена достойных людей, кто начинал вместе с В.З. Матвеевым и чьи заслуги, как первопроходцев, велики. Вот эти имена: инженер-строитель В.П. Бусыгин - начальник проектно-сметной группы, заместитель начальника Норильскстроя по строительству; геолог А.Е. Воронцов - главный инженер Норильскстроя; начальник финансово-плановой части Б.Е. Гуськов; металлург Л.Н. Дампель - создатель керамзитовой плитки; главный геолог А.Н. Розанов (заключенный); геолог П.Е. Ахаров; инженер-гидротехник В.В. Ершов; руководитель бригады вечной мерзлоты П.Ф. Аппорович; молодой физик А.М. Елистратов – начальник мерзлотной станции; начальник дорстройгруппы И.М. Филимонов; начальник первого железнодорожного участка М.А. Швецов; начальник материально-технической группы Я.А. Степанов; начальник санитарного отдела Тафиловский; куратор строительной части проекта комбината инженер Андриенко; инженер-металлург С.Ф. Одоевский – начальник группы подсобных предприятий; старший инженер-обогадитель С.К. Дубровский (заключенный); инженер-проектировщик Л.А. Бабин; инженеры-мерзлотники В.Ф. Тумель (организатор геотехнической конторы по изучению мерзлотных грунтов) и С.Н. Соколов; инженер-буровик И.К. Мешков; инженер-путеец Е.И. Суходольский; инженер-геолог К.И. Куличенко; инженер-металлург П.А. Яковлев; инженер-проектировщик П.М. Юрченко (заключенный); инженер-строитель С.М. Енин – начальник строительства электростанции ВЭС-2; инженер-изыскатель К.Л. Шевелев от Ленинградского отделения Теплопроекта; главный инженер проекта А.С. Кудрявцев от Московского Промтранспроекта; начальник отделения общего снабжения А.И. Сологуб; начальник отделения материально-технического снабжения К.Н. Иевский; руководитель проектной бригады от СНОПа В.В. Дроздов и другие.

¹Михаил Важнов. «Судьба: В.З. Матвеев (1897-1947)». Историческое исследование. Организатор издания – В.И. Полищук. Москва, 2014.

Владимир Зосимович Матвеев (1897-1947) родился в г. Ташкенте, в семье кожевника, самоучка. В 21-летнем возрасте вступил добровольцем в Красную Армию, где сначала в составе армии Буденного участвовал в боях против Врангеля на Северном Кавказе, а с 1920 года был направлен в Среднюю Азию, где успешно боролся с басмачеством. В донесениях по разгрому различных банд Матвеев именуется то командиром роты, то командиром отряда, то военкомом. В 1922 году в Ферганском районе из существовавших 200 банд было ликвидировано 119 банд (4000 человек), в 1923-м с басмачеством было покончено.

Бойца-красногвардейца Матвеева Всевышний сберег, хоть пули пробили грудь (три тяжелых ранения), а за отрезанную голову басмачи обещали пять тысяч рублей тому, кто приведет приговор в исполнение.

В 1925 году бесстрашного чекиста назначили помощником уполномоченного по борьбе с бандитизмом ГПУ Узбекистана. На петлицах у В.З. Матвеева появились два ромба, в НКВД это соответствовало званию старшего майора. В апреле 1925 года самаркандский ЗАГС зарегистрировал союз Владимира Зосимовича Матвеева и Елизаветы Карловны Расс (тогда Матвееву было 28 лет, а Расс – 21 год). Отец Елизаветы с 1913 года служил в Самаркандской конвойной службе, к 1917 году был подполковником. Видимо, по этой причине у Владимира Матвеева начались по службе «неприятности», он был даже в сентябре 1925 года арестован и сослан на Соловки. Там Матвеев попал на какие-то общие работы, но совсем ненадолго. Лагерному начальству гораздо выгоднее было использовать его по бывшей «специальности». Ревностную службу не могли не заметить, и в декабре 1927 года Матвеева освобождают досрочно и предлагают остаться на работе в лагере. Так судьба повела Владимира Зосимовича дорогами лагерей ОГПУ-НКВД, где он сделал неплохую карьеру, занимаясь хозяйственными проектами. Сначала руководил строительством дорог в Карелии, с 1931 года был начальником Свирского лагеря ОГПУ, с 1934 года – начальником Ахунского ИТЛ.

Приказом Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР Генриха Ягоды от 25 июня 1935 года В.З. Матвеева назначили на должность начальника Норильскстроя и Норильлага.

Судьба по отношению к Матвееву оказалась несправедливой и жестокой. Участь, постигшая Матвеева, была ему уготована заранее – на кого-то надо было списать ошибки первых лет стройки. Записка, написанная А.П. Завенягиным в 1938 году начальнику НКВД Ежову, где Завенягин, возглавлявший комиссию из Москвы, жестко, если не жестоко, судит первостроителей, обвинив Матвеева во вредительстве, явилась лишь довеском к тяжелому обвинению участия в контрреволюционной деятельности. Завенягин не требовал и не предполагал ареста Матвеева. Больше того, он даже предлагал назначить Владимира Зосимовича своим заместителем по лагерю. Завенягин тогда еще не представлял необычные

местные трудности и был уверен, что его предшественник допустил много ошибок. Тогда их относили к преступным.

Странно то, что Завенягин, многим помогавший, никогда не интересовался судьбой Матвеева, ничем не облегчил его участь даже тогда, когда был заместителем Берии. Обладая огромными полномочиями, он мог поинтересоваться судьбой не только Матвеева, но и судьбой его семьи. Но он этого почему-то не сделал.

Матвееву инкриминировали «подрыв» советской власти. В приговоре было записано: *«Матвеев, будучи начальником Норильскстроя, по заданию врагов народа Плинера (начальник ГУЛАГа. – Авт.) и Госкина (ведал в ГУЛАГе железнодорожным строительством. – Авт.) как участник контрреволюционной организации занимался вредительством в строительстве...»*. Всего по этому делу проходило 11 человек - руководящих работников ГУЛАГа.

В мае 1938 года Матвеев был арестован в Норильске и препровожден в Москву, в Бутырскую тюрьму. Следствие шло девять месяцев. Матвеев категорически не признавал предъявленные обвинения в «контрреволюционной деятельности и вредительстве». И все-таки ему пришлось подписать показания на себя. Сохранилось заявление Матвеева Прокурору Союза ССР с Котласской пересылки от 18.02.40 года (копии: ЦК ВКП(б) – Сталину, НКВД СССР Берии, Председателю Верховного Суда СССР Голякову, депутату Верховного Совета СССР Молокову): *«Подписать [все] такие материалы следователи меня заставили после применения ко мне нечеловеческих пыток, в результате которых я был доведен до состояния человека, потерявшего всякий человеческий облик и жаждавшего только смерти...»*.

Через год 9 апреля 1939 года военный трибунал Московского округа войск НКВД приговорил Матвеева к расстрелу, замененному лишением свободы сроком на 15 лет с поражением политических прав на пять лет и с конфискацией имущества. По этапу его отправили в Архангельскую область. При сплаве древесины Матвеев, оказавшись в холодной воде, застудил легкие, что ускорило течение ранее приобретенного туберкулеза. Болезнь прогрессировала, и Владимира Зосимовича перевели на административную работу в Талажский лагпункт (12 км от Архангельска). Есть сведения, что в 1946 году он работал начальником лесобиржи в Талагах, а в 1947 году, когда он почти потерял голос из-за туберкулеза гортани, начальником сбыта ширпотреба. Один из заключенных Талага вспоминал: *«Все его очень уважали. Добрый, честный до глубины души, трудолюбивый человек. Начальство это безусловно учитывало, а были и такие, кто часто помогал Владимиру Зосимовичу»*.

30 сентября 1947 года Владимир Зосимович умер. Похоронили его на Талагском лагерном кладбище, от которого не осталось и следа. Так закончилась земная жизнь В.З. Матвеева.

В 1955 году В.З. Матвеев был реабилитирован, но уже посмертно. Погубило В.З. Матвеева не то, что он не имел достаточного опыта строительства сложного объекта в Заполярье, а то обстоятельство, что на должность его назначал Генрих Ягода, который в 1937 году был объявлен участником заговора против Сталина и расстрелян. Тогда пострадали многие выдвиженцы Ягоды.

На Красноярской судовой верфи построен и спущен на воду в 2012 году танкер-бункеровщик «Владимир Матвеев» для портового флота.

В июле 2016 году в Дудинке открыли мемориал, посвященный прибытию 1 июля 1935 года на историческом пароходе «Спартак» первого десанта строителей Норильского комбината и первому начальнику Норильскстроя В.З. Матвееву. При открытии памятника член Совета Федерации России Андрей Клишас сказал такие слова: *«Это место стало отправным пунктом для героических лет. Были, безусловно, трагические годы, и все они – часть славной истории Таймыра, Норильска и нашей страны. Очень важно то, что мы сегодня все больше обращаемся к памяти, опыту, знаниям наших предков, тех, кто действительно совершил невероятное. Все это говорит о том, что сила человеческого духа не знает границ, и мы сегодня все, смотря на прошедшие 80 лет, можем только восхищаться, удивляться той невероятной созидательной энергии, которая была у этих людей. Несмотря на то, что многие из них трагически закончили свою жизнь, они, тем не менее, любили свою страну и готовы были все для неё сделать. Пусть это место станет памятным не только для жителей Дудинки, но и для всех норильчан»*.

4.4 А.П. Завенягин - личность незаурядная и масштабная

На заседании Политбюро в апреле 1938 года начальником Норильского комбината (уже не Норильскстроя!) был утвержден **Авраамий Павлович Завенягин** - один из видных деятелей государства, инженер с широким научно-техническим кругозором и большим опытом практической работы. Он четыре года руководил Магнитогорским металлургическим комбинатом, почти полтора года работал в Москве в аппарате наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе. В 1934 году Завенягин был делегатом XVII съезда ВКП(б), получившим название «съезд победителей», где было провозглашено, что «в стране социализм победил». Съезд этот также известен как «съезд расстрелянных», так как более половины его делегатов было репрессировано в последующие годы. А из избранных в члены и кандидаты в члены ЦК партии 70% были в 1937-1938 годах арестованы и расстреляны как «враги народа». А.П. Завенягин уцелел, но находился в списках неблагонадежных.

Завенягина отправили на Таймыр (что было своего рода ссылкой), поручив дело особой важности. В случае невыполнения задания (а были нужны быстрые результаты!), его ждала та же участь, что и Матвеева.

В лагерный поселок Норильск Завенягин приехал 27 апреля 1938 года, и, конечно, не ожидал того, что увидит. В акте приемки дел строительства Завенягин напишет:

«Люди размещены в крайней тесноте, в обветшалых палатках и фанерных бараках. Процветает спекуляция табаком и сахаром. Рельсовый путь уложен прямо на мох. По разработкам института Союзникельоловопроект (СНОП) нельзя строить ни одного объекта. Проектом города СНОП не занимался вообще. Направление штольне задано неправильно, экспертиза Главстройпрома этот проект отвергла. К изучению металлургической плавки руд и концентратов не приступали... Оборудование обогатительной фабрики хранится под открытым небом, в хаотическом состоянии, частью в развалившейся таре, частью совершенно без тары. Проверки комплектности оборудования не производилось...».

Самые первые приказы Завенягина были связаны с укреплением лагерной системы (смена руководства, устройство ограждений, охранных вышек) и трудовой дисциплины на всех уровнях. Ужесточились наказания заключенных за невыход на работу. Главным образом, это была борьба с отказчиками, саботажниками, промотчиками¹ и прочими, которых в большом количестве поставляла «уголовная» часть лагерников. В октябре 1938 года Завенягин подписал приказ № 409: *«Заместителю начальника Норильлага лейтенанту госбезопасности т. Алексеенко в 5-дневный срок закончить оборудование БУРа (барак усиленного режима. – Прим. авт) вне лагерной зоны. Моему заместителю т. Бусыгину в 2-дневный срок закончить постройку карцера вне лагерной зоны. Всех лодырей и саботажников по окончании смены направлять в БУР. Питание в БУРе ограничить штрафным пайком с выдачей 300 г хлеба и обязательным выводом на работу под конвоем».*

Был также издан приказ о ликвидации у подножия горы Рудной палаточного лагеря.... Для лагеря было заложено сразу пять одноэтажных каменных бараков в две улицы. К весне 1939 года строительство лагеря было полностью закончено. Кроме того, на Вальке, где была молочная ферма и врачебное обслуживание, Завенягин определил место для строительства дома матери и ребенка, так как среди заключенных было много женщин с грудными детьми. Каким бы строгим не был режим в лагерях, он не мог воспрепятствовать умножению «лагерных мамок», как их называли заключенные. Кормящие матери должны были проживать вместе с детьми, занимаясь рукоделием, пошивом одежды и т.д.

¹Отказчики – те, кто отказывался от любой работы, саботажники – те, кто преднамеренно срывает работу при соблюдении видимости выполнения её, промотчики – те, которые проматывали (проедали, проигрывали в карты) казенное имущество.

До Завенягина норильская лагерная система держалась на трёх китах: мате, блате и туфте. Следует заметить, что на Руси, где никогда не хватало должной механизации труда, мат всегда выступал как полноценное орудие труда. Но в условиях Норильска даже и это не выручало. Нормы выработки заключёнными на таких работах, как добыча угля в шахтах, сооружение котлованов под фундаменты, снежная уборка и т.д. совершенно не соответствовали реалиям. Невыполнение же нормы – это сокращение хлебного пайка. Чтобы заключённый оставался работоспособным, бригадир сознательно шел на приписки. Когда администрация комбината повышала нормы выработки, то же самое происходило и с приписками. Получался замкнутый круг. При Завенягине стал широко применяться метод «кнута и пряника». С одной стороны, в лагерях ужесточился режим, с другой стороны, появились бригадный подряд, стахановское движение, дифференцированная оплата труда.

По инициативе Завенягина в лагерных зонах были созданы культурно-воспитательные отделы (КВО). Деятельность КВО была направлена на всемерную и постоянную поддержку в лагерях советских настроений, организацию культурного отдыха и трудового соревнования. С помощью КВО были созданы сотни хорошо подобранных стабильных рабочих бригад, закрепленных приказом по комбинату. Всякие «режимные» соображения о перетасовке лагерной администрацией этих бригад Завенягин поставил под контроль руководителей производства. Таким образом, начальник лагеря лишался права бесконтрольно командовать в лагере.

Например, одна из бригад, сформированная в 1939 году, называлась «бригада инженеров» (около 50 человек), бригадиром её был назначен Александр Иванович Эйсмонт, в прошлом главный инженер МОГЭС, сторонник Троцкого. Бригада готовила у подножия горы Барьерной площадку под будущий Большой металлургический завод. Уже в следующем году Эйсмонта похоронили на «зековском» кладбище, при этом оказали редкую честь, какой не удостоивался ни один заключённый: поставили на могилу шест и на нем установили дощечку с надписью «А.И. Эйсмонт».

В 10-м лаготделении один из больших барачков был приспособлен под клуб. В клубе регулярно демонстрировались кинокартины, давались концерты, ставились спектакли. В каждом лаготделении были свои концертные и танцевальные группы. Художественная и театральная самодеятельность способствовали духовной поддержке людей. Заключённые, длительное время не видевшие нормальной жизни, с удовольствием участвовали в постановках и концертах в свободное время, если оставались силы после рабочей смены.

Регулярно устраивались собрания заключённых того или иного цеха. Обсуждались производственные планы, отчитывались руководители бригад и участков, принимались трудовые обязательства, объявлялись результаты соревнования. Передовикам вручались красные знамена, премии, подарки. Подарки обычно были продовольственными: масло, сало, сахар, консервы. Изредка, главным образом ИТРовцам, выдавались ордера на пошив гражданских шерстяных костюмов. Хождение в гражданской одежде не возбранялось, но мало у кого она сохранилась. Вольную одежду надевали только в праздники - её очень берегли. В обычное же время ходили во всем лагерном - ватные брюки, ватная телогрейка, бушлат, шапка-ушанка, кирзовые сапоги.

Завенягин понимал, что кайлом и лопатой в руках заключённых задачу не решить. Требовались нестандартные пути, поиск и расчёт, дерзание и эксперимент, творческий и технический прорыв.

В Норильлаге находились тысячи дипломированных специалистов самого широкого профиля: проектировщики, архитекторы, строители, конструкторы, энергетики, технологи, металлурги, горняки, геологи, врачи и т.д. Большая часть из них была осуждена по политическим статьям на 10-25 лет. По ГУЛАГу было предписано «классово чуждые элементы» исправлять только кайлом, ломом и лопатой. В суровых условиях Заполярья им всем до конца лагерного срока грозила неминуемая смерть.

Завенягину ничего не оставалось, как пойти на нарушение лагерных инструкций. Пользуясь своей властью, он стал кропотливо отбирать среди заключённых специалистов, освобождая их от конвоирования, выдавая пропуска бесконвойного передвижения, создавая им сносные условия для жизни и работы.

Негласно Завенягин своим примером и действиями как бы утвердил отношение к заключённому как к правовому человеку, что сделать в гулаговской системе было очень

непросто. Во-первых, этому «не мешал» начальник Норильлага¹, а во-вторых, часто «кандидат» по каким-либо мотивам отказывался от предложения перейти на новую работу. Многие из них до ареста были крупными специалистами в определенных отраслях производства. Но многолетнее клеймо заключенного, на много лет помещенного в унижительные и жестокие условия выживания, породило у многих горечь, обиду, злость, а иногда хуже – апатию, безверие, страх, опустошенность. Надо было разбудить в заключенных веру в себя, вернуть чувство собственного достоинства. И это делал А.П. Завенягин и те люди из его окружения, которым он доверял.

Завенягин технических специалистов из числа заключенных направлял к начальникам цехов, служб, а иногда предприятий «на вторые роли». Чаще всего это делалось в тех случаях, когда «первые роли» занимали молодые специалисты, прибывшие в Норильск по вольному найму. И те, если были не дураки, за несколько месяцев совместной работы с заключенными специалистами экстра-класса узнавали гораздо больше, чем за годы учебы в средних или высших учебных заведениях.

В частности, о том, как кропотливо подбирались нужные кадры из заключенных (как политических, так и уголовных) для Опытно-металлургического цеха (будущего ГМОИЦ), какие меры предпринимались, чтобы заставить их организованно работать, можно прочесть в интересных воспоминаниях первого начальника этого цеха (1939-1941) Ольги Николаевны Лукашевич², выпускницы Института цветных металлов, уехавшей в 1939 году в Норильск из Москвы, где Ольга Николаевна оставила свою лабораторию тяжелых металлов и работу над диссертацией. Получив назначение на должность начальника ОМЦ, Ольга Николаевна столкнулась с проблемой кадров. И когда она об этом сказала Завенягину, то услышала: *«Кадры? На рабочие места – из уголовников, но не все статьи можно. На инженерные должности подбирайте сами из любых лагерных отделений, это 58-я статья. Срок вам – две недели. Я вижу, что вас что-то смущает. Мой совет: забудьте, что это заключенные, враги и т.д. Вам нужны знающие люди, умные, опытные, вот и подбирайте, а как заставить их работать и работать хорошо и быстро – сами придумаете, тут лагерные рецепты не помогут. И не робейте, смелее. Я в вас верю».*

Для заключенных-инженеров, которые были нужны комбинату, строились специальные бараки. Условия там были лучше, чем в лагерных бараках: меньше секций, лучше обогрев. Для вольнонаемных же дома и «коттеджи» строились деревянными, с комнатной системой, печным отоплением и водоразборными колонками на улицах. Жилье имело минимальные удобства.

Оперативно-чекистский отдел при Норильлаге не дремал, а строго осуществлял контроль не только за заключенными, осужденными по 58-й и другим политическим статьям, но и следил за всеми вольнонаемными, и даже за директором комбината. Любая инициатива Завенягина становилась известна в Москве. В доносах писали: *«В лагере нет режима, ээка ходят расконвоированные!»*, *«спелся с врагами народа»*, *«предоставил заключенным квартиры»*, *«пьет чай с вредителями»*, *«по лагерному радио обещал врагам, что если их приговоры ошибочные - их пересмотрят».*

На Лубянке строго отслеживали все деяния Завенягина, видели его первые успехи и некоторые вольности прощали. Больше того, там даже оценили тактику Завенягина. В 1940 году Берия разослал по ГУЛАГу директиву: *«...Полностью использовать всех специалистов из з/к, преимущественно на производстве, наиболее квалифицированных из них – в качестве технических руководителей».*

¹При Завенягине некоторое время должности начальника Норильлага НКВД и Норильскстроя были разделены. В 1938 году лагерь возглавлял старший лейтенант ГБ Н.С. Цуринов (в этом же году арестован), а затем — майор ГБ В.С. Валек (арестован в 1939-м). С 1939 по 1941 годы Завенягин вновь совмещал должности начальника Норильлага и Норильскстроя.

²Ольга Лукашевич: *«Необходимо было разбудить в них веру в себя после тюрем, земляных работ, Соловков...»*. Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...», книга 4, Москва, «ПолиМедиа», 2003.

О феноменальной способности Завенягина распознавать людей, находить кадры вспоминают многие вольные и бывшие невольные норильчане. В одном из очерков о Норильске, напечатанном в газете «Правда» в 1966 году, про Завенягина писали: *«Он сумел вернуть слабым мужество, отчаявшимся самоуважение и всем – веру в значительность своего труда»*.

А.П. Завенягину удалось осуществить важное организационное новшество: вместо Норильскстроя было создано Управление комбината, сосредоточившее в своих руках проектирование, строительство, производство, материальные и финансовые ресурсы, здравоохранение, образование, культуру и т.д. Управление же Норильлага стало всего лишь подрядной организацией, действовавшей на основе договоров с комбинатом. В обязанности лагерной администрации входило обустройство лагерей и обеспечение рудников, шахт, промышленных и строительных площадок людскими ресурсами, возлагалось сохранение и доставка к месту работы полноценного работника, хоть и невольного, но одетого и обутого, способного трудиться по 10-12 часов.

В таком разделении полномочий двух Управлений в Норильске состоит одна из загадок высокой эффективности вклада заключенных Норильлага в строительство Норильского комбината и заполярного города.

Очень важным психологическим фактором явилось то, что оценка труда заключенных перешла к техническому персоналу комбината, и безнравственный принцип побуждения невольников к труду силой и угрозами сменился доверием и предоставлением работы по специальности.

Нам трудно представить, что мог пережить бывший инженер, осуждённый на 10-25 лет как «враг народа», которому вдруг доверили ответственный участок производства. Хоть и не сразу, к нему возвращалось чувство собственного достоинства, жизнь становилась осмысленной. Приходя на работу, он чувствовал себя творцом, ощущал, как это ни парадоксально звучит, полную свободу изобретать, вносить свои предложения. И, конечно, он работал неистово, не щадя себя.

В виде особого поощрения за хорошую работу заключенному предоставляли право привезти с материка семью (жену, детей). Это важная веха в истории Норильска: стала формироваться базовая основа населения¹.

В Норильске существовала такая практика: за высокие производственные достижения один-два раза в год по ходатайству руководства заключенным за высокие производственные достижения снижался срок заключения от нескольких месяцев до трех лет. Были отдельные случаи снижения сроков даже до пяти лет. Приказы комбината, извещавшие о снижении сроков заключения, содержали сотни фамилий и широко распространялись по Норильлагу. Многие из них за ударный труд, особенно в годы Великой Отечественной войны, получили досрочное освобождение, но без права выезда из Норильска (вплоть до 1954-1955 годов). Но и тогда, когда появилась возможность уехать, многие остались работать на комбинате, пользовались огромным уважением и авторитетом. Среди них были такие специалисты, школа которых явилась университетом для последующих поколений.

Все-таки многие заключенные (чаще всего политические) были невинными, в душе оставались советскими гражданами, патриотами своей страны, верившими, что время изменится, истина восторжествует (что подтвердилось позднее, когда после смерти Сталина в результате пересмотра судебных дел последовала массовая реабилитация). Многие получили инженерные посты, стали прорабами, техноруками, начальниками шахт, цехов и даже главными инженерами шахт и рудников. Они сыграли огромную роль в становлении Норильского комбината.

¹Заметный прирост населения в Норильске произошёл в августе 1941 года, когда в Норильск были эвакуированы с комбината «Североникель» из Мончегорска четыре тысячи инженеров и рабочих с семьями. В 8-м классе школы №6 Норильска, который я заканчивал в 1954 году, было 28 учеников, большая часть которых были дети, приехавшие с материка к заключенным родителям.

В 1938 году ещё не было генерального проекта строительства норильского никелевого комбината. То, что было предложено Ленинградским СНОПом, входило в противоречие с реальностью. СНОП предлагал:

-в Норильске сосредоточить только горнодобывающий блок и производить первичную отработку руды для получения полуфабрикатов, так называемых штейна и фанштейна, а чистую продукцию (никель, медь, кобальт и другие ценные металлы) получать на «материке». При этом СНОП ссылался на опыт Канады и других стран, где существовало такое территориальное разделение производств;

-под эту технологическую схему в Норильске предлагалось спроектировать жилой поселок с численностью до двух тысяч человек, работающих вахтовым методом. После одного-трёх лет работы – шестимесячная курортная реабилитация в Крыму, на Кавказе.

Существование Норильлага никак не могло стыковаться с вахтовой схемой. Да и отсутствовали круглогодичные надёжные пути доставки полупродукта с комбината на материк. Если при необходимости чистый никель ещё можно вывезти самолётами, то это невозможно сделать с полуфабрикатом.

Завенягин принял смелое и дальновидное решение:

-проектирование и строительство никелевого комбината вести одновременно, причем генеральное проектирование осуществлять силами самого Норильска. Следует заметить, что до этого ни одно крупное предприятие в СССР не проектировалось местными силами;

-организовать в Норильске полный технологический цикл от добычи руды, первичной отработки до получения конечной продукции, то есть чистых электролитных никеля и меди, металлического кобальта, обогащённых шламов и ряд других продуктов;

-вблизи комбината построить город, в котором будут жить люди не один-два года, а длительный срок, имея не только нормальные, но значительно улучшенные бытовые условия: благоустроенные квартиры со значительной жилой площадью, спортивные залы, плавательные бассейны и обязательно обильное и богатое витаминами питание. Только так можно компенсировать суровость норильского климата.

Вот небольшой отрывок первого публичного выступления А.П. Завенягина перед активом строителей Норильска, как всегда яркого, вдохновенного:

« ...Я верю, товарищи, что мы победим мерзлоту, цингу и пургу, мы построим могучий комбинат и город, где люди будут купаться в свете электричества, будут получать из теплиц свежие овощи и цветы из оранжерей... Норильск – это центр, где создается, формируется пролетариат - носитель коммунизма... На Таймыре, где живут малые народности, жестоко угнетавшиеся в прошлом, надо создавать пролетарские центры, индустриальные... В Норильске должен быть не только металлургический центр Севера, но и центр научный, медицинский, культурный...».

Москва одобрила вариант Завенягина. Сразу же, в мае 1938 года Завенягин издал приказ о создании отдела по проектированию и строительству комбината и города на базе существующего проектного бюро, созданного еще при Матвееве. Фактически была создана проектная организация по типу центрального проектного института. Начальником отдела был назначен В.Р. Бородулин, через три месяца его сменил А.Е. Шаройко. В проектном отделе работало много заключенных. Проектантам пришлось решать множество совершенно новых и, казалось бы, неразрешимых задач. Причем всё надо было делать в сжатые сроки, которые диктовала Москва.

Работа проектного отдела Норильского комбината началась с серьёзного спора между СНОПом, где активную роль играл академик Александр Александрович Скочинский, и ведущими горняками проектного отдела об организации в Норильске наряду с подземными рудниками открытых горных работ. Известно, что когда руда лежит неглубоко под землёй, выгодно сверху снять всю пустую породу, а потом прямо экскаватором разрабатывать руду. Открытые работы существенно снижают себестоимость руды. И еще, чем ближе к поверхности жилы рудного тела, тем богаче

руда. Но специалисты СНОПа категорически отвергали возможность добычи руды на открытых горных карьерах из-за снежных заносов, жесточайших морозов и отсутствия мощного горного оборудования в северном исполнении. Решающим в споре явилось мнение самого Завенягина, имевшего опыт открытых работ на Магнитке. Это потом, когда открытые рудники ускорили процесс добычи руды и дали значительный эффект по объемам добычи и снижению её себестоимости, этот вопрос окончательно прояснился. А тогда споры велись на серьезном руководящем и инженерном уровне и аргументы не были очевидны.

Для открытых разработок были выбраны такие участки, где рудное тело находилось ближе всего к поверхности. Так появились карьеры «Угольный ручей» и «Гора Рудная». Себестоимость руды из карьеров составила около 77% от стоимости руды, добытой подземным способом. И ещё преимущества: в карьерах было несравнимо больше возможностей использовать машины и механизмы и, соответственно, облегчить труд человека по сравнению с трудом в подземных рудниках. Но были и проблемы, которые пришлось решать. Руда с открытых разработок содержала в своем составе значительное количество снега, что создавало исключительно трудные условия для работы технологического оборудования и перегрузочных узлов, а склад руды становился иногда полностью неработоспособным из-за смерзания руды в бункерах.

Завенягин был одарен острым чувством реальности, но он верил в будущий «не только металлургический центр Севера, но и центр научный, медицинский, культурный...». И эту веру разделяли не все. Недоброжелатели часто нарекали его пустым мечтателем. Кто из зависти, а кто и в желании подставить, обвинить в прожектерстве и даже во вредительстве, разбазаривании средств. Его попрекали тем, что у него *«не лагерь, а курорт для з/к»*, что он *«перекармливает врагов, тратя громадные суммы денег для разной сволочи»*. Завенягин жил аскетически, самоотверженно работал, но угроза оказаться «врагом народа» все время висела над ним.

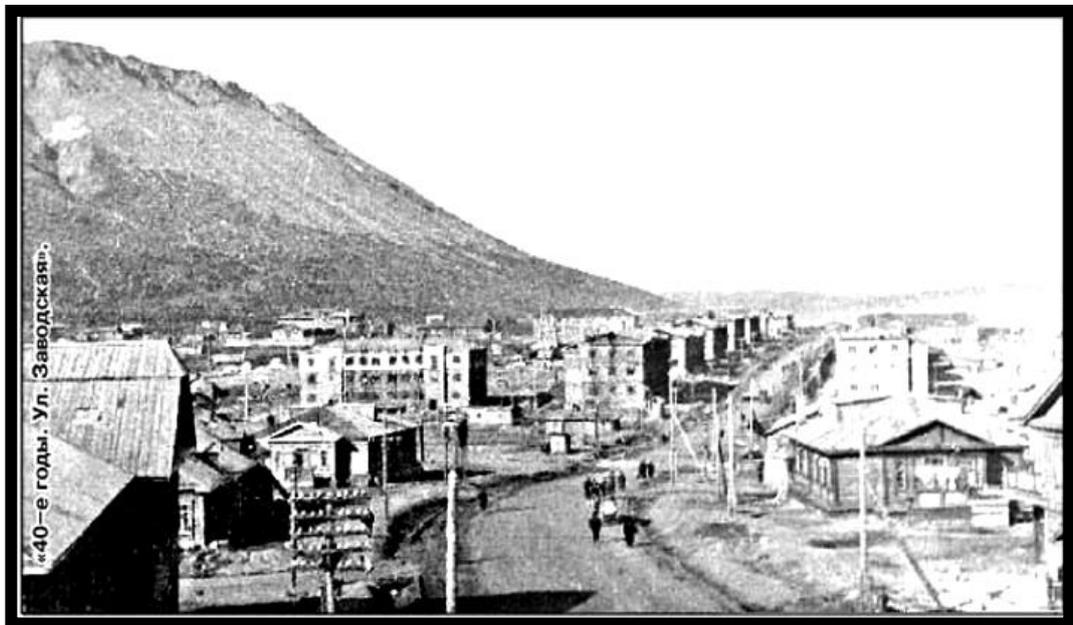
Опала Завенягина окончилась после встречи со Сталиным 5 апреля 1939 года. Сталин и присутствующие руководители партии и правительства внимательно выслушали Завенягина, доложившего о строительстве горно-металлургического комбината и предъявившего слиток металла. Сталин слиток оглядел, ощупал со всех сторон и заулыбался... Затем, взяв слиток, он пригласил Завенягина в Грановитую палату, где, став экскурсоводом, показал многочисленную коллекцию сувениров-подарков. Со Сталиным беседа затянулась за полночь... Завенягин убедил Сталина в необходимости масштабных работ на Таймыре, «хозяин» поверил в преданность Завенягина, одобрил его действия и планы. А утром появилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1939 года «О форсировании строительства Норильского комбината», согласно которому проектную мощность комбината увеличили в четыре раза.

В общей структуре лагерного комплекса и в экономике Норильска последовали крупные перемены. Во-первых, на развитие производственной базы были выделены дополнительные деньги. Во-вторых, резко возросла численность заключенных, почти на 10 тысяч человек. В 1939 году прекратил свое существование один из самых страшных лагерей – Соловецкий и все его заключенные были доставлены в Норильск двумя этапами. В-третьих, в ходе разведывательных работ в 1938-1940 годах в шесть раз увеличились разведанные запасы угля и никеля, к тому же было обнаружено, что в норильских месторождениях помимо преобладающих вкрапленных руд со средним содержанием никеля 0,33%, меди - 0,51%, платиноидов - 8,1 грамм на тонну, находились, хотя и в значительно меньшем количестве, необыкновенно богатые жильные халькопиритовые руды, содержание никеля в которых в среднем составляло 4,24%, меди — 7,49%, платиноидов — 117,9 грамм на тонну. В отличие от первой категории руд эти богатые (сульфидные) руды позволяли получать металлы непосредственной плавкой без предварительного обогащения.

Фактически за четыре месяца (октябрь 1938 - февраль 1939 годы) был построен опытный Малый металлургический завод (ММЗ). Площадка для него была выбрана еще при Матвееве. В марте 1939 года на ММЗ был получен первый медно-никелевый штейн, 75 тонн которого было отправлено в бочках на Мончегорский комбинат, где и был выплавлен первый норильский металл. Первый опыт придал уверенность в реализации амбициозной задачи, поставленной А.П. Завенягиным: построить в Норильске комбинат с законченным металлургическим циклом, то есть выпускать на месте продукты законченного цикла – готовые никель, медь, кобальт и некоторые редкие металлы. В июне месяца 1939 года завод освоил технологию получения фанштейна с содержанием металла до 80%. Первый катодный никель на ММЗ был получен в апреле 1942 года.

В Норильске в 1939 году были введены в эксплуатацию крупные угольные шахты и рудники, малый коксовый завод, начато строительство обогатительной фабрики. В сентябре началось строительство Большого металлургического завода (БМЗ).

Год 1940-й был особенно трудным в истории Норильского комбината. Кончился мучительный период реорганизации, проектных неурядиц, раздумий о масштабах и перспективах строительства. В 40-м году стройка развернулась и стали видны зримо черты будущего гиганта цветной металлургии.

Норильск, 40-е годы

В конце 1940 года новый технический проект комбината был рассмотрен московскими экспертами и утвержден. Кроме производственных объектов проект включал строительство города. Согласно генеральному плану будущее население города определялось в 32 тысячи человек. Будущее Норильска было определено. Оно представлялось трудным, но понятным и реальным.

В марте 1941 года Завенягина отзывают в Москву. Страна была на пороге войны, опыт и талант Авраамия Павловича нужны были на более высоком уровне. Его назначили заместителем наркома НКВД, поручив общее руководство промышленно-строительными структурами НКВД.

Три года, которые Авраамий Павлович проработал в Норильске, были его борьбой за жизнь. И не только за свою жизнь, но и за жизнь талантливых инженеров, за жизнь десятков тысяч эков. Завенягин успел заложить принципиально важные основы строительства Норильского горно-металлургического комбината и города, что, в конечном счёте, и позволило появиться норильскому феномену. Заслуженно

Норильский горно-металлургический комбинат с 1957 года по 2016 год носил его имя. Можно только сожалеть, что ныне в новом наименовании Норильского промышленного комплекса отсутствует имя А.П. Завенягина.

Поражает профессиональный уровень и размах деятельности этого человека. Завенягин сохранял человечность в условиях, в каких это мало кому удавалось. Ему много пришлось работать с заключенными, в глазах которых его авторитет был исключительно высок. Скольких людей он спас от голода, холода и смерти!

Это был человек редкой одаренности, неисчерпаемой энергии, блестящих организаторских способностей, поразительной памяти. Остается лишь гадать, сумел бы А.П. Завенягин найти себя в сегодняшнем времени или нет, но точно, что таких людей остро не хватает в современном обществе - внутренне свободных и далеко видящих, а главное, умеющих результативно работать, а не заниматься демагогией.

Первый биографический очерк о Авраамии Павловиче появился в 1991 году¹. В 2002 году вышла вторая, полновесная книга о А.П. Завенягине², в которой неравнодушный к отечественной истории читатель получил возможность узнать про жизнь и деятельность легендарной личности - крупного организатора промышленности СССР.

Другая, еще более полновесная книга³, вышедшая в 2006 году, содержит воспоминания Евгении Авраамовны - дочери Завенягина, и А.Л. Львова, журналиста и писателя, проработавшего в Норильске 37 лет, и многих выдающихся людей, которым «повезло» работать с Завенягиным в Норильске и в атомном проекте. Один из этих людей А.Б. Логинов, проработавший на комбинате 15 лет и очень хорошо знавший А.П. Завенягина, в своих воспоминаниях пишет: *«Авторитет Авраама Павловича среди нас, инженеров и руководителей разного ранга и разного профиля, был непререкаемым. Мы его уважали, любили и слушали независимо от его чина. Наше отношение к нему определялось в первую очередь его качествами руководителя, организатора, удивительной разносторонностью и глубиной».*

Мария Никифоровна – жена Авраамия Павловича Завенягина
с дочерью Женей.

¹Ю.Н. Елфимов. «Маршал индустрии», Челябинск: Южно-Уральское изд-во, 1991 г.

²«А.П. Завенягин: страницы жизни». Автор-составитель, проект М.Я. Важнов. Организатор издания И.С. Аристов. Москва, ООО «Полимедиа», 2002.

³Завенягина Е.А., Львов А.Л. «Завенягин. Личность и время».- М.: МИСИС, 2006

Логинов вспоминает, что перед его назначением в 1954 году директором Норильского комбината у него была встреча с А.П. Завенягиным, и тот сказал такие слова: *«Главная отличительная черта руководителя состоит в том, что он должен обладать умением, талантом видеть в каждом частном деле связь с общим развитием страны... <...>Надо было с чего начинать в Норильске? Научить людей увязывать работу каждого, самого малого участка, вплоть до стрелочника, с интересами всего комбината, а через комбинат с интересами и задачами всей страны, всей нашей советской жизни. Без такого понимания смысла работы даже талантливый во всем другом руководитель вырождается в конце концов в дельца. А отсюда недалеко до карьеризма как житейской основы, а отсюда недалеко и до подлости в делах».* Можно только удивляться, насколько глубоко понимал А.П. Завенягин ответственность и долг любого руководителя!

Вся жизнь и дела Завенягина – это подвиг! Плохо, что про таких людей мало говорят и пишут, не снимают фильмы. Хорошо, что Завенягина помнят норильчане, где ему на главной площади города установили памятник. Роль же Завенягина в атомном проекте вообще мало освещена и странно замалчивается в современных материалах по истории советской атомной эпопеи. Возьмем, к примеру, 4-томное издание «Полного курса истории России для учителей, преподавателей и студентов» Е.Ю. Спицына. В третьем издании (2019 год) в разделе «Атомный проект» фамилия Завенягина встречается только один раз, его нет даже среди фотографий главных фигурантов атомного проекта (кстати, нет почему-то и фотографии А.Д. Сахарова – «отца» водородной бомбы). А ведь Завенягин в аппарате Берии был самым эффективным, как сейчас бы сказали, менеджером атомного проекта.

Авраамий Павлович Завенягин (1901-1956) – инженер-металлург, организатор промышленности, куратор советской металлургии и атомного проекта, генерал-лейтенант (1945, МВД), дважды Герой Социалистического Труда (1949, 1954), лауреат Сталинской премии (1951),

член ЦИК СССР (1930-1939), депутат Верховного Совета СССР (1938-1956), кандидат в члены ЦК КПСС (1934-1939, 1952-1956), член ЦК КПСС (1956).

А.П. Завенягин родился на станции Узловая Тульской области. Воспитывался в многодетной семье: отец Павел Устинович (1863-1941) - машинист паровоза, мать Пелагея Владимировна (1866-1922) - из крестьян. В 1912 году Авраамий уезжает в Рязанскую область и поступает в Скопинское реальное училище. В Скопине происходит его взросление, в ноябре 1917 года он становится членом ВКП(б), вступает в профсоюз журналистов и соработников, редактируя «Известия Рязанского губисполкома».

В 1919 году А.П. Завенягина назначают начальником политотдела Рязанской пехотной дивизии, с 1920 года он на партийной работе на Украине, где работает в Славянске, Юзовке (ныне г. Донецк), Старобельске, Бахмуте, снова в Юзовке. Руководит ревкомом, уездным комитетом, окружным комитетом КП(б) Украины, участвует в работе Донецкого губисполкома и Всеукраинского ЦИКа. Здесь состоялась его знакомство с человеком-легендой товарищем Артемом¹ (Федором Андреевичем Сергеевым), когда тот был председателем Донецкого губисполкома. Для 20-летнего Завенягина Артем был наивысшим авторитетом. Они были рядом, когда Артем еще возглавлял Донецко-Криворожскую Республику со столицей г. Харьков. Артем выступал за автономию этой Республики в составе РСФСР. Можно только сожалеть, что идея Артема не была воплощена в жизнь. Правительство РСФСР (конкретно Ленин) в то время было против автономии Республики Донбасс, как части Украины, рассчитывая, что со временем вся Украина станет просоветской. Мы не знаем, какую позицию занимал Завенягин по этому вопросу.

Конечно, трагическая смерть Товарища Артема очень травмировала Завенягина. И его не мог не впечатлить поступок Сталина, когда тот усыновил сына Артема.

В 1923 году Авраамий Павлович женился, выехал в Москву и поступил в Московскую горную академию. Первый набор в академию - в основном, партийная молодежь с фронта. Завенягин как-то выделялся, чувствовалась ранняя зрелость... Студенты звали его не иначе как по имени-отчеству. В 1924 году у Завенягиных родился сын Юлий. Со второго курса на Авраама Павловича были возложены административные функции – функции проректора по административным и хозяйственным вопросам. Лаборатории - в плачевном состоянии. И что предлагает проректор Завенягин? Взять заказы от московских заводов на восстановительные работы, им помочь и приобрести оборудование на заработанные средства. Буквально через несколько месяцев в академии загудели станки, приборы, приспособления для опытов по обогащению руд и углей. Начались исследования производства свинца, латуни, ферросплавов, алюминия...

После окончания академии в 1930 году и короткого пребывания в должности директора только что созданного Московского института стали и сплавов, Завенягина по рекомендации Серго Орджоникидзе посылают в Ленинград руководить Государственным институтом по проектированию металлургических заводов (Гипромез). Серго Орджоникидзе, ставший в 1930 году председателем Высшего Совета Народного Хозяйства, заприметив Завенягина еще в пору его студенчества, продолжал целенаправленно готовить из него крупного хозяйственника, управленца высокого ранга, передавая ему свое умение работать с людьми. Для А.П. Завенягина Орджоникидзе был примером самоотверженности, требовательности, доброты, гуманности.

¹Артем (Федор Андреевич Сергеев) (1883-1921) - революционер, советский государственный и партийный деятель, более известный как Товарищ Артем. В конце 1920 года Артем занимал должность ответственного секретаря Московского комитета РКП (б), был членом ВЦИКа. Погиб Артем во время испытания аэровагона, возвращаясь из Тулы в Москву. Похоронен Артем в Москве, на Красной площади, в братской могиле. Всенародная любовь к Товарищу Артему была такова, что о нем слагали песни и легенды. Его имя носит главная улица в Донецке. Ему установлено множество памятников, часть из которых на Украине была разрушена или демонтирована во время декоммунизации. Уникальный памятник Артему стоит в городе Святогорске, сооруженный в 1927 году, это самая высокая скульптура в стиле кубизма в Европе, её высота с постаментом — 28 метров. Памятник создан из уникального бетона, он выстоял во время войны. В августе 2015 года украинские националисты намеревались свалить его, но не смогли это сделать. Сын Артем Федорович Сергеев (1921-2008) - генерал-майор, участник Великой Отечественной войны, был в плену, бежал, участвовал в партизанском движении. После войны командовал 9-й дивизией ПВО. Написал воспоминания, где, кстати, пишет, что отец погиб не случайно, катастрофа была подстроена. Артем дружил с сыном Сталина Василием до самой его смерти.

В 1931 году Авраамия Павловича назначают заместителем начальника Главного управления металлургической промышленности ВСНХ СССР. В январе 1933 года по инициативе «незабвенного Серго» Завенягина назначают директором большого металлургического завода на Днестре в городе Каменском, в 1936 году переименованном в Днепродзержинск. Год 1933-й был годом страшного голода на Украине. Завенягину за восемь месяцев удалось фактически неработающий завод оживить и вывести в передовые в черной металлургии.

В 1934 году Завенягина назначают директором Магнитогорского металлургического комбината, где он проработал 3,5 года. В 1936 году в семье Завенягиных родился второй ребенок - дочь Евгения. Жена Мария Никифоровна была председателем Совета жен инженерно-технических работников.

С чего начал Завенягин на «Магнитке»? Первым делом добился с помощью Орджоникидзе освобождения из ссылки опального ученого профессора Б.П. Боголюбова, ценнейшего специалиста по горной добыче. А затем обратился в управление НКВД: *«У меня на стройке трудятся 32 тысячи осужденных по 58-й статье и еще около 50 тысяч спецпереселенцев из раскулаченных крестьян. Питание у них отвратительное, баланда, люди еле шевелятся. Мне нужна рабочая сила, а не дохляки! Чем лучше мы будем их кормить, тем больше Советская власть получит выгоды!»*. Питания осужденных на стройке Магнитогорского комбината было улучшено. Для рабочих началось строительства жилья, появились больница, детские сады и ясли, школы и детские дома, даже парк культуры и отдыха в центральном поселке. Завенягин внедрил новый стиль работы: вместо штурмовщины – строгий график, вместо волевых сроков и планов – инженерный расчет, вместо окриков и ругани – деловое спокойствие. Люди быстро откликнулись на человеческие проявления со стороны начальства. Уже в конце 1935 года комбинат стал работать без дотаций государства. На Магнитке завершилось формирование Завенягина, как профессионала, металлурга и экономиста. В начале 1935 года Завенягин получил первый орден Ленина (первый из шести).

Вызванный телеграммой Серго Орджоникидзе в феврале 1937 года Завенягин срочно выехал в Москву. Там он должен был приступить к новым обязанностям в качестве 1-го заместителя Серго в Наркомате тяжелой промышленности. Приехав в Москву, Завенягин узнал о неожиданной смерти Орджоникидзе. Для Завенягина это было страшным ударом, он глубоко уважал и любил Орджоникидзе. У них были очень теплые, дружеские отношения. Орджоникидзе было 50 лет, он был бодр, энергичен, много ездил по стройкам, к людям относился доверительно, с открытой душой.

Что же случилось с Серго Орджоникидзе? Готовился февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года. Сталин требует от наркома Орджоникидзе выступить на пленуме с докладом *«Об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов»*. За шесть дней до пленума состоялся бурный ночной разговор Орджоникидзе со Сталиным. Орджоникидзе выступал против массового уничтожения ценных партийных и хозяйственных кадров. На следующий день было объявлено о смерти Серго Орджоникидзе (официальная версия – инфаркт). Но, по свидетельству одних людей Орджоникидзе застрелился, других – его застрелили чекисты в кабинете кремлевской квартиры. Большинство из его окружения было репрессировано: из 120 членов коллегии Наркомата тяжелой промышленности уничтожено 110, из 112 руководителей Наркомата путей сообщения расстреляно 102 человека.

Завенягин уцелел. Больше того, доклад на пленуме ЦК поручили делать ему, и Завенягин вынужден был назвать несколько имен «врагов народа», которые были уже обречены - арестованы и ждали приговора. Доклад был одобрен. Авраамия Павловича утвердили в должности заместителя нового Наркома тяжелой промышленности Лазаря Кагановича. В 1938 году Завенягина избирают депутатом Верховного Совета СССР от Кыштымского избирательного округа, где впоследствии при непосредственном его участии будет возведен комбинат «Маяк» - один из первенцев ядерной индустрии.

В 1938 году Каганович устраивает Завенягину проверку на лояльность, потребовав завизировать от имени наркомата согласие на арест академика Губкина, занимающегося поиском нефти на Урало-Поволжской территории и обвиняемого в разбазаривании государственных средств. Авраамий Павлович отреагировал нестандартно: он, нарушив субординацию, позвонил по вертушке Сталину, заявив, что с мнением наркома Ежова о Губкине категорически не согласен, напротив, считает необходимым ускорить поиски нефти по

предложению ученого. Губкина оставили в покое, но Каганович своему заместителю демарша не простил и в марте 1938 года объявил: *«Дела сдать, на работу можете больше не выходить».*

Что в это время мог пережить Авраамий Павлович, ожидая ареста, можно только догадываться. Уйти из жизни, как это сделали многие из уважаемых им руководителей? Но он был человеком беззаветного служения партии, стране, народу. Пуля из собственного оружия – не избавление, а признание слабости, проявление трусости, способ уйти от ответственности. В марте 1938 года Завенягин написал письма Сталину и Молотову. В архиве сохранилось письмо к Молотову: *«Вот уже неделя, как я сижу дома в ожидании решения вопроса о моей дальнейшей судьбе... Не буду говорить о том, насколько это тяжело.... Если возможно, прошу ускорить решение... Я повторяю, что чист перед партией. Я был бы рад работать в самых тяжелых условиях... Я с интересом бы поработал в условиях Севера или Сибири... Прошу Вас, Вячеслав Михайлович, поддержать меня в эту тяжелую для меня минуту, и Вы не ошибетесь».*

Как-то ночью прибыл человек с пакетом, и Завенягина вызвали на заседание Политбюро. Там ему объявили, что поручают возглавить строительство Норильского металлургического комбината за Полярным кругом. В.М. Молотов при этом дал такое напутствие: *«Мы решили вас не добивать. Проявите себя на новой работе».*

Перед самым отъездом на Север Завенягина принял нарком внутренних дел Ежов. Непонятно, что побудило Ежова показать Завенягину пухлую папку с доносами. *«Хотите посмотреть дело на себя?».* Увиденное в папке потрясло Завенягина. Там были подписи людей, с которыми он работал и которых знал не один год. Больше всего было доносов из Магнитогорска. Обращаясь дома к жене, он говорил: *«Маша! Маша! Ты не поверишь!.. Кто только не подписал клевету на меня!».* Обвинения были стереотипными: планировал взорвать комбинат, укрывал от ответственности «врагов народа».

А.П. Завенягин с 1938 по 1941 годы – начальник Норильскстроя и Норильлага, с марта 1941 по август 1946 года - заместитель наркома НКВД, с марта 1946 года – заместитель министра внутренних дел (после переименования НКВД в МВД). Волею судеб Завенягин из сугубо штатского человека, металлурга-доменщика, превратился в генерал-лейтенанта, чего он может быть и не хотел, но обстоятельства оказались сильнее. Берия использовал Завенягина, как организатора и строителя. Есть бесспорный факт, доказывающий его полную невинность в отношении людей, попавших под каток репрессивной машины. На XX партсъезде (1956), осудившем культ личности и репрессии, он был избран членом ЦК КПСС.

Во время войны Завенягин участвовал в эвакуации предприятий, сооружении новых и реконструкции действующих производств. Он осуществлял шефство над Карагандинским промышленным районом, Джезказганским комбинатом, Воркутинскими шахтами, «Амурсталью», Челябинским и Нижнетагильским металлургическими заводами, строительством нефтепровода Сахалин - Комсомольск-на-Амуре... И, конечно, продолжал помогать Норильску.

28 сентября 1942 года вышло постановление Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану». В то время на территории СССР почти не было открытых урановых месторождений. Вопросы поиска месторождения и создания производства по извлечению из руды чистого металла, пригодного для создания бомбы, были поручены А.П. Завенягину. Для работы с ураном по всей стране начали строиться секретные полигоны, закрытые городки, лаборатории и номерные заводы промышленного производства.

В апреле 1943 года для проведения работ по созданию атомной бомбы в Москве создается Лаборатория №2 АН СССР (будущий Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова), начальником которой распоряжением Президиума АН СССР стал И.В. Курчатов. Ученые решили, что быстрее и дешевле сделать атомную бомбу с плутониевой начинкой. Но в природе чистый плутоний не встречается. Поэтому для наработки металлического плутония решили построить небольшой котел с замедлителем из графита, как прототип будущих промышленных реакторов.

В декабре 1944 года Завенягин назначается ответственным за поиск месторождений урановых руд на территории СССР и в странах освобожденной Европы. Срочно по всей стране организуются геологические экспедиции для поиска месторождений урана. Рудники появились в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, на Украине, Сибири, Таймыре.

В 1945 году оперативники НКВД по указанию Завенягина по всей территории Германии, оккупированной советскими войсками, разыскивали немецких специалистов, работавших по

атомной тематике. В 1945 году таковых было найдено и вывезено в СССР 70 человек, к 1948 году их количество доросло до 300. К концу 1945 года в СССР было создано несколько научно-исследовательских центров, где работали такие корифеи мировой науки как профессор Густав Герц (с 1925 года лауреат Нобелевской премии), профессор Макс Фольмер, профессор Роберт Дёпель, профессор Хайнц Позе, профессор Манфред фон Арденне, профессор Петер Тиссен, доктор Макс Штеенбек, доктор Николаус Риль и другие ученые. Эти ученые сыграли немаловажную роль в развитии ядерной индустрии и других важных областей атомной технологии. Многие из них были награждены премиями и наградами СССР.

Николаус Риль¹ в 1949 году в дополнение к Сталинской премии был удостоен звания Героя Социалистического труда с вручением медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина; Петер Тиссен стал лауреатом Сталинской (1951) и Государственной премий СССР (1956), награжден орденом Ленина (1951), Трудового Красного Знамени (1956) и Дружбы народов (1979); Манфред фон Арденне - дважды лауреат Сталинской премии (1947, 1953); Густав Герц – лауреат Сталинской премии (1951).

Распоряжением Государственного комитета обороны в августе 1945 года был создан Специальный комитет при ГКО из 9 человек. Председателем комитета был назначен Л.П. Берия, заместителями его стали Б.Л. Ванников и М.Г. Первухин. Контроль над деятельностью Спецкомитета осуществлял И.В. Сталин. А.П. Завенягин являлся членом Спецкомитета в части инженерно-промышленной деятельности. Для поиска и добычи урана, для ускоренного создания атомпрома Завенягин привлекал гражданские, военные и лагерные силы. Согласно Постановлению СНК СССР, в декабре 1945 года в составе НКВД было организовано Управление специальных институтов (9-е Управление), где Завенягина утвердили начальником новой структуры.

В конце 1945 года Спецкомитет принимает решение о производстве так называемой тяжелой воды (соединение кислорода с двумя изотопами водорода дейтерием), делающей ядерный реактор для наработки плутония более медленным, стабильным и легко контролируемым.

В конце 1945 года при НИИ-9 (Институт специальных металлов НКВД, с 1946 года ВНИИ неорганических материалов имени А. А. Бочвара) была организована Лаборатория №12 (завод в г. Электросталь), которой была поручена работа по созданию промышленного производства тяжелой воды. Завод по производству тяжелой воды начал работать в 1955 году.

В число выбранных предприятий для производства тяжелой воды по предложению А.П. Завенягина был также включен и Норильский комбинат. Летом 1955 года на норильской установке получения тяжелой воды на основе аммиака был получен кондиционный продукт. Однако производительность завода была вдвое ниже проектной. В 1957 году завод достиг 85%-ой проектной мощности. Норильская «макаронка» выдавала продукцию семь лет, но эта продукция оказалась дорогой, и её производство было остановлено.

Летом 1945 года было утверждено предложение Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина и Н.А. Борисова о месте строительства комбината №817 на южном берегу озера Кызыл-таш Челябинской области (в 16 км к востоку от г. Кыштыма). Здесь предстояло построить реакторный завод, радиохимическое предприятие для получения плутония и завод по производству деталей для атомной бомбы. В 1948 году на этом месте уже был построен закрытый город Челябинск-40 (ныне г. Озерск).

В декабре 1945 года Спецкомитет при Совнаркоме СССР (с марта 1946 г. Совет Министров) принял предложение Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина, И.В. Курчатова, Ю.Б. Харитона, А.И. Алиханова об организации атомного центра – КБ-11 (будущий Арзамас-16, ныне г. Саров). Все работы по созданию первой отечественной ядерной бомбы, проводимые десятками предприятий и организаций, были сконцентрированы в этом центре. В апреле 1946 года

¹Николаус Риль (Николай Васильевич Риль) (1901 – 1990) родился в Санкт-Петербурге, сын инженера на фирме Сименса. Семья выслана из России после заключения Брест-Литовского мира 1918 года, так как родители были гражданами Германии. Риль прожил 17 лет в Санкт-Петербурге, затем 25 лет в Берлине, где после получения докторской степени работал в берлинской фирме «Ауэр», 10 лет в СССР и последние 30 лет в послевоенной Германии. Оставил воспоминания, которые можно прочитать в книге: Завенягина Е.А., Львов А.Л. «Завенягин. Личность и время». – М.: МИСИ, 2006. В своих воспоминаниях доктор Николаус Риль пишет: «В сфере ядерной энергии Советы достигли бы своих целей на год, максимум на два, позже и без помощи немцев».

Совмин утвердил руководство КБ-11 (научный руководитель и главный конструктор Ю.Б. Харитон) и его дислокацию.

Для непосредственного руководства работами по атомному проекту при Совмине СССР в апреле 1946 года было образовано Первое Главное управление (ПГУ) с подчинением Спецкомитету. Начальником ПГУ назначили Б.Л. Ванникова, а Завенягина его замом по общим вопросам. ПГУ приобрело четкую структуру чрезвычайного правительственного органа – государственного центра с особыми правами и привилегиями, особой оперативности, деловитости и ответственности. Позже кто-то удачно определил его роль словами «атомное политбюро».

В Лаборатории №2 АН СССР 25 декабря 1946 года состоялся пуск первого уран-графитового котла – опытного атомного реактора Ф-1 («физический первый»). Впервые в СССР удалось осуществить управляемую цепную ядерную реакцию. Это было первым важнейшим достижением атомного проекта. За сравнительно небольшой срок (три с половиной года) ученым удалось создать основы теории ядерных процессов в атомном котле, наладить производство урановых тепло выделяющих элементов и сверхчистого графита, сконструировать и изготовить приборы контроля и управления цепной реакцией и, наконец, построить сам котел.

В НИИ-9 в 1947 году была построена опытная полупромышленная установка для отработки технологии производства металлического плутония. В декабре 1947 года такая технология была отработана и передана на завод комбината №817. 19 июня 1948 года на комбинате №817 был запущен первый в СССР промышленный уран-графитовый атомный реактор («Аннушка»). С этой даты началась производственная деятельность комбината № 817, нарабатывавшего плутоний для первой советской атомной бомбы. Это событие стало вторым важнейшим достижением атомного проекта

По проекту первый промышленный реактор «А» должен был проработать всего 3 года. Фактически он эксплуатировался 38,5 лет - до 1987 года. Ныне комбинат №817 - это ФГУП «Производственное объединение «Маяк»..

В апреле 1949 года все теоретические, конструкторские и технические задачи по созданию атомной бомбы были решены. Летом 1949 года в КБ-11 были изготовлены плутониевые полусферы первой в СССР ядерной бомбы РДС-1 (аббревиатура фиктивного названия «Реактивный двигатель С», один из ученых дал другую расшифровку «Россия делает сама»).

К этому времени под руководством Завенягина в 170 километрах западнее г. Семипалатинска за два года был построен спецполигон (объект №905) для испытания ядерного оружия. Ответственность за доставку изделия из КБ-11 на Семипалатинский полигон и за окончательную сборку изделия была возложена на Завенягина.

29 августа 1949 года в СССР было успешно проведено испытание атомной бомбы. Это было третье важнейшее достижение атомного проекта. Советский атомный взрыв стал для американцев полной неожиданностью: их специалисты не ожидали его раньше, чем в 1952-1954 годах. А для СССР это было спасение - еще годик и пришлось бы испытывать атомный удар на себе, поскольку американские военные планировали атомные бомбардировки советских городов (есть официальные данные, рассекреченные американцами). На этот раз были соединены и максимально использованы возможности блестящей научной плеяды и одной из лучших (по результатам!) разведок мира. Разведоперация «Энормоз» (17-томное дело) (1943-1945) вошла в историю советских спецслужб как одна из самых сложных и важнейших. Было получено около 10 тысяч страниц различных документов, связанных с созданием на Западе атомной бомбы: данные по технологии извлечения урана из руды, информация о промышленном ядерном реакторе, общая схема и описание конструкции первой атомной бомбы.

За вклад в атомный проект указом от 29 октября 1949 года А.П. Завенягину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1951 году был испытан второй вариант атомной бомбы, которая при той же закладке плутония имела меньшие размеры и вес, но оказалась вдвое эффективнее РДС-1. Постановлением Совмина СССР от 6 декабря 1951 года «За успешное руководство работами по развитию атомной промышленности» Сталинской премией первой степени были отмечены А.П. Завенягин, Б.Л. Ванников, Е.П. Славский, В.А. Махнев и Н.И. Павлов.

В 1953 году на семипалатинском полигоне была испытана водородная бомба РДС-6 (первый воздушный взрыв, бомба была сброшена с самолета). В 1955 году сбросом с

бомбардировщика Ту-16 была испытана первая советская двухступенчатая термоядерная бомба РДС-37, результат оказался ошеломляющим.

В октябре 1961 года на Новой Земле на высоте 4 000 метров была взорвана сверхмощная водородная бомба (неофициальное название «Царь-бомба», «Кузькина мать»), попавшая в «Книгу рекордов Гиннеса». Непосредственные участники разработки конструкции и испытания В.Б. Адамский и Ю.Н. Смирнов писали: *«Эта бомба военного значения не имела. Это был акт разовой силовой демонстрации ... в «большой игре» на устрашение между сверхдержавами»*. История создания сверхмощной водородной бомбы восходит к 1956 году. Именно тогда Завенягин, являясь министром Среднего машиностроения, предложил создать очень мощное изделие. Но в конце 1956 года Авраамий Павлович умер, и работа над изделием прекратилась. Летом 1961 года забытую идею решили воплотить. Это было беспокойное время холодной войны. США еще в первой половине 50-х годов провело несколько мощных термоядерных взрывов: в ноябре 1952 – испытание бомбы мощностью 10 мегатонн, в 1954 году серия взрывов мощностью 14,8, 11 и 13,5 мегатонн. Руководству СССР надо было продемонстрировать силу. Испытание 50-мегатонной советской водородной бомбы произошло в октябре 1961 года. Бомба на огромном парашюте медленно опустилась с высоты 10,5 километров до расчетной точки подрыва (4 километра) над поверхностью суши. Световая вспышка была настолько яркой, что, несмотря на сплошную облачность, была видна на тысячекилометровом удалении. Клубящийся гриб вырос до высоты 67 километров. Взрывная волна от атомной бомбы впервые трижды обогнула земной шар. Запланированный политический эффект был достигнут. В 1963 году СССР и США заключили Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

При деятельном участии Завенягина родились новые объекты: завод №813 (г. Свердловск-44, ныне г. Новоуральск) по производству урана газодиффузионным методом; завод №814 (Свердловск-45, ныне г. Лесной) по производству урана электромагнитным способом; комбинат №815 (Красноярск-26, ныне г. Железногорск), где был построен самый мощный реактор для наработки оружейного плутония; комбинат №816 (Томск-7, ныне г. Северск), где было организовано производство высокообогащенного урана и оружейного плутония; завод №933 (Златоуст-36, ныне г. Трехгорный) по производству комплектующих атомных бомб.

В 1950-е годы Завенягин постепенно отошёл от администрирования промышленности и переключился на координацию прикладных и фундаментальных исследований. Он и И.В. Курчатов санкционировали проектирование и постройку первой в мире АЭС (1950) в г. Обнинске, где работы велись под руководством Д.И. Блохинцева, а конструкцию реактора АЭС разработал Н.А. Доллежал. Сообщение о пуске первой в мире атомной электростанции (1954) стало настоящей сенсацией. Наша страна открывала эру атомной энергетики. Завенягин отводил большую роль строительству атомных электростанций. Без преувеличения можно считать Завенягина отцом ядерной энергетики.

В июне 1952 года Б.Л. Ванников, В.А. Малышев, А.П. Завенягин, Н.И. Павлов и Б.С. Поздняков обратились в Правительство СССР с предложением возложить на ПГУ работы по проектированию опытной атомной подводной лодки (АПЛ), Проектирование первой отечественной АПЛ началось в 1953 году, продолжалось три года, столько же она строилась. До подъема флага ВМФ на первой АПЛ Завенягин не дождался, праздник пришелся на 1 июля 1958 года.

С марта 1953 г. А.П. Завенягин - начальник реорганизованного ПГУ, в зону его ответственности вошел весь цикл производства ядерного топлива и зарядов, от руды до производимого в промышленных реакторах плутония. К концу 1953 года уранодобывающая промышленность получила надежную сырьевую базу. *«Благодаря Завенягину, исключительно деловому и талантливому организатору, освоение атомного сырья пошло бешеными темпами»*, - такова итоговая оценка, данная профессором М.Н. Альтгаузенем - зам. директора ВНИИ минерального сырья им. Н.М. Федоровского.

В ноябре 1953 года В.А. Малышев, И.И. Носенко, З.А. Шашков, А.П. Завенягин, И.В. Курчатов, А.П. Александров направили в Правительство СССР предложение спроектировать и построить атомный ледокол. Прошло два года, и Завенягин утверждает технический проект атомного ледокола «Ленин». Ледокол был построен и сдан в эксплуатацию Министерству морского флота в декабре 1959 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1954 года «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания Правительства» Герои

Социалистического труда А.А. Бочвар, А.П. Завенягин, Я.Б. Зельдович и Е.П. Славский были награждены второй золотой медалью «Серп и Молот».

После смерти Сталина фактическим руководителем Советского государства (до февраля 1955 года) стал Председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков. В июне 1953 года был арестован и расстрелян всемогущий «куратор» атомного проекта Л.П. Берия. И в тот же день Президиум Верховного Совета СССР своим Указом образовал общесоюзное Министерство среднего машиностроения.

В феврале 1955 года Завенягин стал министром Средмаша и заместителем Председателя Министров СССР. В это время Завенягин издал приказ о создании второго ядерного центра, своего рода дублера Арзамасу-16 - НИИ-1011, будущий РФЯЦ-ВНИИТФ (Челябинск -70, ныне г. Снежинск).

Роль А.П. Завенягина в успешности атомного проекта, в котором главными фигурантами были Л.П. Берия, И.В. Курчатов, Ю.Б. Харитон, А.Д. Сахаров, Я.Б. Зельдович, И.Е. Тамм, И.К. Кикоин, Л.А. Арцимович, Е.П. Славский, К.И. Щелкин, Е.И. Забабахин, М.В. Келдыш, Н.А. Доллежал, А.А. Бочвар, А.И. Алиханов, была очень высокой. Конечно, это не полный список тех, кто участвовал в атомном проекте и достоин исторической памяти. Ведь их жизнь – это подвиг, многие рано ушли из жизни, но без их участия не было бы советской атомной боибы. А организационно и технически успех «атомного проекта» обеспечили Ванников, Курчатов и Завенягин.

У атомщиков А.П. Завенягин оставил добрую память. Он сохранял всегда человечность, даже в условиях, не всегда безопасных для него. Среди ученых-физиков было немало необоснованно репрессированных. Благодаря усилиям Завенягина судьба некоторых из них была облегчена, и они были использованы в интересах атомного проекта. Среди таких были в частности Ю. Румер, Н.В. Тимофеев-Ресовский, С.А. Вознесенский, А.И. Лейпунский, С.Р. Царапкин, Я.М. Фишман, Б.В. Кирьян, И.Ф. Попов, А.С. Ткачев, А.А. Горюнов и другие. Далеко не все знают, что с согласия Завенягина в Институте атомной физики А.П. Александровым был построен новый корпус, куда собрали уцелевших генетиков с целью «изучения влияния радиации на наследственность» (там занимались и запрещенными мухами-дрозофилами).

Напряженная работа, проходившая к тому же в атмосфере подозрительности и недоверия со стороны Берии, постоянных угроз и доносов, изматывала организм и подрывала здоровье руководителей атомного проекта Завенягина, Ванникова, Курчатова, Славского и др. Чтобы работать и жить в этой атмосфере, нужна была чрезвычайная выдержка, сопровождавшаяся чрезмерной затратой нервной энергии. Застрахован не был никто. Впоследствии легендарный министр Средмаша Е.П. Славский, человек необыкновенного мужества, закаленный еще на фронтах Гражданской войны, вспоминал: «...Бывали моменты, когда становилось страшно». Дочь Завенягина Евгения Авраамиевна вспоминала: «Когда Завенягина вызывал Берия, он приходил от него мрачный, с потемневшим лицом и долго отсиживался у себя в кабинете, в одиночестве». Вряд ли мы ошибемся, предположив, чем грозил бы Завенягину, Курчатову и его сотрудникам провал атомного проекта.

В воспоминаниях А.Д. Сахаров¹ пишет: «Завенягин был жесткий, решительный, чрезвычайно инициативный начальник; он очень прислушивался к мнению ученых, понимая их роль в предприятии, старался сам в чем-то разбираться, даже предлагал иногда технические решения, обычно вполне разумные. Несомненно, он был человек большого ума –

¹Сахаров Андрей Дмитриевич (1921-1989) – выдающийся советский физик, «отец» первой советской водородной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда (1954; 1956; 1962), академик, лауреат, Сталинской и Ленинской премий (1953, 1956), правозащитник и общественный деятель, борец за разоружение, романтик в политике, лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год. «Андрей Дмитриевич был идеалистом», - напишет в предисловии книги о нем его жена Елена Боннэр. После испытания водородной бомбы в 1953 году, главным «проектировщиком» которой являлся А.Д. Сахаров, А.П. Завенягин подарил ему книгу австралийского писателя Фрэнка Харди «Власть без славы» с теплой надписью. В своих воспоминаниях Сахаров пишет: «Была ли в названии книги какой-то намек – не знаю».

и вполне сталинских убеждений¹... Я иногда задавался мыслью: что движет подобными людьми - честолюбие? страх? жажда деятельности, власти? убежденность? Ответа у меня нет...».

Удивительно, что Авраам Павлович мог прожить с больным сердцем почти до 55-летия (у него с молодых лет врачи находили стенокардию), испытывая невероятные нагрузки и стрессы. Чего ему стоило отлучение от Наркомтяжпрома в 1937 году, чтение в кабинете Ежова Заведенного на него «дела», постоянные вызовы к Берии и объяснения с ним, или неожиданные вызовы к Сталину с непредсказуемыми последствиями. Например, был в его жизни такой эпизод. В начале 1939 года Завенягин, будучи начальником Норильского комбината, ехал на «Красной стреле» в Ленинград для встречи с проектантам СНОПа. С ним ехали К.Д. Васин - начальник горного управления и А.Е. Шаройко - начальник проектного отдела. Посреди пути, ночью в купе врываются «добры молодцы», берут Завенягина под микитки, ссаживают на перрон и сообщают по спецсвязи на станции Бологое «Взяли!». И только тогда Завенягину сообщают, в чем дело: «Срочно к Сталину!».

Завенягин всегда стремился во всем разобраться лично и часто пренебрегал мерами безопасности. Он лез в очаг аварии на первом реакторе А-1, участвовал в сборке первой плутониевой бомбы, ездил в эпицентр полигонного взрыва на Семипалатинске в клубах радиоактивной пыли. Автомобиль «Победа» застрял в образовавшейся после взрыва пыли, и назад пришлось возвращаться пешком, при этом все, кто был в машине (А.П. Завенягин, П.М. Зернов – начальник КБ-11, шофер) получили большую дозу радиоактивного облучения. Все были госпитализированы, лечились больше месяца.

Поздней осенью 1953 года у Завенягина случился инсульт с правосторонним парезом конечностей и потерей речи. К счастью, кровоизлияние оказалось не очень обширным, и вскоре речь восстановилась. Постепенно восстановились движения руки и ноги.

Авраам Павлович скоропостижно умер в ночь на 31 декабря 1956 года от «паралича сердца». В ночь на 3 января была кремация, урну с прахом поместили в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве. Природа оплакивала уход неординарного человека. В Норильске около двух недель бушевала «черная пурга». Никогда раньше ничего похожего по мощи и длительности не происходило в высоких широтах.

В 1984 году был спущен на воду дизель-электрический ледокол «Авраамий Завенягин», построенный для Советского Союза в Финляндии. В Норильске в честь Завенягина названы площадь и улица, а на Гвардейской площади установлен бюст .

¹**Сталинские убеждения** в широком смысле, были типичны для подавляющего большинства тех, кто жил и работал в 30-40 годах. Для Авраамия Павловича Сталин был наивысшим авторитетом, ради жизни вождя он, не задумываясь, отдал бы свою жизнь. Кстати, судьбу Завенягина в 1938 году решил не кто иной, а именно Сталин. Завенягин действительно служил народу, помогая устанавливать и укреплять Советскую власть, восстанавливая шахты, поднимая старые и проектируя новые заводы, не давая умереть несчастным, вдохновляя, убеждая, организуя, требуя, оставаясь человеком в любых обстоятельствах и в любом окружении.

5. Норильск в военную пору...

После отъезда в Москву Завенягина начальником Норильского комбината и Норильлага в апреле 1941 года был назначен **Александр Алексеевич Панюков**. Предложение Завенягина вместо себя назначить начальника Дудинского отделения комбината Панюкова для многих было неожиданностью. Панюков был опытным хозяйственником, организатором производства, но не металлургом. Но Завенягин знал Панюкова еще с Урала, ему imponировали внутренняя дисциплина Александра Алексеевича, его самоотдача, спокойствие в сложных ситуациях, а главное, что являлось важным для Завенягина, Панюков знал хорошо специфические местные условия.

А.А. Панюков руководил Норильским комбинатом в крайне тяжелое для него время. Комбинат только строился, когда его перевели на военное положение. От комбината ждали производства никеля, столь необходимого для танковой брони. В горно-металлургических делах главными помощниками у него были Владимир Степанович Зверев (март 1941 .- январь 1943, май 1944 – июль 1948) и Виктор Борисович Шевченко (январь 1943 – май 1944).

Все население Норильска к концу 1941 года составляло около 30 тысяч человек (около 24 тысяч - заключенные). Прибывший из Москвы А.П. Завенягин на собрании лагерной интеллигенции говорил: *«Мы знаем, среди вас есть попавшие сюда по недоразумению. В свое время всё выяснится и ошибки будут исправлены. Но сейчас война, и долг каждого лагерного интеллигента отдать все силы для улучшения работы комбината по всем показателям»*.

Война изменила настроения в лагере: заставила забыть обиды, мучения... Осталось только сознание необходимости отдать все силы фронту. В армию политических заключенных не брали. Больше того, на их многочисленные заявления с просьбой отправить на фронт даже не отвечали. Оставалось только помогать своей Родине самоотверженным трудом на производстве, и заключенные работали не покладая рук, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем. Руководство комбината и лагеря не могло не заметить патриотического подъема заключенных. Работавшая по найму в цехе производства хлора М.Б. Ферберг¹ в воспоминаниях пишет: *«Влияние политзэков на вольнонаемных специалистов и молодежь было огромным. Подавляющая часть освобожденных и заключенных инженеров и специалистов обладали не только огромными знаниями, но и опытом работы, организационными способностями. Это было общество квалифицированных, в высшей степени интеллигентных, воспитанных людей, добросовестно работавших на любых тяжелых участках и предприятиях. Они учили нас не только работать, но и жить, преодолевать трудности...»*.

С началом войны почти полностью было прекращено снабжение Норильска извне. Норильчане могли надеяться только на свои силы. В таких критических ситуациях велика роль руководителя, его способность спасти положение. В первую очередь, руководство ввело строжайшую экономию электроэнергии и остродефицитных материалов.

Во временной инструкции по проектированию новых объектов, подписанной А.А. Панюковым, говорилось:

«Допускаются отступления от санитарных, противопожарных и других норм. Исправления в проектах производятся в рабочем порядке... Учитывать возможность ввода в эксплуатацию отдельных частей предприятия пока другие части достраиваются. Земляные работы проектировать минимальными. Автогужевые дороги проектировать в минимальном количестве, минимальной ширины и длины. Асфальтовых тротуаров не устраивать. Железнодорожные пути проектировать с

¹Мириам Ферберг: *«Я благодарна судьбе...»*. Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...», книга 1, 2003.

минимальным развитием. Радиусы кривых разрешаются в 160 м и допускается их уменьшение до 120 м.

Исключить из планов строительства нижеследующие объекты: заводууправления, школы, клубы, кино и другие культурно-бытовые учреждения. Здания фундаментальные заменить временными для детских садов, яслей, бань, прачечных, магазинов, столовых. Новые цеха проектировать без бытовых пристроек, предусматривая достройку их в будущем. Бытовые помещения (гардеробные, умывальники, уборные) располагать в цехе на производственной площади. Жилые дома строить только малоэтажными с печным отоплением. Отказаться от внутренней штукатурки стен или покрытия их масляной краской. Столярные изделия разрешается не красить. Отказаться от наружной отделки зданий и сооружений...»

Война внесла свои особенности и в питание норильчан. Почти прекратился завоз свежих овощей, соков. Небольшое стадо коров, которым располагал норильский совхоз, не могло обеспечить молоком даже грудных детей. Нарастала угроза цинги. На озере Лама химики по заданию руководства организовали лабораторию и небольшой витаминный завод, добились извлечения витамина С из хвои и круглый год снабжали им население Норильска.

По распоряжению А.А. Панюкова был создан специальный «заготовительно-промысловый цех», на который возложили сбор грибов, ягод, отлов рыбы и диких оленей. На площадке будущего города Норильска, где была заболоченная равнина, появились огороды. Все пространство, где сейчас пролегает Комсомольская улица и Ленинский проспект, было распахано, осушено канавами и засажено овощами, в основном капустой. Капуста не всегда доходила до кочанного вида, иногда это были лишь зеленые листья. Но и в зеленых листьях содержались витамины!

Поражает компетентность норильских руководителей даже в мелочах. А когда знакомишься с той ролью, какую играл Завенягин в тяжелейшие для Норильска военные годы, то удивляешься еще больше. Он, являясь заместителем наркома НКВД, находил время регулярно бывать в Норильске, чтобы помочь не только материалами и оборудованием, но и разумными предложениями по скрытым в Норильске резервам.

Вот одно из выступлений А.П. Завенягина на совещании хозяйственного актива комбината в октябре 1942 года:

«Товарищи! Очень важный вопрос для Норильска – освободить государство от колоссального завоза сюда технических материалов и отчасти продовольствия. Трудно себе представить, насколько велика эта работа по доставке всего того, что Норильску нужно.

<...>Надо Норильскому комбинату своими силами делать материалы и производить больше продовольствия. Это позволит освободить тоннаж на Енисее, который не справляется с привозом того, что достаем... Что могли бы делать сами? Цемент! Сырье в Норильске есть. Оборудование, которое позволит давать 10 тысяч тонн цемента, отгружено... Можно будет построить причал в Дудинке, построить хорошие бетонные дороги в Норильске, построить тротуары. Давно пора...

Несмотря на то, что горючее сейчас получить труднее, чем раньше, Норильск в этом году получил его сполна, чего не имеют многие предприятия. Сейчас в связи с событиями на Кавказе, доставка затруднилась, страна переживает острый недостаток в горючем... А между тем в Норильске есть возможность производить горючее: часть за счет коксового завода, часть за счет построения завода жидкого топлива на угле. Лабораторные испытания проведены. Решение вполне посылно Норильску. Надо разработать проект и его осуществить, чтобы в будущем году не завозить бензин, лигроин и керосин...

В этом году комбинат получил пару неплохих пароходов, моторок. Нужно строить небольшие суда, рыболовные и может быть буксирные пароходы... <...> Норильский комбинат имеет возможность строить флот своими силами. И в будущем году мы будем свидетелями выпуска пароходов. Металл есть, оборудование есть – надо пароходы делать, чтобы рыбу и грузы возить. Для этого придется несколько расширить механический завод. Нужны печи Герресгофа, часть заказа уже размещена за границей... А между тем печи оказались довольно простыми, их можно делать самим, нашими средствами, может быть лучше, чем запатентованные. Никто не делает вагоны, а товарищ Морозов изготовил 71 вагон. Надо еще сделать пару сотен.

Шлаковые тележки нужны для БМЗ. Никто сегодня их не делает. Раньше Уралмаш делал, теперь там делают пушки, танки. Придется комбинату и это делать самому.

Для обеспечения стройки в будущем году и в дальнейшем нужно будет делать еще одно расширение базы производства местных материалов. Можно построить кирпичный завод. Этот расширять нельзя, потому что он на территории города. Как нельзя расширять и совхоз. Я приостановил строительство двух коровников. Надо строить в другом месте. Город мы строим, но надо строить быстрее... К концу будущего года уже будет готов серьезный поселок с хорошими домами и рядом первоклассных улиц. Надо расширить строительство города...

<...>После войны Норильск должен будет стать одной из основных баз восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, разрушенного вторжением фашистов, которым придет конец. Не столь далек момент, когда мы сумеем переключиться на восстановление нашего народного хозяйства. Норильский комбинат сумеет стать сокровищницей нашей страны...».

Какая была уверенность в нашей победе! А ведь еще не было окружения армии Паулюса под Сталинградом, еще не было грандиозной битвы под Курском, где рухнуло танковое превосходство немцев.

Что сделано в Норильске во времена Панюкова?

1941 год. Весь год был подчинен строительству Малого металлургического завода (ММЗ), цехов Большого металлургического (никелевого) завода (БМЗ), коксохимзавода, ТЭЦ, насосной станции и водовода. В июле вошел в строй новый кирпичный завод, заложенный еще до войны. Начал действовать механический завод (объединились литейно-кузнечный, ремонтно-механический и котельный цеха), заработал завод железобетонных изделий, на опытном цементном заводе начали выпускать портланд-цемент, запущена в эксплуатацию стекольно-керамическая мастерская.

В ноябре был открыт драматический театр (ныне Норильский Заполярный театр драмы им. Вл. Маяковского). Театр стал творческим цехом горно-металлургического комбината, неотъемлемой частью духовной жизни десятков тысяч норильчан.

1942 год. К середине февраля построили ММЗ и основные цеха БМЗ. В начале марта получили первый ковш файнштейна на первой печи БМЗ и сдали в эксплуатацию первый ватержакет¹ плавильного цеха.

В конце апреля на ММЗ получили первый норильский электролитный никель для фронта. С расширением производства металла стал ощущаться недостаток электроэнергии, поэтому расширили ВЭС-2, а строительство ТЭЦ-1 объявили ударной стройкой. В декабре торжественный гудок возвестил о пуске первой турбины ТЭЦ-1. Это был первенец большой норильской энергетики.

Гражданское строительство почти не велось, все силы были направлены на пуск главных переделов комбината. Тем не менее, в условиях острого дефицита людских и материальных ресурсов были построены два гражданских объектов. Летом был открыт

¹Ватержакет – металлургическая печь.

огромный стадион с двумя футбольными полями. Стадион назвали «Динамо», впоследствии он был переименован в «Труд». В 1942 году были проведены футбольные и волейбольные матчи, состязания в беге, метании гранаты. А в следующем 1943 году в Норильске было разыграно первенство посёлка по футболу.

Было закончено строительство Дома инженерно-технических работников (ДИТР), позже переименованный в Дом культуры металлургов. Три этажа ДИТРа поднялись выше стандартной четырёхэтажки! Это первое относительно крупное капитальное сооружение культурно-бытового назначения, ставшее легендой местной архитектуры. Фасад здания был решен в классическом стиле с большим количеством лепных изделий, внутри были предусмотрены концертный и танцевальный залы, игровые комнаты – шахматная и бильярдная, библиотека и помещение для выставок. Это здание стало своеобразным символом веры норильчан в Победу, в мирную и комфортную жизнь и несколько десятилетий являлось культурным центром Норильска. Сегодня здание является памятником архитектуры местного значения.

В сентябре вступил в строй рудник №3/6, позже названный «Таймырским», который выдавал богатую сульфидную руду, позволяющую получать металлы непосредственной плавкой без предварительного обогащения, что позволило ввести в эксплуатацию БМЗ на шесть лет раньше пуска обогатительной фабрики.

Труженикам Норильска за вклад в защиту страны от фашизма 25 декабря 1942 года было впервые вручено переходящее Красное знамя ГКО – первая награда Родины.

1943 год. В январе 1943 года неожиданно для Панюкова главным инженером и его заместителем назначили Виктора Борисовича Шевченко. В.С. Зверев некоторое время оставался как бы вторым главным инженером, но в апреле его статус определился – он стал начальником Управления заводами.

Усилия Шевченко направлены на исследования по кобальтовой проблеме. Опытно-промышленную установку «НК» («норильский кобальт») в марте вывели на технологический режим, а к концу года предложенная схема позволила добиться высокого извлечения кобальта из конверторных шлаков.

К весне заполярный производственный комплекс получил мощный импульс к развитию: состоялся пуск комплекса Большого электролитного завода (БЭЗ). В апреле был получен первый катодный никель.

В апреле 1943 года последовало очередное Постановление ГКО об увеличении комбинатом выпуска никеля. Задача была поставлена архисложная. Не хватало обогатительных мощностей. Но тут случилась еще и беда, оказавшаяся особенно болезненной для Норильска. Из-за неудачной навигации 1942 года металл и рельсы, огнеупорный кирпич и стройматериалы, химикаты, горючее, смазочные материалы и продовольствие не были доставлены в Норильск. Почти три десятка барж, не успев дойти до Дудинки, из-за раннего ледостава вынужденно зазимовали в промежуточных пунктах. А в апреле 1943 года на Енисее разыгралась трагедия. Небывалое потепление вызвало мощный паводок, и вал воды и льда фактически уничтожил почти все суда, вмерзшие у Сухой Тунгуски (в 70 километрах от Туруханска). Поэтому весной комбинат оказался на голодном пайке, уже в марте не осталось запасов многих материалов и продовольствия.

В.Б. Шевченко, несколько месяцев исполняющий обязанности начальника комбината (Панюков по случаю болезни находился в длительном отпуске на «материке»), сделал упор на увеличение добычи угля и улучшения качества угля, поставляемого на коксовый завод. По его указанию был срочно запроектирован передел обогащения¹ угля.

Шевченко форсирует строительство завода динамонов (простейших патронированных взрывчатых веществ), ускоренно идут испытания нового типа взрывчатки - оксиликвита.

¹Обогащение и технологический передел - не синонимы, а термины, обозначающие различные технологические операции.

Летом принимается решение строить Большую обогатительную фабрику, а пока ставится задача расширить Опытную обогатительную фабрику. Началось строительство рудника «Медвежий ручей».

В июне начали строить Большую аглофабрику. Ускоренно строятся объекты второй очереди ТЭЦ.

Из-за нехватки серной кислоты цех электролиза никеля БМЗ срывает план. Шевченко стимулирует поиск новых способов получения серной кислоты. Спасли комбинат инженеры БМЗ, реализовавшие удачную идею, предложенную заключенным Г.С. Калюсским - производить кислоту из отходящих газов. В 1944 году на площадке БМЗ заработала первая сернокислотная установка. Спустя год комбинат отказался от привозной кислоты, перейдя на собственную.

В июне начала работу школа фабрично-заводского обучения (ФЗО) - прообраз ПТУ. Учащихся, 14-17-летних парней и девушек, набирали в Норильске, Дудинке и Красноярске. В школе ФЗО готовили металлургов, химиков, энергетиков, железнодорожников, горняков. Учились они в три смены, одна из них – ночная. За шесть месяцев для комбината подготовили 819 квалифицированных рабочих.

В целом металлургический план полугодия был перевыполнен. В июле 1943 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о первом награждении норильчан орденами и медалями СССР *«За успешное выполнение заданий правительства по строительству и освоению Норильского никелевого комбината»*. Было награждено 188 человек.

В сентябре из Англии привезли буровые станки для рудников открытых работ. Моряки доставили оборудование в Дудинку, проходя через минные поля, отбиваясь от подводных лодок, отражая атаки самолетов. В ящики с частями станков были вложены плакаты британской корпорации художников: «К победе! Мы с вами!». Упаковщик дописал карандашом: «Желаю счастья России!».

1944 год

В январе началась эксплуатация нового угольного месторождения – Кайерканского.

Вступил в строй завод динамонов, а в апреле – окисилквитный завод. Горняки стали получать нужное количество взрывчатки.

В марте создали архитектурно-планировочную мастерскую, которая позднее была переименована в архитектурно-строительный сектор проектного отдела. Главным архитектором города был назначен В.С. Непокойчицкий. Началась новая планировка по благоустройству застроенной части города, поперечных и продольных профилей Севастопольской улицы. Началось проектирование дома-музея Сталина в Курейке.

В 7-м лаготделении открылся общелагерный оздоровительный пункт на 60 мест. Туда на две недели отправляли нуждающихся в отдыхе заключенных, в первую очередь горняков и металлургов - отличников производства и ударников, тех, кто систематически перевыполнял производственные нормы.

В мае 1944 года руководство МВД переводит В.Б. Шевченко в Красноярск и назначает директором Аффинажного завода. Кресло главного инженера снова занял В.С. Зверев.

В конце сентября 1944 года ежедневная американская газета New York Herald Tribune опубликовала статью Мориса Гиндуса *«Норильск - центр цветной металлургии в Сибири»*:

«...С некоторых пор этот ныне процветающий индустриальный центр, самый крупный в своем роде, поставляет военным заводам бесценные металлы.... В Норильске имеется...стационарный театр, электроцентраль, футбольный стадион, залы для танцев, лекций и демонстрации фильмов. Есть средняя школа и училище, преподающее 71 специальность. При этом Норильск находится в Северной Сибири, у семидесятой параллели, в области вечной мерзлоты, в «замороженной пустыне»...

В октябре был открыт Норильский горно-металлургический техникум. В техникум поступили 70 юношей и 144 девушки. Для всех студентов была сшита бесплатная форма и введено бесплатное питание...

В ноябре вступил в строй механизированный хлебозавод. К концу года была реконструирована опытная обогатительная фабрика, электроремонтный цех освоил выпуск рудничных электровозов.

На ТЭЦ-1 заработали вторая турбина и второй котел.

В летнюю навигацию на автобазу поступило 28 американских автомашин «Студебеккер». Их сборка с изготовлением кузовов проводилась силами автобазы, было организовано изготовление и реставрация запасных частей, было освоено хромирование деталей.

1945 год. В марте началось строительство Большой обогатительной фабрики.

К 1 мая была закончена разработка нового технического проекта, предусматривающего удвоенный выпуск основных видов продукции. Рудные запасы позволяли проектировать крупнейший в Советском Союзе никелевый комбинат, а по отдельным видам благородных металлов – первое в мире производство. Летом технический проект был рассмотрен Наркоматом внутренних дел СССР и утвержден. На его основе был разработан пятилетний план дальнейшего строительства Норильского комбината. Многие проектанты Норильского комбината были награждены орденами и медалями Советского Союза..

В июне месяце состоялся официальный пуск кобальтового завода (завода №25).

4 ноября 1945 года Панюков издает приказ об организации прорабского участка по строительству карьера «Медвежий ручей». Карьер строился шесть лет, первая руда была выдана в конце 1951 года.

Историю Норильска во время войны без всякого пафоса следует назвать подвигом. За годы войны Норильск превратился в огромную промышленную провинцию: 219 километров железной дороги, 103 километра подземных горных выработок, шахты, заводы, склады. Война сделала Норильск никелевой столицей страны.

7 мая 1945 года за успешное выполнение заданий правительства по строительству Норильского комбината и добыче цветных металлов Президиум Верховного Совета СССР наградил 337 норильчан орденами и медалями Советского Союза.

В июле 1948 года А.А. Панюкова переводят на работу в Москву.

Газета «Заполярная правда» писала: *«Всем... глубоко запомнились его энергия, преданность делу, любовь к людям. Имя Панюкова навсегда связано с историей создания нашего комбината».*

Александр Алексеевич Панюков (1884 – 1962) родился в Мотовилихе, рабочем пригороде Перми. С 14 лет работал рассыльным, затем слесарем на местном заводе. В 1917 году вступил в партию большевиков и в Красную гвардию. В 1917-1924 годах работал в органах Наркомпрода. Прошел ступеньки от уездного до губернского продкомисара, а в Киргизской республике был даже заместителем наркома продовольствия. После того, как Наркомпрод ликвидировали (1924), работал управляющим Нижневолжской областной, Западно-Сибирской краевой и Казахской конторами Союзхлеба, заочно учился в Московском промышленно-экономическом техникуме, который закончил экстерном в 1928 году. Далее занимал руководящие должности на Уральском заводе тяжелого машиностроения, в строительно-монтажном тресте «Большой Риддер», на Белоусовском медно-цинковом комбинате (Алтай), Садонском свинцово-цинковом комбинате (Северная Осетия). Заочно учился в Ташкентском институте народного хозяйства, но проучился только два года.

В начале 1940 года А.А. Панюкова перевели из промышленности в систему ГУЛАГа и направили руководить Дудинским портом, который находился в ведении Норильского комбината. Через несколько месяцев Завенягин пригласил его на должность заместителя начальника Норильского комбината. Для Панюкова характерным был командный стиль руководства, он всегда ходил в генеральской форме, работать с ним было и легко, и трудно. У Панюкова было прозвище «Великий князь Таймырский», которое отражало не столько его властный характер, сколько значимость комбината в жизни Таймыра. Он плохо разбирался в экономике и технике, но здесь его выручали заместители - талантливые инженеры-металлурги В.С. Зверев и В.Б. Шевченко. Именно при этих людях на комбинате был завершён переход металлургического производства на постоянную технологическую схему, включая переработку вкрапленных руд.

В июле 1948 года А.А. Панюкова перевели в Москву, назначили заместителем министра МВД (он курировал «Дальстрой» МВД СССР). В апреле 1949 года Сталин, вызвав к себе Панюкова, сказал: *«Поезжайте в Красноярск, разберитесь там с геологами. Они утверждают, что урановой руды в крае нет, а у нас – другие сведения.... Езжайте на год, два, три...Пока не добьетесь ясности...»*. Пришлось Панюкову со всей семьей перебираться в Красноярск, где его в августе 1949 года ждало новое назначение: начальник вновь образованного Главного управления «Енисейстрой» МВД СССР. Этому главку была подчинена вся геолого-разведочная служба Красноярского края, а также все действующие, проектируемые и строящиеся горные и металлургические предприятия края, включая и Норильский комбинат.

В 1954 году Панюкова назначают начальником Главного управления никелевой и кобальтовой промышленности «Главмедникель».

А.А. Панюков избирался депутатом Верховного Совета СССР, награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. В сентябре 1954 года ему исполнилось 60 лет, но он уже не хотел работать, говорил: *«Я очень устал...»*. И ушел на пенсию. Через восемь лет умер от рака легких. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Виктор Борисович Шевченко (1902-1981) – металлург, доктор технических наук, профессор, лауреат Сталинской и Государственной премий. Родился на Украине в г. Карловке Полтавской области. По окончании школы, а затем техникума служил в рядах Красной Армии. В 1930 году поступил в Институт цветных металлов и золота, отделившийся от Московской горной академии. По окончании института (1935) Виктор Борисович получил назначение на Карабашский медеплавильный завод Челябинской области, где, начав с мастера, вырос до главного инженера. В 1938 году он руководил строительством Балхашского медеплавильного комбината Казахской ССР, а в 1940 году работал главным инженером на Дзержинском медеплавильном комбинате.

В 1943 году Виктора Борисовича направили в Норильск главным инженером и заместителем начальника Горно-металлургического комбината, а в мае 1944 года назначили директором Красноярского аффинажного завода.

За 10 лет работы на пяти крупнейших предприятиях отрасли В.Б. Шевченко проявил себя высококвалифицированным специалистом и незаурядным организатором производства.

В январе 1945 года по предложению А.П. Завенягина инженера-полковника В.Б. Шевченко назначили директором Инспекцмета (НИИ-9). Институт под руководством Шевченко стал крупным научным центром, объединившим радиохимиков, металлургов и металловедов. За сравнительно короткое время институт решил сложную задачу, связанную с получением

металлического плутония. Технология получения плутония в конце 1946 года была передана на комбинат №817, который должен был наработать нужное количество плутония для первой атомной бомбы. За вклад в создание ядерного заряда первой бомбы В.Б. Шевченко был награжден орденом Ленина.

В феврале 1946 года В.Б. Шевченко становится заместителем председателя секции Инженерно-технического Совета Спецкомитета при СМ СССР (правая рука А.П. Завенягина), а в ноябре 1947 года – членом НТС Первого главного управления при СМ СССР.

Исполняя обязанности руководителя НИИ-9, Виктор Борисович активно занимался наукой и педагогической деятельностью (преподавал в МХТИ им. Д.И. Менделеева). В 1950 году Высшая аттестационная комиссия утвердила его в звании профессора. В 1953 году ему была присуждена ученая степень доктора технических наук.

Постепенно тематика работ в НИИ-9, связанная с созданием материалов ядерного заряда, которыми руководил академик А.А. Бочвар, стала доминирующей. В декабре 1952 года руководство атомной промышленностью назначило директором НИИ-9 академика А.А. Бочвара. В.Б. Шевченко возглавил химико-технологический отдел и полностью переключился на научно-техническую деятельность. Под его руководством была разработана технология переработки отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) реакторов АЭС и атомных судовых энергетических установок. Полностью комплекс по регенерации ОЯТ был введен в эксплуатацию на заводе ПО «Маяк» в апреле 1977 года, а чуть позднее и на комбинате №815 (Красноярск-26) За эту работу В.Б. Шевченко в числе других получил Государственную премию СССР.

Виктор Борисович Шевченко справедливо считается одним из творцов советского атомного проекта, вложившим огромный труд в становление атомной промышленности.

В период директорства Панюкова главным человеком по финансам в Норильске был **Николай Тимофеевич Глушков**, прибывший в Норильск в 1941 году из г. Мончегорска. В Норильске он проработал девять лет, занимая должности заместителя главного бухгалтера, главного бухгалтера, начальника финансового отдела комбината. Норильские годы явились для Н.Т. Глушкова трамплином в большую экономику не только Красноярского края, но и всей страны. Именно Н.Т. Глушкову, разносторонне одарённому человеку, всегда отстаивающему государственные интересы, принадлежат слова: *«В будущем коммунистическом обществе наш сибирский край будет самым счастливым местом на Земном шаре».*

Особенно ярко талант Николая Тимофеевича, как одного из выдающихся экономистов страны, раскрылся при практическом воплощении косыгинских реформ,

начавшихся в 1965 году. Глушков был единомышленником Косыгина по вопросам перехода от административных методов ведения хозяйства к экономическим.

Суть косыгинских реформ заключалась в совершенствовании планирования, хозяйственного управления и экономического стимулирования производства. Практически ставилась цель переформатировать советскую экономику. Это был реальный шанс на обновление. Положения реформы (стимулирование инициативы, внедрение элементов хозрасчета) обкатывались на 48 предприятиях, в число которых входил Норильский комбинат. Реформы вдохновили десятки тысяч руководителей в стране, которые получили возможность заниматься развитием своих предприятий, вкладывать средства в модернизацию, реконструкцию, внедрение новых технологий... Реформы поначалу принесли действительно впечатляющие результаты. Восьмая пятилетка (1966-1970) вошла в историю как одна из самых успешных: национальный доход увеличился на 41%, в полтора раза увеличился объем промышленного производства – возникли десятки, сотни новых шахт, электростанций, заводов... И это был, бесспорно, результат косыгинских реформ. Но, увы... Косыгинские реформы подвергались яростному сопротивлению со стороны партийных идеологов. Ведь расширение экономических прав каждого предприятия означало ослабление власти райкома и обкома партии, не давало возможности диктовать планы и сроки. И, как следствие – некоторые важнейшие решения оказывались половинчатыми, не осуществленными. Задуманные реформы так и не были реализованы. Не получили практического воплощения и начинания Глушкова. Этому способствовало еще и то, что с открытием Самотлорского нефтяного месторождения у государства появились легкие нефтяные деньги.

На посту Председателя государственного комитета СССР по ценам Николай Тимофеевич проработал до 1986 года. Он пытался создать систему стимулирующего влияния ценообразования на развитие экономики и ускорения научно-технического прогресса. К работе были привлечены крупные ученые–экономисты: Леонид Иванович Абалкин, Абел Гезевич Аганбегян, Николай Яковлевич Петраков, Станислав Сергеевич Шаталин, Павел Григорьевич Бунич, Татьяна Ивановна Заславская, Олег Тимофеевич Богомолов. Работа шла по пути внедрения нормативно-параметрических методов ценообразования, позволяющих формировать цены с учетом потребительских свойств и качества продукции. На основе применения ЭВМ создавалась автоматизированная система обработки информации по ценам (АСОИцен). Глушков считал, что цены, порядок и условия их формирования – это не цель, а средство повышения эффективности производства и улучшения жизни народа.

Глушкова все время тревожила политика руководства страны – повышать и повышать цены. В более высоких ценах были заинтересованы как плановые, так и финансовые органы. Для первых - цены влияли на рост объемных показателей, для вторых - рост цен обеспечивал более высокую прибыль и, соответственно, налоговые отчисления.

В совершенно секретной докладной записке Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу в 1979 году Глушков пишет:

« ...резко возросли цены на продукты, продаваемые на колхозных рынках; дефицитные товары население покупает, как правило, по спекулятивным ценам;

прямое повышение розничных цен вызывает многочисленные неодобрительные письма в Правительство – и в то же время ожидаемой нормализации торговли дефицитными товарами не произошло и др.

....Необходимо образовать авторитетную комиссию, которой поручить в шестимесячный срок подготовить мероприятия по сбалансированию денежных доходов и расходов населения. С тем, чтобы в дальнейшем исключить ежегодное представление в ЦК КПСС предложений о повышении розничных цен, а обеспечить решение задачи за счет увеличения производства товаров народного потребления и обновления их ассортимента.

Прошу рассмотреть...».

В годы перестройки, когда начала рушиться страна, Глушков стал не нужен. Его талант экономиста стал невостребованным. Он сделал для страны много, но столько, сколько ему позволили. Уйдя на пенсию (1986), пока позволяло здоровье он возглавлял отдел Всесоюзного общества ветеранов войны и труда. Все время активно следил за состоянием экономики страны и, кажется, уже не видел той реальной силы, которая могла бы удержать страну от падения в пропасть.

Последние шаги Н.Т. Глушкова – письма руководству страны. Вот его обращение к президенту страны Б.Н. Ельцину (1994):

«Уважаемый господин Президент Б.Н. Ельцин!

Ваше послание Федеральному Собранию и предвыборные выступления во многом обесцениваются тем, что Вы не высказываете твердых убеждений о главном направлении развития экономики России, а именно:

1. Не выдвинули требований по восстановлению народного хозяйства с тем, чтобы в 2000 г достигнуть уровня 1990 года по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции. При объемах производства продукции сегодня в пределах 50% от уровня 1990 года невозможно обеспечить финансовыми ресурсами выплаты зарплаты, пенсий и др. расходов государства. Их нельзя найти и за счет сырья и кредитов, испрашиваемых у развитых стран. Разве это не ясно Вам и Вашим советникам?

Пожалуйста, дайте Ваши разъяснения.

2. Государственное регулирование рыночных отношений, развитие народного хозяйства и ценообразования являются непременным условием успеха во всех сферах нашей жизни. Как известно, этим не пренебрегали ни Германия, ни Франция, ни Англия, ни США, когда экономика этих стран была в кризисном состоянии.

Прошу Вас, выскажите Ваши решения и по этому поводу.

С уважением....».

В последнем письме (1998) председателю Правительства Е.М. Примакову Глушков с безжалостной точностью показал экономический непрофессионализм властей, пути воровства и обмана в общенациональном масштабе.

Не всякий тогда мог выйти на открытый бой с «ветряными мельницами». Глушков был личностью яркой и бесстрашной.

Если бы Косыгину и Глушкову позволили реализовать все задуманные реформы в пору их государственной деятельности, то вероятнее всего социализм бы «устоял», не было бы горбачевской «перестройки» и ельцинских социальных потрясений. По мнению проживавшего в США выдающегося русского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике Василия Васильевича Леонтьева, покинувшего Россию еще в 1925 году, у советской экономики был шанс выбраться из бедственного положения без кардинальной ломки политико-экономической системы.

Более подробно о жизни и работе Николая Тимофеевича Глушкова - талантливый, красивого, разностороннего человека можно прочитать в книге¹, изданной в 2007 году по инициативе правления РОО «Общество «Красноярское землячество - 69-я параллель».

Николай Тимофеевич Глушков (1918-1999) - советский государственный деятель, председатель Государственного комитета СССР по ценам (1975-1986).

Н.Т. Глушков родился в крестьянской семье в деревне Холодная (ныне — Шабалинский район) Кировской области. В 1928 году, когда Коле было 10 лет, семья сначала подверглась раскулачиванию, а затем «за несвоевременную сдачу сельхозпродукции и политические анекдоты» отец Тимофей Сергеевич и дедушка Сергей Петрович были осуждены на пять лет.

¹«Магия чисел, или Россия невостребованная» (Экономист Николай Глушков). Коллектив авторов. Организаторы издания Е.А. Глушкова, И.С. Аристов. Троицк, изд-во «Тровант», 2007

Мать Ольгу Ивановну отправили на поселение на Северный Урал, но вскоре отпустили домой. Коля жил у бабушки. Через четыре года вернулся отец, которому в заключении скостили один год за образцовое поведение. Дед же - полный Георгиевский кавалер (русско-японская война и война с немцами в 1914-1917 годах) - не перенес тягот лагерной жизни и в 1932 году умер.

В 14 лет Коля, окончив школу, сразу начал трудовую деятельность - устроился счетоводом-бухгалтером в своей деревне, в леспромартели. В 16 лет поступил в Кооперативный техникум в городе Сарапул, в 18 лет возвратился в свой Шабалинский район, в село Ленинское, и получил должность главного бухгалтера Райпотребсоюза.

В конце 1937 года Николай Тимофеевич по путевке комсомола приехал в г. Мончегорск и начал работать в «Промобъединении». В апреле 1940 года по решению Горкома комсомола Глушкова направили на работу в органы НКВД. Так он попал на комбинат «Североникель», где работал сначала старшим ревизором, а затем главным бухгалтером. В трудовой книжке есть такая запись: «Главный бухгалтер строительства Мончегорского лагеря НКВД».

Во время войны Николай Тимофеевич в числе эвакуированных оказался в Норильске. Сначала (полгода) работал бухгалтером в Дудинском «Портстрое». Там его заметил начальник порта А.А. Панюков. Возглавив Норильский комбинат, Панюков перевел понравившегося ему специалиста в центральную бухгалтерию на должность главного бухгалтера общего отдела снабжения. В 1944 году Глушкова перевели в Красноярск и назначили главным бухгалтером Красноярского отделения Норильского комбината. Через два года его возвратили в Норильск на должность начальника финансового отдела. В 1949 году Панюкова назначили начальником Главного управления «Енисейстрой», созданного при МВД СССР, и Глушков был приглашен работать в «Енисейстрой». В это время на Глушкова писали доносы: *«Просим с партийной принципиальностью разобраться в кулацком прошлом данного человека»*

В 1953 году Глушкова назначили директором Таракского комбината в пос. Таёжное (до 1949 года - пос. Тарака) Каннского района. Таракский комбинат являлся главной структурной единицей Таежного горнопромышленного управления и Исправительно-трудового лагеря «Енисейстрой» (численность заключенных около пяти тысяч человек). Комбинат добывал стратегическое сырье для атомной промышленности и был убыточным. Оказавшись на совершенно секретном объекте, Глушков развернул «предпринимательскую деятельность» и вскоре превратил убыточное предприятие в рентабельное. А начал он ... с пиломатериалов. Древесину добывали и до него, но он приобрел современную по тем временам мощную пилораму и наладил распиловку древесины. Пиломатериал вывозили и продавали. Стараниями Горшкова построили ТЭЦ в пос. Новая Камала, провели ЛЭП до основной базы, проложили

шоссейную дорогу до железнодорожной станции, заработали несколько старательских приисков и три СМУ, известковый и кирпичный заводы, слюдощипательная фабрика, где работали женщины – заключенные. В экономике комбината произошел в буквальном смысле скачок. Об этом сохранились благодарные воспоминания некоторых людей, которые трудились в это время рядом с Глушковым.

В 1956 году Н.Т. Глушков окончил Всесоюзный заочный юридический институт. В 1957 году стали создаваться совнархозы. Красноярский совнархоз возглавил П.Ф. Ломако, бывший министр цветной металлургии СССР. Среди тех, кого пригласил Ломако под свое начало, оказался Н.Т. Глушков. В Красноярском совнархозе Горшков проработал девять лет: начальником отдела, начальником финансово-экономического управления, первым заместителем председателя. В 1965 году совнархозы были расформированы.

В 1966 году Глушков защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук. В этом же году Глушкова приглашают в Москву, где он становится сначала начальником Главного планово-экономического управления вновь созданного Министерства цветной металлургии и заместителем Министра цветной металлургии СССР, а с 1975 по 1986 год – председателем Государственного комитета СССР по ценам.

Н.Т. Глушков состоял в рядах КПСС (1945-1991), являлся депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР (1979-1989), кандидатом в члены ЦК КПСС (1986-1989), членом Центральной ревизионной комиссии КПСС (1976-1986).

С августа 1986 года - персональный пенсионер союзного значения. Последние годы болел мышечной дистрофией. Очень страдал из-за событий в стране в 90-е годы. Похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище.

6. Норильск послевоенный, но еще «невольный»...

В послевоенные годы руководство Норильским комбинатом поручили **Владимиру Степановичу Звереву** (1948-1954). Строительство комбината и города получило дальнейшее развитие. Наконец-то, у В.С. Зверева появилась возможность реализовать многое задуманное, ярко проявить свой организаторский талант. Весь комплекс многочисленных производств, называемый первой очередью комбината (по завенягинскому плану), был освоен именно в период руководства Зверева. Период работы Зверева совпал с переходом на новую технологическую схему применительно к нормально-вкрапленным рудам. Пришлось срочно решать проблему обогащения.

1948 год. 7 ноября состоялся досрочный пуск Большой обогатительной фабрики.

1949 год. В январе состоялось большое награждение норильчан орденами и медалями. В.С. Зверев был удостоен высшей правительственной награды – ордена Ленина.

К 50-летию Сталина 21 декабря 1949 года состоялся пуск медного завода, «крестным отцом» которого по праву считается В.С. Зверев. Была проведена первая плавка черновой меди. В 1950 году был завершён полный технологический цикл, завод начал выдавать электролитную медь.

1951 год. Проектный отдел реорганизовали в проектную контору комбината с функциями генерального проектировщика. Закончилось строительство рудника открытых работ «Медвежий ручей». Рудник стремительно развивался, все больше насыщался горным оборудованием, соответственно, наращивал мощности

. Началась разработка мощных залежей нормально вкрапленных руд подземным способом на руднике «Заполярный».

1952 год. Состоялся пуск завода №26 по переработке шламов электролитных цехов. Комбинат освоил новый вид продукции - технический селен, на БМЗ начал работать цех разделения фанштейна.

К концу года закончилось строительство железной дороги широкой колеи с металлическими и железобетонными мостами, которое было начато в 1946 году, но велось не активно, с большими перерывами. Официальной датой открытия ширококолейной дороги считается 22 ноября 1952 года. В 1953 году все перевозки по старой узкоколейке прекратились, пути были разобраны.

Судьбе было угодно, чтобы Норильская железная дорога так и осталась изолированной от остальных железных дорог страны. Строящаяся в 1949-1953 годах Сталинская железная дорога Воркута-Норильск должна была соединить Норильск с остальной транспортной сетью СССР, но смерть Сталина прервала эту почти законченную стройку. На память о великих планах в Норильске осталось великолепное здание железнодорожного вокзала, построенного в 1953 году, - конечная станция Большой арктической магистрали. Ныне в здании вокзала действует музей Норильской железной дороги.

1953 год. Летом поселок Норильск получил статус города. Вместо комендатур и политотделов появились городские структуры МВД, здравоохранения, образования. Состоялись выборы городского Совета депутатов трудящихся, горкомов КПСС и комсомола.

Получила развитие социальная сфера. Вместе с промышленными объектами возводились спортивные площадки, клубы и т.д. По инициативе Зверева в план включили и детские потребности - пошив школьной формы, приобретение валенок, пальто, изготовление столиков и оборудования детских уголков в семьях.

Директорство Зверева совпало с периодом значительного роста заключенных в Норильлаге за счет бандеровцев, власовцев, коллаборационистов и создания в Норильске каторжных лагерей Горлага. Именно в период его правления в Норильске произошло восстание заключенных, одно из самых громких в нашей стране.

Противостояние продолжалось около двух летних месяцев 1953 года и окончилось трагично для узников. Однако это восстание послужило толчком к кардинальным переменам в системе ГУЛАГа.

Своей вины в том, что произошло в Норильске летом 1953-го, Зверев не признавал, считая, что будь он в это время в строю, а не на реабилитации после двух инфарктов, трагедии бы не произошло.

Зверев был невероятно трудоспособным, честолюбивым и талантливым инженером, умным, решительным, инициативным, с сильной волей. Бывал жестоким, крутым и даже грубым, но очень крепко держал руль управления комбинатом. Слово его было законом. Его боялись, но уважали. Он не жалел ни себя, ни других. При этом был парадоксально человечен и даже сентиментален. Выжимая из подчинённых все соки для достижения цели, он мог неожиданно поощрить за дело – предоставить отпуск или наградить по заслугам. Заботился о людях не меньше, чем о производстве. Это он построил первый в Норильске санаторий «Горняк», приняв во внимание докладную записку «О курортном потенциале Норильска» заключенного Владимира Дерпгольца, учёного-гидролога и первого в стране курортолога.

Владимир Степанович Зверев (1910-1982) - инженер-металлург и организатор производства, инженер-полковник МВД. Родился в г. Владикавказе в бедной рабочей семье. С 13 лет, не окончив школу, начал трудиться: подручным слесаря, токарем по металлу (на Садомском руднике) и механиком на швейной фабрике. Три года занимался самообразованием, пока не поступил в Северо-Кавказский институт цветных металлов.

Институт закончил с отличием. С 1936 года начал производственную практику инженером-металлургом на Балхашском медеплавильном комбинате. Быстро продвинулся по служебным ступенькам: начальник отдела капитального строительства, начальник корпуса крупного дробления, начальник медеплавильного цеха, заместитель главного инженера.

Впервые приехал в Норильск в 1940 году в качестве проверяющего работу. Зверев поддержал Завенягина в части разработки месторождения Норильск-1 открытым способом и организации полного технологического цикла получения металлов на Норильском комбинате.

Авраамий Павлович почти сразу предложил грамотному инженеру остаться в Норильске, тот пообещал подумать, но уехал. Но вскоре вернулся, и был назначен главным инженером строительства. Через восемь лет стал начальником Норильского комбината.

С 1954 года Зверев работал в Министерстве цветной металлургии, сначала заместителем начальника «Главникелькобальта», а с 1956 года - главным инженером и заместителем

начальника «Главтитана». Летом 1957 года председатель Красноярского совнархоза П.Ф. Ломако уговорил его переехать в Красноярск и стать его замом.

С 1958 по 1975 год Владимир Степанович работал в системе атомной промышленности, сначала главным инженером Главного управления горного управления Минсредмаша, а после реорганизации Управления - главным инженером и заместителем начальника Главного управления металлургического оборудования. Предприятия этого Главка изготавливали твэлы и тепловыделяющие сборки для всех типов реакторов оборонного и мирного назначения. В 1961 году за успешную работу в атомной промышленности Владимир Степанович был награжден орденом «Знак Почета».

Зверева принято считать самородком. Ни происхождение, ни образование не давали основания для его успешной производственной и хозяйственной карьеры. Своей жизнью он доказал, что значит упрямство, упорство и целеустремленность в достижении целей. Работая в Министерстве среднего машиностроения среди маститых академиков, он говорил: *«Я не имею среднего образования, слава богу, хоть высшее получил»*, – и это была не совсем шутка.

В истории атомной промышленности он назван «крупнейшим в Советском Союзе специалистом».

В пору правления комбинатом В.С. Зверева в Норильске трудился еще один неординарный человек, вошедший в плеяду легендарных личностей государственного масштаба - это **Васи́лий Никола́евич Ксинта́рис**.

После окончания в 1940 году Московского планового института Ксинтариса направили в органы НКВД и далее - в Норильск, где с небольшим перерывом он проработал 17 лет, пройдя путь от рядового экономиста планового отдела до заместителя директора комбината по снабжению и транспорту – начальника Норильскснаба.

В 1942 году вместе с коллегами-портовиками Дудинки и работниками Норильского комбината Ксинтарис участвовал в восстановлении поселка Диксон, пострадавшего после обстрела немецким кораблем «Адмирал Шеер». Василий Николаевич был награжден медалью «За оборону советского Заполярья», которой очень гордился.

Ксинтарису пришлось заниматься строительством причалов, складов, нефтебазы, социальных объектов, создавать собственное пароходство, строить суда на верфях в Дудинке, Игарке, Подтесове, Предивном. На его плечи легла колоссальная по сложности задача – вся логистика транспортного обеспечения: железнодорожного, речного и морского. И Ксинтарис справлялся. Он умел подбирать нужных людей, ладить и решать самые сложные вопросы. Основной рабочей силой порта были заключенные, и с ними Ксинтарис тоже научился работать. Будучи заместителем начальника порта, он часто один без всякой охраны ходил по баржам, спускался в трюмы пароходов — при желании его нетрудно было утопить, убить.

В 1948 году В.Н. Ксинтарис возглавил централизованное Управление снабжения Норильскснаб, созданное в конце 1944 по инициативе А.П. Завенягина. Снабжение Норильского комбината даже в те времена представляло собой огромный и сложный производственный механизм, включающий в себя порты и склады во многих городах страны, потребности и заявки, накопление и сохранение грузов, перевалку, сортировку, обработку... Василию Николаевичу пришлось создавать заново всю структуру материально-технического обеспечения Норильского промышленного района. Норильскснаб стал не только уникальной, но и универсальной организацией. Ксинтариса по праву называли наряду с Завенягиным одним из отцов-основателей Норильскснаба.

Опыт работы на Крайнем Севере очень пригодился Ксинтарису в дальнейшей карьере: сначала в Красноярском совнархозе, а затем при работе в союзных министерствах. Все годы Василий Николаевич не забывал Норильск, продолжал заниматься снабжением комбината, его грандиозных строек.

Василий Николаевич воспоминаний не писал, но в разное время у него брали интервью И.М. Червакова, Г.И. Касабова и М.Я. Важнов. В 2006 году вышла книга «Человек в звании «Грек» (Москва, Студия «Полярная звезда»), в которой поделились воспоминаниями 32 человека. Все авторы отмечают самобытные деловые качества этого человека с редким умением выслушивать людей, понимать их проблемы и помогать.

Василий Николаевич Ксинтарис (1917-2004) родился в г. Таганроге в семье служащего. Отец - грек, мать – русская. Женился Василий Николаевич на немке. Когда получал паспорт, в графе национальность написал «грек», и это не раз усложняло его дальнейшую судьбу. В Таганроге окончил семилетку, а затем с отличием планово-экономический техникум. После техникума работал в райплане Тифлисского райисполкома. Через год стал студентом Московского планового института Госплана СССР.

В 1940 году приехал по распределению в Норильск, где год руководил группой планового отдела Управления Норильского комбината. В 1941-1947 годах был направлен в Дудинку, где сначала руководил плановым отделом Дудинского морского порта, затем Управлением Дудинского порта. В 1948 году Ксинтариса назначили руководителем Норильскснаба.

В 1951 году Василия Николаевича и его семью постигло обычное в то время несчастье. Он без особых объяснений был отстранён от должности начальника Норильскснаба, исключён из партии и отправлен в ссылку: сначала - на Кольский полуостров, затем - в Якутию. После смерти Сталина Ксинтарису разрешили вернуться в Норильск и восстановили в партии. Сначала он работал руководителем предприятий стройматериалов, а затем снова - начальником Норильскснаба и заместителем директора комбината.

В 1961 году Ксинтариса перевели в Красноярск и назначили 1-м заместителем Председателя Совнархоза Красноярского экономического района, а через год он стал Председателем этого Совнархоза. В 1963-1965 годах он возглавлял Совнархоз Восточно-Сибирского экономического района.

В 1965 году Ксинтариса пригласили в Москву и назначили заместителем Министра цветной металлургии СССР. Ему пришлось заниматься снабжением сотен предприятий отрасли всего Советского Союза, от западных границ до Чукотки.

В 1976 году Ксинтариса назначили 1-м заместителем Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению. Более 10 лет Ксинтарис фактически был руководителем всей снабженческой отрасли СССР. Василий Николаевич избирался Депутатом Верховного Совета РСФСР VI и XI созывов.

С 1986 года Василий Николаевич ушел на пенсию. Награжден Орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной звезды, многими медалями. Ему присвоены звания «Почетный гражданин Таймыра» и

«Почетный полярник Минморфлота». В городе Дудинке в 2007 году на фасаде здания Управления Заполярного транспортного филиала ОАО ГМК «Норильский Никель» ему установили мемориальную доску. Памятный знак Василию Николаевичу открыт и в Норильске.

В 1954 году к управлению Норильским комбинатом пришел интеллигентный **Алексей Борисович Логинов** - один из эвакуированных во время войны в Норильск металлургов комбината «Североникель» (г. Мончегорск).

Правление А.Б. Логинова совпало с очередным тяжелым периодом истории Норильска. После смерти Сталина в 1953 году Норильский комбинат из НКВД был переведен в ведение Министерства цветной металлургии. Образовалось двоевластие, так как заключенные остались в подчинении МВД. Нарушилась вся система единоначалия, нарушился элементарный порядок в руководстве и управлении.

После восстания заключенных Норильлага и Горлага летом 1953 года начался процесс ликвидации норильских лагерей и освобождения заключенных. Сначала по амнистии (1953-1954) были освобождены осужденные, имеющие срок не более пяти лет, среди них оказалось большое количество уголовников, в том числе опасных преступников. Политические заключенные покинули лагерь значительно позже (1956-1957). Условия амнистии были плохо продуманы. Программу реабилитации, трудоустройства бывших осужденных никто не проработал. Люди, проведя много лет в лагерях, выходили на свободу, но здесь их ничто хорошего не ожидало. У них не было семьи, дома, средств к существованию. Неудивительно, что какая-то часть уголовников бралась за старое.

Зима 1953-1954 года стала одним из самых сложных периодов в жизни Норильского промышленного района. Это - одна из малоизвестных и стыдливо замалчиваемых страниц истории Норильска. Десятки тысяч освобождённых по амнистии заключенных Норильлага, получивших документы, деньги и свободу перемещения, ринулись покинуть Норильск в навигацию 1954 года, но возможность уехать по Енисею была ограничена из-за отсутствия речного транспорта. Немалое количество бывших уголовников осталось зимовать в Заполярье (в Дудинке и Норильске), не имея работы, тёплой одежды, жилья... Вот что пишет об этом в своей книге «Норильск – мой звездный час» А.Б. Логинов:

«Когда произошло освобождение первых групп, оказавшись на свободе, паханы, пытались сохранить своё право командовать.... В Норильске и в Дудинке начался настоящий уголовный террор, убийства, грабежи, насилия, угрозы, вымогательства. Сократившаяся охрана лагеря не могла справиться с произволом, Был приказ – оружия не применять. Порядок должна была наводить милиция. Но милиционеров было очень и очень мало. Уголовники милицию не боялись.

В этих условиях вольнонаёмные и бывшие заключённые пытались как-то сплотиться, защитить себя. На различных собраниях всё чаще стали раздаваться возгласы: «Что мы, бывшие фронтовики, северяне, не можем справиться с этими подонками?!». Стали образовываться группы рабочей милиции. Применялся и самосуд. Ловили с поличным при ограблении, при нападении на людей или выявляли собственными разведметодами, избивали и расправлялись на месте. Рабочие милицейские группы были неплохо организованы и действовали так, что, скажем, возбудить уголовное дело за самосуд было практически невозможно».

Власти города справились с бандитским беспределом достаточно быстро. Были организованы отряды дружинников. Почти в каждом дворе или районе дежурили патрули, людей встречали с работы и провожали на неё. Жители передвигались группами. На входных дверях подъездов появились запоры – на ночь доступ к квартирам был невозможен. Норильчане достойно пережили опасный период, а весной в окрестностях оттаяло немало «подснежников» – так в народе называли неопознанные

трупы, оставшиеся в снегу зимой... Главное, в навигацию 1955 года власти дали возможность уехать из Норильска всем, кто хотел.

За первый год из города уехали 15 тысяч человек, а всего за период с 1953-го по 1958 год из Норильска уехали порядка 80 тысяч человек. Полная ликвидация Норильлага закончилась в конце 1956 года.

В связи с массовым отъездом бывших заключенных Норильский комбинат оказался без рабочей силы. Пришлось законсервировать многие производства по причине их нерентабельности из-за сложной технологии, несовершенного оборудования и избытка ручного труда. Государственный план по добыче руды перестал выполняться. Комбинат оказался в тяжелом финансовом положении. Государственная дотация достигла фантастических размеров.

Надо было провести полную реорганизацию производства: поменять стиль руководства, организацию труда. Потребовалось несколько лет, чтобы вся работа в Норильске перестроилась на «вольные рельсы». Осуществили техническое перевооружение, старое оборудование поменяли на новое, более производительное, ввели автоматизацию и механизацию. Логинов проявил неслыханную смелость в борьбе за норильские тарифы. До него вольнонаемным горнякам и буровикам платили такие же мизерные зарплаты, как заключенным. Логинов без согласования с Минфином назначил работникам достойную зарплату. Он был вызван в Москву и обвинен в нарушении законов, но тарифы оставили. Кто же будет работать на Севере за копейки!

На смену заключенным в 1955-1957 годах в Норильск прибыло несколько десятков тысяч молодых парней и девушек, из них 180 молодых специалистов. В 1957 году в Норильске было открыто первое ремесленное училище. Оно обеспечивало кадрами практически все основные предприятия комбината.

Пришлось срочно решать проблемы быта, обучения, оплаты труда, досуга и еще многое другое. Спешно переделывались бараки под комнатные общежития с паровым отоплением, строились клубы, кинотеатры и спортзалы. Молодежь резко изменила облик самого Норильска, до этого жившего строго по лагерному расписанию. Теперь же по Норильску до позднего вечера гуляли шумные компании с гитарами, была открыта первая в городе танцевальная площадка, где в иные вечера было не протолкнуться. Совсем еще недавно застегнутый на все пуговицы военного мундира Норильск стал неузнаваемым: здесь теперь назначали свидания, устраивали свадебные кортежи, вечера юмора, проводили концерты, репетировали коллективы молодежной самодеятельности.

Благодаря массовому приезду молодых строителей удалось спасти экономику города от краха. За три года, что Логинов был у руля комбината, население Норильска поменялось более чем на 80%.

Судьба уготовила А.Б. Логинову особое испытание: невероятной силы ураган (черная пурга) в середине января 1957 года парализовал работу комбината. В течение 18 дней сила ветра достигала 40-45 метров в секунду, непрерывно шел снег, температура колебалась от минус 5 до минус 35 °С. Все было погребено под снегом! Так долго и так сильно стихия еще не донимала людей. Техника не могла справиться с ураганом. Было парализовано строительство, не работали промышленные и бытовые службы, люди почти не перемещались, пережидая пургу. Были жертвы. Новобранцы, даже участники «комсомольского десанта», испуганные стихией, толпами покидали Норильск при первой возможности. После этого Норильск восстанавливался несколько месяцев. Всё было настолько серьезно, что впервые в истории Совет министров СССР принял решение возместить Норильскому комбинату потери от стихийного бедствия.

Несмотря на объективные проблемы и даже форс-мажорные обстоятельства, самоотверженный труд Логинова не был по достоинству оценён. Формальным поводом для отставки стало состояние здоровья Алексея Борисовича. Врачи определили истощение нервной системы и списали директора на отдых. Вместо себя Логинов

назначил в директорское кресло В.А. Дарьяльского – замечательного производственника, главного инженера комбината. Однако вскоре в Норильск приехал новый, никому не известный ставленник из Москвы, некий Каспаров, о котором история не сохранила воспоминаний, кроме нескольких непопулярных приказов. На комбинате воцарилось двоевластие, продержавшееся несколько месяцев.

Алексей Борисович Логинов (1906-2001) родился в селе Зимницы Ульяновской области. В 18-летнем возрасте Логинова выбрали секретарём сельсовета. В 1928 году он приехал в Ленинград, работал сначала грузчиком в порту, затем литейщиком на заводе «Красный выборжец».

В 1936 году А.Б. Логинов окончил Ленинградский горный институт, три года работал в нём научным сотрудником, участвовал в исследованиях по переработке сульфидных медно–никелевых руд. Изучал всю схему – от плавки до электролиза и попутного получения кобальта сначала в лабораторных условиях, потом на производстве на комбинате «Североникель». В 1939 году Алексей Борисович стал главным инженером Мончегорского кобальтового завода. В 1941–м вместе с другими мончегорцами эвакуировался в Норильск.

В Норильске Логинов возглавил организацию кобальтового производства, начав со строительства и пуска опытной установки НК (норильский кобальт) и закончив строительством и эксплуатацией кобальтового завода. А.Б. Логинов считается отцом норильского кобальта.

Во время войны А.Б. Логинов в числе 20 металлургов побывал в США с задачей перенять опыт. По возвращении делегация была приглашена для доклада к Сталину. Увидев вождя, все остолбенели. Сталин говорит: «А кто всё же может доложить?». Выходит Логинов в форме инженер–капитана (в лагерные времена все руководители комбината носили погоны), быстро и четко доложил: видели такую–то технику, это нам нужно, а это не нужно. Сталин - в конце: «Спасибо, инженер–полковник». Повысил, значит, в должности.

С 1943 по 1948 год Логинов руководил в Норильске управлением металлургических заводов, с 1949 года - управлением обогатительных предприятий, а в 1954 году стал директором Норильского комбината. Через три года ушёл с этой должности по состоянию здоровья. В дальнейшем Алексей Борисович работал главным инженером в главке «Енисейстрой», в научно-исследовательском институте цветной металлургии «Гиредмет», других крупных научных институтах и хозяйственных структурах. Логинов называл Норильск своим «звездным часом».

А.Б. Логинов - лауреат Государственной премии, награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945

г.». В 2002 году в Норильске открыли мемориальную доску, которая увековечила память А.Б. Логинова, вклад которого в становление комбината неоценим.

7. Уже «вольный» город

Очень скоро, в мае 1957 года комбинат возглавил ставленник Москвы **Владимир Васильевич Дроздов**, проработавший директором до 1962 года.

В.В. Дроздов - потомственный металлург, работал в этой отрасли с детства. С его приходом из документов исчезло обращение «начальник НГМК» и появилось слово «директор». До Норильска Дроздов был начальником Главного управления снабжения Минцветмета СССР. Честолюбивый и волевой, он направил эти свои качества на достижение комбинатом максимальных результатов.

Принимая норильский комплекс от Логинова, Дроздов вспоминал: *«В начале 1957 года комбинат находился в исключительно тяжелом положении. Планы производства цветных металлов значительное время не выполнялись. Из-за отсутствия подготовленных к выемке запасов руда добывалась с большими перебоями. Обогажительная фабрика из-за отсутствия руды систематически простаивала. ТЭЦ из-за нехватки угля работала с перебоями. Мощностей не хватало, потребление электроэнергии ограничивалось... Жилья для размещения прибывающих не хватало, ...план строительства ... вообще и жилья в частности не выполнялся. Около 80% горняков и шахтеров жили в бараках. Многочисленные общежития тоже размещались в бараках...».*

Пришлось применить волевой нажим (в какой уж раз!). К концу 50-х годов наступил перелом. Удалось наладить производство цемента, кирпича, железобетонных изделий, минеральной ваты, деревопродукции, извести, гипса, жидкого стекла, элементов для крупнопанельного домостроения. Был заложен фундамент для коренных преобразований и в сфере производства металлов. Старое оборудование на комбинате было сильно изношено, особенно его не хватало на горных выработках, что тормозило выемку руды. Будучи руководителем Главснаба и, наверное, предвидя, куда далее его могут направить, Дроздов отправил в Норильск большую партию современного оборудования. Удалось освоить новые процессы с применением механизации, внедрить поточные схемы. Сразу же возросла производительность труда. С 1959 года Норильский комбинат отказался от дотации и стал рентабельным. Добыча руды по сравнению с 1956 годом увеличилась более чем вдвое.

Можно считать, что к концу 1961 года организационно-техническая перестройка, связанная с ликвидацией лагерной системы, начатая при А.Б. Логинове, в основном была закончена.

С именем Дроздова связывают, и с полным основанием, норильскую «социальную революцию». Ко времени приезда Дроздова Норильск испытывал острую нужду в жилье: три четверти металлургов жило в капитальных домах, горняки – один из пяти, остальные в балках... Надо было трудоустроить и разместить «комсомольский десант» - около 6000 добровольцев. Дроздов умел не только вдохновлять, но и требовать. Не всех, кто работал рядом с Дроздовым, устраивал его изматывающий ритм и самоотречение, но он добился невиданных доселе темпов и объёмов строительства жилья. При Дроздове в городе были построены телецентр и плавательный бассейн, концертный зал и широкоэкранный кинотеатр, хлебо- и молокозавод, колбасный цех, целая сеть магазинов и столовых, парники и овощехранилище, открыты медицинский и торгово-кулинарный училища, сдан в эксплуатацию городской стадион, организован со своей геральдикой спортивный клуб «Заполярик», был построен пансионат в Сочи.

Норильский комбинат в пору Дроздова стал своеобразным полигоном, на котором отрабатывались новые технологии. В начале 60-х годов на Никелевом заводе внедрили и испытали рудно-термические печи (РТП), которые заменили устаревшие шахтные

печи и ватержакеты. Первые РТП оказались в семь раз эффективнее ватержакетов! Проектировал РТП Владимир Комнатный – сын дипломата, бежавший из немецкого концлагеря, организовавший в Чехословакии партизанский отряд, а потом как «изменник Родины» отбывавший 10-летний срок в Норильлаге. Одним из главных энтузиастов и «болельщиков» РТП был Жозеф Наджарьян. Всю его семью убили турки во время печально известной армянской резни 1915 года, самому ему чудом удалось бежать в Советский Союз. Он с отличием окончил институт, а затем... оказался в Норильске как «турецкий шпион».

Первые плавки на РТП проводил Вячеслав Козловский – гениальный инженер и изобретатель, один из немногих металлургов, ставших почетными гражданами Норильска. Рудно-термическая плавка в 1960-х действительно произвела настоящий переворот в норильской металлургии и дала мощный импульс к развитию других отраслей. Пришлось срочно строить новые энергетические мощности, потому что рудно-термические комплексы требовали электроэнергии в разы больше, чем потреблял и производил тогда весь Норильский комбинат. Оживилась и заводская наука – новые печи заставили более тщательно изучить секреты металлургического производства. Рождение новой технологии вызвало мощное оживление во всей норильской металлургии.

В период правления Дроздова стали вырисовываться все более тревожные перспективы Норильска. Существующее месторождение Норильск-1 с вкрапленными рудами не могло обеспечить рентабельность, и, несмотря на выполнение плана, производство было дотационным. На самом высоком уровне уже стали подумывать о закрытии комбината.

В сентябре 1957 года вышло постановление Совета Министров РСФСР о расширении в Норильском районе работ по поиску новых месторождений меди и никеля. Для проведения геолого-разведочных работ Норильск получил 60 миллионов рублей и буровые станки. Летом 1960 года геологи нашли первые месторождения в районе Талнаха и появились оптимистические надежды. Но оставались неизученными природа новых месторождений, их состав и предполагаемые запасы. Предстояли большие дополнительные изыскания геологов.

Весной 1961 года Норильский горно-металлургический комбинат поднялся в зенит своей заслуженной славы. Многие норильчане были тогда за свой труд удостоены правительственных наград, а Владимиру Васильевичу Дроздову и старшему плавильщику Никелевого завода Сергею Исааковичу Сердакову были присвоены звания Героев Социалистического труда.

В одном из интервью редактору «Заполярной правды» А. Львову Дроздов говорил: *«Норильск научил размаху, смелости – без этого там работать нельзя. Нигде я не чувствовал себя таким счастливым».*

Владимир Васильевич Дроздов (1910-1985) - родился в городе Бежица Брянской области. В 10 лет Володя стал помогать отцу, поступив на завод учеником слесаря. С 13 до 17 лет учился в ФЗУ и одновременно работал токарем в цехе. В 1924 году вступил в комсомол. В 1927-1933 годах учился: сначала окончил Бежицкий индустриально-конструкторский техникум, а затем Бежицкий машиностроительный институт. После института сначала работал техником на Уфалейском заводе - первенце отечественной никелевой промышленности, но вскоре его выдвинули в начальники ремонтно-механического цеха.

В 1936 году Дроздова перевели в Орск на «Южуралникель», где он проработал 16 лет, пройдя путь от инспектора-механика до директора. В 1948 году В.В. Дроздов стал лауреатом Сталинской премии за очистку орского никеля от меди. В 1952 году В.В. Дроздова перевели в Москву, где через два года он стал членом коллегии и начальником Главного управления снабжения Министерства цветной металлургии СССР.

В министерских кабинетах он чувствовал себя неуютно. Характер, темперамент требовали простора и самостоятельности. В 1956 году Владимир Васильевич побывал в Норильске.

Отчитываясь за командировку, высказался, что не возражал бы взять на себя ответственность за Норильский комбинат.

. В 1957 года Владимир Васильевич был назначен директором Норильского горно-металлургического комбината и за пятилетку директорства сделал очень много. В мае 1961 года он заболел, улетел на лечение в Москву, где и остался. В 1965 году был назначен начальником Управления «Главникелькобальта» Минцветмета. С 1983 года – на заслуженном отдыхе. Похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище.

В.В. Дроздов был первым норильским директором, ставшим в 1961 году Героем Социалистического Труда. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», медалями, является лауреатом Государственной премии СССР.

8. Второе рождение комбината...

В 1962 году директором Норильского комбината был назначен **Владимир Иванович Долгих** – один из легендарных руководителей промышленного Норильска, фигура монументальная для норильской истории, уже хотя бы потому, что из всех норильских руководителей в советское время он достиг самых высоких постов в иерархии Советского государства.

За семилетний период руководства В.И. Долгих существенно обновились практически все отрасли норильского хозяйства. К концу 60-х годов повсеместно были внедрены безлюдная выемка угля и породы, конвейерная транспортировка, дистанционно-автоматизированное управление конвейерными линиями, автоматизация вентиляторных и насосных установок. Появились автоматические системы управления (АСУ) технологическими процессами на базе ЭВМ. Увеличился выпуск качественного никеля. Наиболее чистые марки никеля и кобальта выпускались только в Норильске.

С именем Долгих связано такое понятие в норильской истории, как «второе рождение комбината», связанное с началом промышленного освоения Талнахского месторождения.

Официальной датой открытия Талнахского месторождения считается 30 августа 1960 года. От находки рудного тела до реального получения промышленной руды обычно проходят многие годы. Норильск же не мог ждать - от Талнаха зависело будущее комбината. В апреле 1962 года В.И. Долгих, уже как директор, не дожидаясь результатов экспертизы Госкомиссии и официального утверждения запасов руды, взял на себя смелость и подписал приказ об организации на правом необжитом берегу реки Норильской первого строительного управления «Талнахрудстрой». Потом оказалось, что на этом выиграли полтора года. В начале 1963 году руководство комбината вышло в правительство с предложением об освоении Талнахского месторождения и строительстве рудника «Маяк».

В 1963 году был закончен подсчет промышленных запасов. Первая промышленная руда на Талнахе была получена в 1965 году. Оказалось, что руды Талнаха в сотни раз богаче, чем руды Норильска, они содержали до 4-5% никеля и до 18% меди. Талнахское месторождение богатых руд не просто спасло Норильск, но и обеспечило его процветание на долгие годы вперед.

В те годы нигде в мире не было таких темпов строительства. Всего за пять лет (!) были построены комфортабельный многоэтажный поселок Талнах, уникальный мост через реку Норильскую, дороги и другие коммуникации, а главное, была получена первая промышленная талнахская руда. Стал быстро развиваться новый промышленный комплекс. Были построены горнодобывающие и металлургические предприятия принципиально новой научно-технической и технологической оснащённости, позволившие увеличить производство металла в 10 раз.

К 1965 году Норильск достиг очень высоких показателей в производственной и в социальной сферах. И, как итог - 16 июля 1965 года Норильский комбинат был награжден правительственной наградой - орденом Ленина.

Близ Норильска в 1966 году был сдан в постоянную эксплуатацию современный аэропорт на Таймыре - «Алыкель», который с 2019 года именуется как «Аэропорт Норильск имени Николая Урванцева».

В ноябре 1967 года в Норильске построили приемную станцию космической связи «Орбита», осуществляющую прием программ из Москвы со спутников «Молния-1», и норильчане получили возможность наряду со своей программой вещания смотреть и слушать программы Центрального телевидения.

В январе 1968 года Норильск посетил председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин с целью изучить на месте возможности комбината увеличить вдвое производство никеля и меди. Но, будучи человеком дотошным,

Косыгин пообщался с людьми, спустился под землю на «Маяке», провел совещание с городскими чиновниками и обнаружил множество «мелочей жизни», которые ему не понравились. Тесные дома, бедный ассортимент в магазинах, особенно неприятно удивило отсутствие в продаже северной рыбы. И осталось незамеченным даже то, что монтажники на морозе работали не в меховых, а в суконных рукавицах (меховые тогда попросту не выпускались).

Но, главное, в результате визита Косыгина было принято принципиальное решение о строительстве газопровода. Сразу же начали проектировать первый в Заполярье газопровод. Газовое месторождение находилось в районе Мессояха в юго-западном направлении на удалении от Норильска около 350 километров (на границе полуостровов Таймыр и Ямал). Предстояло выбрать оптимальную трассу магистрального газопровода, ведь на пути находилось 86 водных преград и 15 болот. При этом надо было пройти две реки Хета (Большую и Малую) и, что самое сложное, реку Енисей (три километра труб под водой на глубине 44 метра). В то время еще не было опыта строительства газопроводов в районах мировой арктической зоны. Проектировщикам предстояло решить комплекс совершенно новых технологических, строительных, конструкторских, экономических и экологических задач.

В апреле 1964 года вышло постановление ЦК КПСС и правительства по развитию Норильского комбината на базе руд Талнахского месторождения, которое предопределило создание Большого Норильска. Сформировался промышленный район, стали быстро развиваться гидроэнергетика, газодобыча, транспортные узлы, стройиндустрия, объекты культуры. В окрестностях Норильска возникли посёлки городского типа Талнах, Снежногорск, Кайеркан, Оганер, Солёное, Тухард, Мессояха, связанные с комбинатом в единый промышленный комплекс.

Для энергоснабжения расширившегося и ставшего крупнейшим в мире Большого Норильска была построена Усть-Хантайская ГЭС (1963-1972). Дудинский же морской порт, обеспечивающий нужды Норильского комбината, превратился в самый механизированный порт на Крайнем Севере и в Сибири.

Долгих Владимир Иванович (1924–2020) родился в селе Иланское Красноярского края. После окончания 9-го класса средней школы, прибавив год, он добровольцем ушел в действующую армию. Прошел боевую и политическую подготовку в школе истребителей танков в Красноярске. В 1941 году сражался в 6-ой гвардейской стрелковой дивизии, был политруком роты. Воевал в воинском звании старшины. В 1942 году участвовал в продолжительных боях

в Орловской области. В 1943 году после тяжелого ранения был комиссован из армии и в 1944–м вернулся в Иланское. Вскоре Владимир Иванович поступил в Иркутский горно-металлургический институт на факультет цветных металлов, который окончил с отличием.

По окончании института его направили на Красноярский аффинажный завод, где Владимир Иванович проработал десять лет, пройдя служебный путь от начальника смены до главного инженера завода. В 1958 году его назначили главным инженером Норильского горно-металлургического комбината, а в 1962-м Владимир Иванович стал его директором. Ему впервые пришлось заниматься горным делом и энергетикой, транспортом и жилищным строительством. Начало его работы совпало с освоением богатого талнахского месторождения руды.

После Норильска В.И. Долгих возглавил Красноярский краевой комитет КПСС (1969–1971). С 1972 года он уже в Москве: секретарь ЦК КПСС (1972—1988) и заведующий отделом тяжёлой промышленности и энергетики ЦК КПСС (1976—1984). Также был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС (1982—1988).

С 1988 года началась перестроечная политика М.С. Горбачева. Многие в КПСС не сразу поняли истинных замыслов Горбачева. Под прикрытием лозунга «Больше социализма!», началась политика по разрушению экономики страны, развалу СССР, уничтожению КПСС и социалистического строя. В.И. Долгих не принял предательскую политику Горбачева. Когда Владимир Иванович открыто заявил Горбачеву о своей не согласии с его действиями, Горбачев предложил Долгих уйти из ЦК КПСС, что тот и сделал, уйдя по собственному желанию на пенсию.

В 1997 году В.И. Долгих возглавил правление Московской региональной общественной организации «Красноярское землячество», с 2002 года стал председателем Московского городского совета ветеранов, а с 2008 года – председателем Общественного совета Москвы.

С 2011 по 2013 год В.И. Долгих - депутат Государственной Думы РФ. В 2013 году В.И. Долгих был делегирован Правительством города Москвы в Совет Федерации, где он работал в Комитете по экономической политике по 2018 год. С 2017 года В.И. Долгих являлся нештатным советником губернатора Красноярского края.

В.И. Долгих - доктор технических наук, академик трех академий: Российской горной академии, Российской инженерной академии и Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы. Имеет звание Почётного профессора Московской финансово-юридической академии.

Владимир Иванович дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1965, 1984), награждён шестью Орденами Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами «За заслуги перед Отечеством» 4-й и 1-й степеней, Орденом Дружбы, орденами Болгарии, Чехословакии, Вьетнама, Монголии, орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени, многими медалями.

В 2006 году Владимир Иванович был удостоен премии правительства Москвы «Легенда века». Ему присвоены звания: «Почетный строитель России», «Почетный энергетик СССР», «Почетный гражданин города Иланского», «Почетный гражданин Красноярского края» (2004), «Почетный гражданин Таймыра» (2004), «Почетный гражданин города Норильска» (2009), «Почетный гражданин города Москвы» (2010).

Бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда В.И. Долгих установлен на его родине в городе Иланском Красноярского края 5 декабря 2012 года.

За выдающийся вклад в развитие Сибири и Дальнего Востока в 2003 году Попечительским советом Фонда имени академика М.А. Лаврентьева Сибирского отделения РАН награжден золотой медалью имени М. А. Лаврентьева.

В.И. Долгих — один из тридцати ветеранов войны, которым 20 февраля 2015 года в Георгиевском зале Кремля президент В.В. Путин вручил первые юбилейные медали «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945». Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Владимир Иванович говорил: *«...Но не могу согласиться с теми, кто пытается утверждать, что социалистический строй, идеи социализма по своей сути не имеют исторической перспективы. Уверен: будущее человечества – в социализме. Потому что он – важная ступень к достижению социальной справедливости...».*

В 1969 году после В.И. Долгих директором Норильского комбината стал **Николай Порфирьевич Машьянов**, открывший список директоров, выросших на комбинате.

Высокоэрудированный инженер, талантливый производственник Н.П. Машьянов всю энергию направил на развитие основных технологических процессов. За несколько лет его руководства комбинат освоил новые технологии в металлургии, масштабно автоматизировал производство, начал строительство новых рудников на Талнахе, выполнил специальное правительственное задание по выпуску сверхплановой рафинированной меди.

Старые подшивки журнала «Цветные металлы» подтверждают постоянный творческий поиск металлурга Машьянова, где фамилии Н.Ф. Машьянова и Б.И. Колесникова среди авторов постоянны.

В конце 1969 года был сдан в эксплуатацию газопровод Мессояха - Норильск. В 1970 году Норильск перешел на газовое топливо. Немалые средства комбинату пришлось потратить на закрытие угольных шахт и переобучение нескольких тысяч шахтеров, но оно того стоило. Более восьми тысяч шахтеров, ранее добывавших каменный уголь, занялись добычей руды и производством цветных металлов.

Перевод энергосистемы Норильска на голубое топливо стал революционным событием. Переход на газ обновил все стороны норильской жизни (как промышленной, так и бытовой), да и меньше стала страдать природа, уже познавшая губительное дыхание угольных ТЭЦ. Производительность труда на Норильском комбинате повысилась на 30%. Значительно увеличилось производство цветных металлов. Стало возможным на Талнахе развернуть строительство самого мощного в Европе рудника «Октябрьский», построить металлургический комбинат «Надежда», обеспечить фантастический расцвет городской и социальной среды.

Проектирование магистрального газопровода «Мессояха – Норильск» началось в 1967 году. Заполярный участок газопровода в мировой практике проектировался впервые. Одной из сложностей стал подбор пригодного для Севера оборудования, большинство было рассчитано на минус 40°C, а на Таймыре морозы опускались до минус 60°C.

Строительство первой нитки газопровода завершилось в рекордно короткие сроки. Газопровод был сооружен надземно на свайных фундаментах, имел протяженность 263 км и пересекал 86 рек, 15 крупных озер и болот. Особо сложной явилась прокладка трубопроводов по подводным переходам – дюкерам, где трубопроводы в изоляции проложены с заглублением в дно реки. На Енисее пришлось делать переход в русле шириной в два километра на 50-метровой глубине.

В процессе эксплуатации первой нитки газопровода проявился неучтенный фактор, связанный с перемещением оленей по полуострову для смены пастбищ (трубопровод перекрыл некоторые традиционные пути миграции). Пришлось в некоторых местах устраивать специальные переходы для оленей. Выявились и другие факторы, связанные с воздействием высокого температурного перепада на трубопроводы, особенно при подводных переходах.

В последующие годы (1971-1973, 1973-1981, 1983-1991) были построены вторая, третья и четвертая нитки. При строительстве второй и третьей нитки газопровода саратовские проектировщики предложили более совершенные технологические решения, существенно повысившие надежность газопровода при низких температурах.

Ныне полноправным владельцем всей газотранспортной системы Норильского промышленного района, которая включает в себя Пеляткинское газоконденсатное месторождение (ГКМ), Северо–Солёнинское ГКМ, Южно–Солёнинское ГКМ и Мессояхское ГМ, является АО «Норильсктрансгаз» - дочернее общество ПАО «ГМК «Норильский никель». Система газоснабжения района является региональной и не имеет выхода в единую систему газоснабжения России.

При Машьянове продолжилось масштабное жилищное строительство. Характер и условия строительства в 70-е годы уже существенно отличались от прошлых лет. Если

в довоенные и послевоенные годы промышленное строительство велось преимущественно из дерева, кирпича и монолитного бетона, то теперь основным материалом был уже металл и сборный железобетон.

В 70-е годы особенно остро встала проблема своевременного вывоза на «материк» норильской готовой продукции, которая в зимний период не вывозилась и накапливалась на складах. Да и в завозе материалов, оборудования, продуктов Большой Норильск стать нуждаться в разы больше. Поэтому вопрос о продлении морской навигации постоянно был одним из злободневных. И дело не в судах ледового класса, которые наша страна успешно строила. Даже первый в мире атомный ледокол «Ленин» в те годы существенно не мог повлиять на сроки навигации. Причина - особенности енисейского фарватера, не позволяющего заходить в Дудинку крупнотоннажным кораблям. Вход в устье реки закрывал мощный ледяной припай - неподвижный лед.

И, конечно, огромное значение имел успешно закончившийся в ноябре 1970 года первый экспериментальный рейс дизельэлектрохода «Гижига» по Северному морскому пути из Мурманска в Дудинку и обратно из Дудинки в Мурманск. Никто и никогда до этого в конце года не добирался в Дудинку по воде. Ледокольно-транспортный сухогруз «Гижига» относился к судам, которые могли самостоятельно плавать во льдах морей Арктического бассейна. Он имел крепкий корпус и мощную энергетическую установку. Рейс проходил в крайне сложных погодных условиях. Сухогрузу помогли в проводке четыре ледокола – атомный «Ленин» и дизельные «Мурманск», «Капитан Белоусов» и «Капитан Воронин». Экспериментальный рейс стал основанием для реализации самых радужных, ещё недавно несбыточных планов. Неудивительно, что уже через год, в следующую навигацию, последний грузовой корабль покинул Дудинку ещё позднее – под Новый год. На этот раз он был не один, а в составе сразу шести грузовых судов. Зимний период морской навигации последовательно удлинялся и уже в 1976 году вплотную приблизился к весеннему сезону.

В мае 1971 года два весенних дня в Норильске гостил премьер–министр Канады Пьер Элиот Трюдо с супругой Маргарет. Впервые город встречал столь высокого гостя,

ведь город был строго закрыт для иностранцев. Молодой, высокий канадский премьер всем встречным дарил значки с кленовым листком — эмблемой Канады.

Канадцы смотрели во все глаза, у них не было ничего подобного. На севере Канады добыча полезных ископаемых осуществлялась вахтовым методом, и городов там таких не строили. Стоял полярный день - круглые сутки светло. Трюдо с женой жили в маленьком особнячке, который к их приезду полностью перестроили и обновили. Мебель - только что с фабрики, на стенах — шкуры полярных оленей и белых медведей. И в самом городе навели такой лоск, что жители наверняка еще долго поминали добрым словом гостей из Канады. Чету канадцев очень интересовала жизнь большого города на Крайнем Севере, в зоне вечной мерзлоты. Гости интересовались буквально всем: как строятся многоэтажные дома на сваях, как добывается руда, посетили ЗАГС, школу и профилакторий «Валёк» для рабочих, в холле которого с потолка спускались самые экзотические живые растения. В ледовом дворце «Арктика» они увидели мальчиков в полном хоккейном облачении, игравших в игру, которая зародилась в Канаде... Гости были просто потрясены. После посещения роддома мадам Трюдо сказала: *«В таком прекрасном роддоме я согласна рожать...»* (она в то время была в положении).

Во время визита Трюдо пообещал, в частности, решить вопрос выделения Норильску «на развод» овцебыков. Это обещание было выполнено – уже в 1974 году была принята программа переселения овцебыков из Канады и Аляски на Таймыр.

В завершении визита Пьер Эллиот Трюдо сказал: *«То, что совершили здесь, несомненно, стало одним из современных чудес света - таким чудом, которое являет пример для всех других стран в обживании Крайнего Севера».*

Конечно, индустриальный прогресс Норильского региона в Заполярье явился чудом, и это чудо было сотворено в соответствии с общегосударственной стратегией хозяйственного освоения Севера, где доминировали интересы промышленного производства. Но за этими пафосными словами скрывались уже в то время появившиеся негативные явления, связанные с просчетами технической политики в плане квалифицированной экспертизы крупных проектов с точки зрения экологических последствий, которые либо игнорировались, либо их интерпретация была однобокой.

Когда пошла талнахская руда и возросла степень интенсификации технологических процессов, то резко возросли загазованность и запыленность воздуха и, соответственно, ухудшилась экологическая обстановка. Машьянов говорил (1970): *«До некоторого времени мы не уделяли внимания этим вопросам, и металлургические цехи, в первую очередь, не имели вентиляционных и аспирационных установок... Особенно неблагоприятное положение сложилось в плавильном цехе медного завода и на рудно-термических печах никелевого завода».*

Эти слова, конечно, не были заявкой на долгосрочный прогноз губительных для природы вредных выбросов. Ведь речь шла только о производственных помещениях. Тем не менее, сам факт честной, хотя далеко не полной, оценки сложившейся ситуации примечателен.

При Машьянове продолжалось наращивание производственных мощностей. Как московское, так и норильское руководство понимало, что без новых рудников и более мощного металлургического завода программу по увеличению выпуска металлов на 1976-1980 годы не выполнить. Был пущен рудник «Комсомольский», срочно занялись проектированием нового завода. Первоначально были планы построить завод на материке, в районе города Лесосибирска, а норильский файнштейн доставлять по Енисею. Но все-таки победили сторонники сохранения полного цикла в одном месте, и новый мощный завод решено было строить в Норильске.

Площадка под будущий завод была выбрана в отдалении (12 км от города) на месте старого аэродрома Надежда, что по дороге Дудинка-Норильск. Про экологию, хоть и немного, но тоже подумали. Масштабы предстоящей стройки пугали даже самих строителей. Им предстояло освоить бюджет, превышающий затраты на Братскую ГЭС, и построить завод, равного которому ещё не строили нигде в мире, да еще в условиях

Крайнего Севера. Стройка будущего гиганта - Надеждинского металлургического завода (НМЗ) началась в январе 1971 года. С первой же навигацией в Норильск пришла уже кое-какая техника – привезли бульдозеры, компрессоры, самосвалы, автобусы. К концу года штат строителей составлял 200 человек. С каждым последующим годом масштабы работ все увеличивались.

Николай Порфирьевич Машьянов (1925-1997) родился в деревне на Вологодчине. Будучи студентом Ленинградского горного института, проходил практику на Норильском комбинате. В ходе практики руководил отделением в сернокислотном цехе. Ему тогда предложили остаться на комбинате в инженерной должности без защиты дипломного проекта. В Норильске Машьянов задержался на год. После окончания института его оставили на кафедре металлургии. Но Машьянов уже не мог забыть Норильск. Он туда вернулся и работал в хлорно-кобальтовом цехе. В 1954 году исполнял обязанности главного инженера завода, а в 1957-м стал главным инженером комбината. Н.П. Машьянов немало способствовал реализации новой технической политики, в разработке которой сам же участвовал.

В 1969–1973 годах Николай Порфирьевич - директор Норильского комбината. В 1973 году Н.П. Машьянова перевели в Москву, где он занимал пост первого заместителя председателя Государственного планового комитета РСФСР. Был депутатом Верховного Совета РСФСР (1980-1985). Удостоен звания Героя Социалистического труда (1971), награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, многими медалями.

В 1973 году директором Норильского горно-металлургического комбината (НГМК) стал **Борис Иванович Колесников** – ещё один легендарный директор, проработавший в Норильске 38 лет, из них 15 лет – директором комбината, дольше всех своих коллег. Колесникову достался самый стабильный и благоприятный период в истории Норильска.

Норильскому комбинату из Москвы по-прежнему шли указания - наращивать объемы производства. Выполнять же их становилось все труднее. Возрос удельный вес дорогостоящих систем подземной разработки. Добычные горизонты располагались все более глубоко. Горно-геологический прогноз понуждал увеличивать затраты на строительство и поддержание выработок. Карьер «Медвежий ручей» уже не мог обеспечить поставку сырья в прежних объемах; падало содержание металлов в

товарной руде, поставляемой на Кольский полуостров, а также платиновых компонентов. Стали неизбежны дополнительные затраты по отстойникам для пирротинового концентрата. Среднегодовой прирост производства металлов стал почти в десять раз меньше темпов капиталовложений. Неизбежно росли эксплуатационные расходы, связанные с вводом объектов, не имеющих прямого отношения к основным технологическим процессам. Пришлось также решать некоторые неотложные задачи по накопившимся экологическим проблемам. С 1973 года начали проектировать комплекс очистных сооружений города, в частности, утилизации серы из газов. На аглофабрике началось строительство пилотной установки опытно-промышленного производства элементарной серы.

Норильское руководство понимало, что без новых рудников и более мощного металлургического завода программу по увеличению выпуска металлов на 1976-1980 годы не выполнить. Поэтому интенсивно строились рудники «Комсомольский» и «Октябрьский». В 1974 году рудник «Комсомольский» вышел на проектную мощность. В марте 1974 года приняли в эксплуатацию первую очередь самого крупного рудника «Октябрьский», далее было еще восемь очередей.

Продолжалось строительство Надеждинского металлургического комбината (НМЗ). Строить НМЗ помогала вся страна. Были заключены контракты с более ста предприятиями-поставщиками. В разгар строительства (1977) в работе были задействованы 600 грузовых машин, 150 экскаваторов, бульдозеров и автогрейдеров, 150 кранов. Работало 22 тысячи человек, не считая 180 иностранных специалистов (шеф-монтаж оборудования осуществляли финские фирмы).

В июне 1979 года НМЗ выдал первую продукцию - сульфидный концентрат, а в августе - товарную серу. Госкомиссия 10 октября подписала акт о приемке в эксплуатацию первой очереди НМЗ - гидрометаллургического производства. Этот день считается днем рождения НМЗ. В феврале 1981 года получили первый металл, а в июле приняли в эксплуатацию вторую очередь завода - пирометаллургию, что означало полный его запуск. Завод стал производить фанштейн, анодную медь, элементарную серу и технологический кислород. Фанштейн отправлялся на дальнейшую переработку на Никелевый завод и комбинат «Североникель», анодная медь - на Медный завод.

Получив свою ТЭЦ (пуск первого блока произошел в ноябре 1980 года), НМЗ стал энергетически автономной частью промрайона. Новый металлургический гигант стал последней масштабной производственной стройкой Норильска XX века. После его пуска производство цветных металлов на Норильском комбинате выросло в пять раз, каждая десятая тонна никеля в мире стала выпускаться на НМЗ.

За 1961-1985 годы численность трудящихся на главном объекте промрайона – Норильском комбинате - удвоилась и составила порядка 120 тысяч. Столь динамичный, масштабный процесс породил немало сложностей. Были проблемы не только с жильем, но и с комплектованием кадров. Основное пополнение шло за счет оргнабора и молодежи, приехавшей самостоятельно, а также членов семей уже работающих граждан. Частично шло пополнение за счет демобилизованных из рядов Советской Армии и выпускников учебных заведений. В 1968 году комбинат был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, молодые люди стали прибывать по путевкам, но многие из них, не получив сразу жильё и ожидаемой зарплаты, вскоре уезжали. В 1978 году открылось второе ПТУ, которое стало готовить специалистов, прежде всего для Надеждинского завода и Талнахской фабрики.

В октябре 1973 года в Норильске была организована Научно-исследовательская лаборатория полярной медицины АМН СССР.

Эпоха Колесникова знаменательна ускоренными темпами строительства. Каждый год сдавалось под заселение до тридцати новых многоквартирных домов, появились жилые дома улучшенной планировки, было освоено полносборное строительство детских садов и школ. Особое внимание уделялось городскому комфорту. Благодаря

завезенной морозостойкой шведской краске город начал избавляться от мрачного бесцветья. В 1978 году началось централизованное переселение из ветхих домов, домов загазованной промплощадки. Все затраты окупались за счет прибыли комбината.

Строили при Колесникове не только жилье, но и объекты соцкультбыта. В конце 70-х и начале 80-х годов появились новый театр, кинотеатр «60 лет Октября», педагогическое училище, Дом быта, лыжная база «Оль–Гуль», несколько турбаз, санаторий «Заполярье». Практически заново были построены города Талнах, Кайеркан, Оганер. Была принята комфортная программа переселения на «материк» – кооперативное строительство в разных городах СССР,

С 1978 года наконец-то был реализован непрерывный вывоз норильской продукции через порт Дудинку. Была создана круглогодичная навигация: в период с 20 октября по 20 мая порт работает в режиме зимней (арктической) навигации, летний же период навигации обычно заканчивается 19 октября – с уходом из порта судов внутреннего плавания и началом ледообразования на Енисее. Проводку транспортных судов, имеющих ледовый класс, по Северному морскому пути производят атомные ледоколы Мурманского морского пароходства. В Енисейском заливе проводку судов в 1,5–2-метровых льдах осуществляют атомные ледоколы «Таймыр» и «Вайгач» с относительно небольшой осадкой – 8 метров. В порту при постановке судов к причалам ледовые работы осуществляет портовый ледокол «Авраамий Завенягин».

Б.И. Колесников вошёл в историю как человек невероятной скромности и новаторского по тем временам стиля управления. Он смело делегировал полномочия и редко вмешивался в процесс выполнения поручений. Все, кто лично знал Бориса Ивановича, отмечали его надежность, основательность, невозмутимость и спокойствие в чрезвычайных обстоятельствах.

Утром 2 февраля 1979 года после десяти лет эксплуатации на магистральном газопроводе «Мессояха – Норильск» недалеко от поселка газовиков Мессояха (в 100 километрах от Норильска) произошла крупная авария, грозящая перерасти в техногенную катастрофу. Та зима выдалась на редкость суровой. Температура воздуха в течение нескольких недель не поднималась выше 45 градусов мороза. В иные дни столбик термометра достигал отметки минус 56 градусов. Лопнули немецкие трубы, не выдержавшие сверхнизких температур. Длительные аномальные морозы оказались сильнее германской стали. По официальной версии трубы лопнули от скачка давления. От гидроудара пошла цепная реакция: струя газа срывала части трубопровода с опор и разбрасывала по тундре. За несколько минут были разрушены две нитки трубопровода на протяжении около 40 километров. Резервного газопровода не было, и подача голубого топлива на ТЭЦ прекратилась. К вечеру в некоторых домах и общественных зданиях города температура понизилась до 10-12 градусов. Поползли слухи об аварии на газопроводе. Норильчане ждали официальных сообщений, верили во всемогущий комбинат и грелись электричеством. С каждой минутой напряжение нарастало, а слухи становились всё более зловещими.

Передачи норильской студии телевидения ежедневно начинались в 18-00 – с мультфильма, которого ждали все дети. Тем февральским вечером мультфильма не было, а в эфире появился директор комбината Б.И. Колесников и рассказал о случившемся, ничего не скрывая, но и не нагнетая обстановку. Он рассказал, что лично облетел участки взорвавшегося газопровода, объяснил причины аварии, описал её размеры. Спокойно и чётко объяснил, что комбинат и город переходят на резервные источники топлива – дизель и каменный уголь. Сказал, что надо делать норильчанам, назвал примерные сроки ликвидации аварии. Сам тон выступления директора явился для горожан лучшим средством от паники, а слова – инструкцией. А повод для паники был очень весомый. Шли затяжные пурги, аэропорт был закрыт. Даже вывезти детей и женщин было невозможно. Помочь не мог никто, никакие войска, караваны и МЧС, коего ещё и не было вовсе.

Сразу был создан штаб по ликвидации аварии, который возглавили Колесников и первый секретарь горкома КПСС Борис Михайлович Благих. Делалось все, чтобы не допустить паники. Срочно расконсервировали запасы угля и за несколько дней наладили отгрузку угля на ТЭЦ, остановили всё металлургическое производство, временно перевели плавильные агрегаты в

спящий режим. Оценили запасы дизтоплива и разработали план эвакуации детей на материк. К счастью, обошлось без эвакуации, так как в течение семи суток непрерывной работы ситуацию удалось стабилизировать. Газовики сумели оперативно сделать перемычку и «продать» газ через конденсатопровод небольшого диаметра и подать топливо для экстренных нужд. Это случилось ночью 9 февраля, 230-тысячный город облегченно вздохнул.

Но радоваться было рано! Той же ночью 9 февраля температура наружного воздуха, державшаяся до этого в районе минус 40°С, опять упала до 52 градусов ниже нуля, и пришлось остановить подачу газа по временной схеме: рисковать было нельзя, любая случайность могла стать роковой. В эту ночь не только Колесников, но и всё руководство комбината опять не покидало своих рабочих мест. Снова обсуждали планы эвакуации населения из Норильска. Звучали самые невероятные предложения, вплоть до использования грузовых судов и ледоколов...

Неимоверный груз ответственности лежал в те дни на руководстве комбината и в первую очередь на Колесникове. Несколько раз в день Колесникову приходилось докладывать о ситуации председателю Совмина А.Н. Косыгину и решать оперативные вопросы с министром цветной металлургии П.Ф. Ломако и замминистром газовой промышленности Г.Д. Маргуловым. Эта работа велась круглосуточно.

А ситуация становилась всё хуже, всё опаснее. Из-за низких температур перемерзали и ломались трубы в жилых и общественных помещениях, в цехах ломались калориферы, арматура... По радио жителей призывали экономить горячую воду (а она была!) и не включать электрические обогреватели. Но становилось всё холоднее, норильчане грелись печками и калориферами, предохранители не выдерживали, и многие сидели без света. Аварийные бригады электриков и сантехников работали постоянно, круглые сутки, падая от усталости...

Ситуацию удалось взять под контроль и стабилизировать только 12 февраля. Морозы немного отпустили, тепло в квартирах восстановили, наладив временную схему с использованием угля. Активно шли работы по восстановлению разрушенной газовой магистрали. Было задействовано около 400 человек. Полтора миллиона (!) рублей на эти работы выделило министерство.

Газопровод восстановили только в середине марта, и срок этот следует считать рекордным в создавшейся ситуации. Газ снова пошёл на ТЭЦ и металлургические производства в полном объёме. Норильск вернулся к обычному режиму жизни. Но для руководства Норильского промышленного района этот период стал самым страшным, несмотря на блестящий выход из ситуации. Показательно, что большинство жителей Норильска так и не поняли, насколько близко от катастрофы, от смертельной опасности они были. По результатам событий февраля 1979 года в Норильске были сделаны незамедлительные выводы. Решено было построить резервный газопровод. Да и в теплоснабжении города были сделаны многие позитивные изменения.

В 1977-1979 годах руководству города Норильска и НГМК предстояло решить непростой вопрос, связанный с созданием подземных газохранилищ, как резерва, на случай выхода из строя существующего газопровода. В то время в Оренбургской области уже имелся опыт создания и эксплуатации таких подземных газохранилищ. На глубинах до 1000 метров в отложениях каменной соли с помощью ядерного взрыва создавалась устойчивая полость, в которую закачивался под большим давлением газ. Атомщики при тех мощностях ядерного заряда, которые применялись при подземных взрывах, давали гарантии по обеспечению сейсмической и экологической безопасности.

Сначала идею создания подземного газохранилища с энтузиазмом поддержали руководители города и директор Б.И. Колесников. В 1977 году были произведены два подземных взрыва в 80 километрах к востоку от Норильска, в районе озера Ламы. На глубинах около 850 метров были образованы полости диаметром около 40 метров. Негативных радиационных выходов в эпицентре и вокруг места взрыва зарегистрировано не было. Через два года провели еще раз обследование районов взрыва. Радиационный фон был в норме. Но никто не мог гарантировать, что в озеро Лама не проникнет ручеек стронция или плутония. В частности, норильская инспекция Госатомнадзора России выражала сомнения насчет герметизации подземных полостей, которая могла быть нарушена в результате горно-

геологических процессов, и тогда не исключалась вероятность радиоактивного загрязнения реки Норильская, на которой стоят водозаборы Норильска. В 1979 году министр цветной металлургии П.Ф. Ломако запретил реализацию идеи создания подземных газохранилищ ядерными взрывами. Работы по прокладке трубопроводов к месту взрывов так и не были начаты. Этот поступок министра П.Ф. Ломако и дирекции НГМК можно только приветствовать. Тем более, что и без этого экологическая обстановка в городе Норильске и его окрестностях вызывала тревогу. После ввода в эксплуатацию Надеждинского металлургического завода и значительного роста объемов производства металла, в том числе на Никелевом и Медном заводах, расположенных в зоне города, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и в водяные стоки стали во много раз превышать предельно допустимые нормы.

Во времена Колесникова Норильск уже стал Большим Норильском, в который стремились приехать лучшие специалисты, а горожане по праву гордились им. Норильск стал престижным местом проживания, островком благополучия на общем фоне советского быта.

Под руководством Б.И. Колесникова к концу восьмидесятых НГМК вышел на стабильные показатели по производству металла. К середине 80-х годов НГМК достиг полного расцвета. В 1976 году комбинат получил орден Трудового Красного знамени, а в 1985-м - орден Октябрьской революции. В 1987 году в Большом Норильске численность населения была максимальной и составляла 266 тысяч.

Борис Иванович Колесников (1930-2003) родился в райцентре Рухлово (позже переименованное в Сковородино) Амурской области. Отец Иван Николаевич, экономист по профессии, в 1932 году был арестован по ложному доносу. Суд признал его невиновным и оправдал, но следователь посоветовал ему немедленно уехать в другой город. Иван Николаевич собрал семью (жену и четверых детей) и уехал в Минусинск. В 1943 году Иван Николаевич умер – не выдержало сердце. Старшим мужчиной в семье остался 13-летний сын.

В 16 лет Борис, не закончив десятилетку, приехал в Норильск и поступил в техникум. После окончания техникума (1950) Борис Иванович сначала работал на Медном заводе: сменным мастером, старшим мастером, начальником отделения завода, а затем на комбинатских должностях: старшим диспетчером, начальником производственно-технического отдела. Без отрыва от работы Борис Иванович закончил Уральский политехнический институт.

В 1967 года Бориса Ивановича назначили директором Никелевого завода, а с 1969–го он становится главным инженером комбината. Через четыре года он уже - директор НГМК (1973–1988). Годы руководства Бориса Ивановича Колесникова называют «золотой эпохой» комбината или даже «эпохой Колесникова».

В 1988 году Б.И. Колесников уезжает в Москву, где его назначают заместителем министра цветной металлургии СССР. После образования в июне 1989 года Министерства металлургии (были объединены Министерства черной металлургии и цветной металлургии) Борис Иванович становится заместителем Министра нового министерства.

Б.И. Колесников являлся депутатом Верховного Совета СССР с 1974 по 1989 года. С 1990 года – на пенсии. Жил в Москве, похоронен на Востряковском кладбище.

Б.И. Колесников удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями Его имя присвоено Надеждинскому металлургическому заводу. Именем Бориса Колесникова назван теплоход Енисейского речного пароходства.

9. Последний «красный» директор

С отъездом в 1988 году Б.И. Колесникова в Москву спокойная жизнь на комбинате закончилась. Его преемнику **Анатолию Васильевичу Филатову** досталось тяжёлое (опять тяжёлое!) время перемен и в обществе, и на комбинате. Впервые в истории Норильска директора комбината не назначили «сверху», а выбрали трудовым коллективом. Он возглавил комбинат в разгар перестройки, когда руководство страны принимало непродуманные, а порой и абсолютно некомпетентные решения. В этих условиях, а потом и в трудные рыночные годы он сумел сохранить самое ценное: трудовой коллектив и производство.

Начал А.В. Филатов свою деятельность с усовершенствования многих производственных процессов, которые и сегодня используются на металлургических заводах и не только в Норильске. При Филатове достраивали «Надежду», перевели с угля на газ электростанцию и плавку на медном заводе. Много внимания Филатов уделял экологически прогрессивным технологиям, в частности, при нем запустили плавку в «жидкой ванне», разработали и освоили отечественную технологию утилизации сернистых газов.

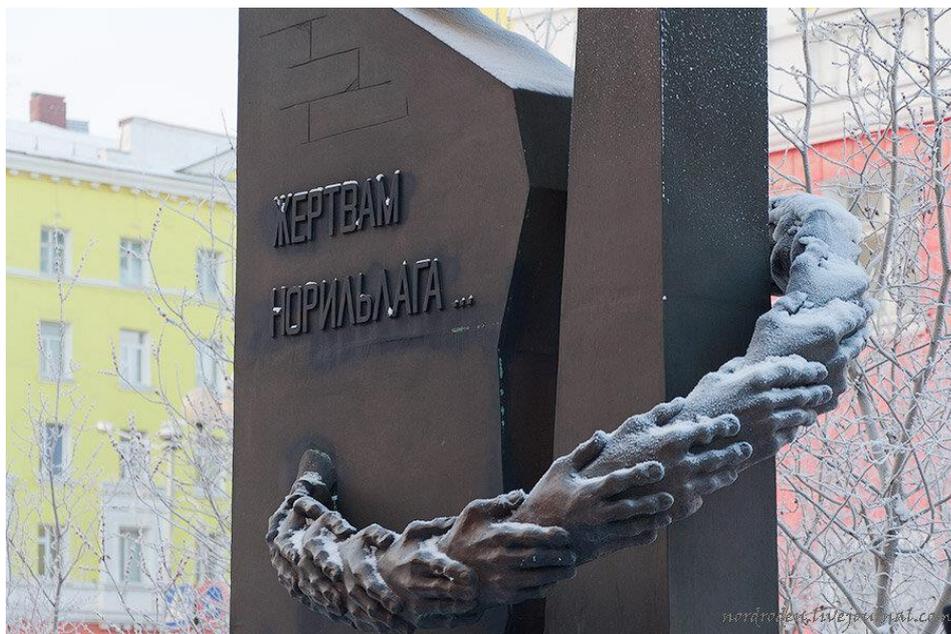
В первой половине 90-х годов при активном содействии Филатова в плавильном цехе Медного завода был построен уникальный агрегат (квенчер) по очистке отходящих сернистых газов от вредных отравляющих веществ, загрязняющих воздух. В 1991 году Филатов, посетив никелевый завод компании «Инко» в Садбери (Канада), обратил внимание на устройство, способное быстро охлаждать отходящие газы, осуществлять их орошение (промывку распыленной водой) и далее утилизировать с образованием серы. Филатов ухватил идею, но технические тонкости квенчера не были известны, хотя принцип действия его был описан в одном из технических журналов. Вернувшись в Норильск, Филатов перед техническим руководством Медного завода поставил задачу – разработать отечественный квенчер. Мало, кто верил в эту затею. Многие говорили, что это авантюра, блажь, утопия. Да и научно-техническое управление комбината дало отрицательное заключение о возможности работы квенчера на медеплавильной технологии, где газ на выходе плавильной печи имел температуру выше тысячи градусов. Но все-таки Филатов убеждал, настаивал. Постепенно на Медном заводе сложилась команда убежденных «квенчеристов». Это были самые трудные времена: на норильском комбинате задерживали зарплату, объявлялись голодовки и забастовки, шло повальное сворачивание строительства. Работа, хотя и с трудом, но началась, и продолжалась три года. В январе 1995 года состоялся пуск норильского «быстрого охладителя» - первого и единственного квенчера в мире, работающего на медеплавильной технологии.

При Филатове была построена современная больница в Оганере, возведен православный храм «Всех Скорбящих Радость» и мусульманская мечеть, - первые в Заполярье. Филатов говорил, что «люди должны идти не к тем богам, которые на земле, а к истинному Богу».

В начале 90-х годов по инициативе музея истории Норильского промышленного района и городского общества «Мемориал» при поддержке администрации города и ГМК «Норильский никель» был создан Мемориальный комплекс. Участие в этом исторически важном деянии принимали энтузиасты из Норильска, стран Балтии и Польши. У подножия горы Шмидта на месте бывшего кладбища узников Норильлага был сооружен памятник-часовня в честь Честного и Животворящего Креста Господня. В День памяти жертв политических репрессий (30 октября) в часовне совершаются заупокойные богослужения. Около часовни в октябре 1995 года была открыта Братская могила «Памяти жертв политических репрессий». Могила облицована гранитом, на ней установлены символический крест с прислоненным венком и мемориальная доска с текстом: «Мир праху, честь имени, вечная память и скорбь о прошедших ГУЛАГ. Жертвам политических репрессий узникам Норильлага с покаянием» (автор - В.Н.Меликов).

На территории мемориала находятся памятники-кресты репрессированным эстонцам, латышам, литовцам и полякам, памятник евреям - жертвам лагеря и «Последние врата» - 56-метровая ограда с 5-метровыми воротами в центре. По замыслу скульптора композиция символизирует равенство перед Богом всех людей независимо от их вероисповедания. Сегодня Норильская Голгофа – часть исторического наследия Норильска и всей нашей страны, вместительное общечеловеческое скорби.

В центре города, у музея истории освоения и развития Норильского промышленного района 30 октября 2004 года был открыт памятник «Жертвам Норильлага», над созданием которого работали 15 лет (авторы проекта Лада Давиденко, Елена Арсеньева; скульптор С. Баскаев). Очень впечатляет изломанная фигура, вросшая в каменную кладку, опоясанная венком из сплетённых рук.

В июне 1989 года Постановлением Совета Министров СССР были объединены Министерства черной и цветной металлургии с образованием нового Министерства металлургии СССР. Создание такого ведомства было противоестественным, волюнтаристским. Подотрасли цветной металлургии оказывались на задворках. Под угрозой оказалось само существование Норильского промышленного комплекса, являющегося основным в СССР производителем никеля, кобальта, меди и металлов платиновой группы.

Филатов пошел на беспрецедентный шаг. С участием специалистов Норильского комбината, руководителей Госплана СССР, крупных экономистов (академиков АН СССР С.С. Шаталина и Н.Л. Петракова), было выработано решение о выводе из-под управления Министерства металлургии основных предприятий по добыче и переработке никеля, кобальта и платины. В ноябре 1989 года был образован «Государственный концерн по производству цветных и драгоценных металлов «Норильский никель» с прямым подчинением Совету Министров СССР. В состав концерна, головным предприятием в котором стал Норильский горно-металлургический комбинат, вошли также комбинаты «Североникель» и «Печенганикель» (Мурманская область), Красноярский завод обработки цветных металлов, Оленегорский механический завод. Руководителем концерна стал Филатов, сохранив при этом полномочия директора НГМК. Такая государственная структура была утверждена Министерством СССР. С образованием концерна ситуация с доходами улучшилась. Специалисты склонны были рассматривать экономическое положение концерна как устойчивое – за счет роста цен на металлы. Правда, зависимость от импорта становилась все более обременительной.

В 1992 году в Норильске побывал Е.Т. Гайдар, назвавший проблему приватизации первоочередной. Вопрос о вариантах акционирования оказался весьма сложным и потребовал заинтересованного участия государственных органов, профсоюзов, всех трудящихся. Анатолий Васильевич склонялся к так называемой

«открытой модели» экономики - созданию открытого акционерного общества с участием государства. В июне 1993 года концерн «Норильский никель» был акционирован и преобразован в «Российское акционерное общество по производству драгоценных и цветных металлов «Норильский никель». Контрольный пакет акций на первых порах был закреплён в государственной собственности, а Филатов решением правительства был утверждён в должности президента — председателя совета директоров РАО «Норильский никель».

В ноябре 1995 года контрольный пакет акций РАО «Норильский никель» на залоговом аукционе был продан «ОНЭКСИМ-банку», принадлежащему Владимиру Потанину и Михаилу Прохорову. Генеральный директор РАО «Норильский никель» А.В. Филатов был не согласен с итогами аукциона и пошел в атаку. Он обратился в Государственную думу с просьбой провести парламентские слушания по «Норильскому никелю», пересмотреть условия аукциона, а залоговую стоимость увеличить минимум до миллиарда долларов. В феврале 1996 года российские парламентарии приняли постановление, констатирующее, что «Норильский никель» является стратегическим предприятием, а в негативной экономической ситуации вокруг компании виноваты должностные лица, слишком поспешно проводившие залоговые аукционы. Это была серьезная поддержка, но она не спасла положение. В течение нескольких дней марта 1996 года на «Норильский никель» обрушился вал судебных исков. Прокуратура возбудила уголовное дело против руководителей комбината по факту «нецелевого использования средств». В апреле вышло правительственное распоряжение *«Освободить Филатова А.В. от должности председателя совета директоров – президента РАО «Норильский никель» в связи с переходом на другую работу».*

Экономический кризис, поразивший Россию в первой половине 90-х годов, по своим масштабам и глубине не имеет аналогов в новой истории. Действительно, за пять лет с 1990 по 1995 год объем ВВП сократился на 51%. Непродуманные меры по реформированию народного хозяйства поставили руководителей промышленности всех уровней в тяжелое положение. Стала рушиться сложившаяся в течение десятилетий система управления отраслями и крупнейшими производственными комплексами, разорвались длительные хозяйственные связи, денежные расчеты были подменены прямым товарообменом, надвигался кризис неплатежей.

Фондовый рынок был представлен исключительно акциями коммерческих банков, которые выплачивали высокие дивиденды. Коммерческие банки росли как грибы. Однако в августе - сентябре 1995 года начала разрабатываться принципиально иная схема. Речь пошла о резком ужесточении денежной и бюджетной политики с тем, чтобы к концу 1995 год обеспечить финансовую стабилизацию с темпами инфляции около 1% в месяц. С 1995 года Банк России прекратил использование прямых кредитов для финансирования дефицита федерального бюджета и перестал предоставлять целевые централизованные кредиты отраслям экономики. В стране продолжался спад производства, сохранялась высокая инфляция и значительный дефицит бюджета, а перераспределение собственности приобрело ярко выраженный криминальный оттенок. В 1995 году главным врагом стабилизации и экономического роста была объявлена инфляция, в целях борьбы с которой было принято решение о переходе от эмиссионных способов балансировки государственного бюджета к заимствованиям внутренним и внешним; началось ужесточение денежно-кредитной политики. Началась мощная перекачка капитала из производственной сферы в спекулятивную. Вымывание денег из производственной сферы привело к дальнейшему углублению кризиса неплатежей и, соответственно, снижению налоговых поступлений.

В марте 1995 года в правительстве родилась идея «залоговых аукционов», которая была закреплена указом Ельцина. Ельцину были нужны деньги на его предвыборную кампанию, ему помогли банкиры, с которыми он расплатился наиболее жирными кусками госсобственности. К 1995 году в РФ было организовано несколько крупных частных банков: Международная финансовая компания «МФК», Объединенный экспортно-импортный банк «ОНЭКСИМ-банк», банк «МЕНАТЕП» и другие. «ОНЭКСИМ-банк», вошедший в 1994 году в первую тысячу крупнейших банков мира, был зарегистрирован в Центробанке и являлся уполномоченным агентом Правительства РФ и Правительства Москвы по осуществлению внешнеэкономических

связей с привлечением валютных операций, то есть получил статус предприятия, пользующегося поддержкой государства. Президентом «ОНЭКСИМ – банка» с 1993 года являлся Владимир Олегович Потанин, одновременно он был председателем Совета директоров МФК. В.О. Потанин, характеризуя «ОНЭКСИМ-банк», назвал его коммерческим банком с государственным менталитетом. С августа 1996 по март 1997 года В.О. Потанин являлся первым заместителем председателя правительства РФ. Курировал экономический блок вопросов и координировал работу различных министерств и ведомств правительства. Возглавлял около 20 федеральных, правительственных и межведомственных комиссий. В мае 1998 года в связи с реорганизацией группы «ОНЭКСИМ — МФК-Ренессанс» Потанин занял пост президента инвестиционной компании «ИНТЕРПРОС». В декабре 2012 года Потанин занял пост генерального директора горно-металлургической компании «Норильский никель».

Схема «залоговых аукционов» была проста. Банки предоставляли Правительству РФ кредиты, и в качестве залога получали во временное пользование акции крупнейших российских предприятий. В случае не возврата кредитов пакеты акций переходили в собственность компаний, которые приобретали их в ходе аукционов. Схема залоговых аукционов превратилась не в способ наполнения российской казны, а фактически на сговор Ельцина и банкиров с целью присвоения государственной собственности. После аукционов оказалось, что пакеты акций крупнейших предприятий распродавались по заниженным ценам. Однако не только это является преступлением. Есть еще и «второе дно». Дело в том, что еще до организации аукционов правительство разместило на счетах банков, ставших участниками «действия», денежные средства, эквивалентные сумме полученных кредитов, то есть фактически банки кредитовали правительство его же собственными средствами.

Пока шла незримая борьба Филатова и Потанина, в Норильске бушевало настоящее противостояние сторонников банка и руководства комбината. Партии «Филатова» и «банка» вели активную агитацию в трудовых коллективах. Первые пугали народ, что «банкиры придут и всех повыгоняют», что в планах банка сократить численность комбината и ввести вахтовый метод. Вторые говорили о финансовых злоупотреблениях, фактах «разбазаривания народных средств», о «проворовавшемся руководстве». На Первомайской демонстрации 1996 года в одном месте сжигали чучело банкира в цилиндре с надписью «Потанин», в другом - делали то же самое с чучелом, где красовалась фамилия «Филатов».

После правительственного распоряжения об отставке, а главное – после президентских выборов, когда в июле победу одержал Ельцин, Филатов понял, что дальнейшая борьба не имеет смысла: *«Я рассуждаю так: при непонимании важности Норильска первыми лицами государства судьба комбината была решена. Если бы не Потанин со своим «ИНТЕРПРОСом», нашелся бы другой какой-то олигарх»*

История трансформации уникального советского металлургического производства в заполярный филиал концерна «Норильский никель» отражена во многих публикациях и даже книгах с разными политическими подтекстами. Есть книга и про последнего «красного директора» Анатолия Филатова, вышедшая в серии «ЖЗЛ»¹.

Анатóлий Васи́льевич Фи́латов (1935-2015) родился в городе Ельце Орловской области (с 1954 года - Липецкой области). После окончания в 1957 году Московского института тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова Анатолий Васильевич работал на Никелевом заводе Норильского горно-металлургического комбината: мастер,

¹Владислав Толстов. «Анатолий Филатов». Москва, «Молодая гвардия», 2018.

начальник цеха, главный инженер, а с 1973 года - директор завода. В 1976 году Филатова назначили главным инженером НГМК, а в 1988 году на конференции трудового коллектива его избрали Генеральным директором НГМК.

Являлся членом КПСС (1965-1991), депутатом Совета Федерации (1993-1996), входил в комитет по бюджету, финансовому, валютному и кредитному регулированию, денежной эмиссии, налоговой политике и таможенному регулированию.

Анатолий Васильевич добился всего исключительно благодаря своему упорству, уму и характеру. За выдающиеся заслуги в расширении производства и освоении новых производственных мощностей Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1985 году А.В. Филатову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

После отставки (1996) А.В. Филатов жил в Москве и руководил частной фирмой, оказывающей консультационные услуги в области обеспечения экологически чистого процесса добычи полезных ископаемых.

А.В. Филатов - автор 39 изобретений и 23 рационализаторских предложений, академик Российской инженерной академии, Почетный полярник, Почетный гражданин Таймырского автономного округа (1995), Почетный гражданин Норильска (2007) и села Хатанга Красноярского края.

Скончался в Москве, похоронен на Ивановском кладбище.

10. Все начиналось с преодоления... и неординарных свершений

« ...В начальных днях Норильска много не только горечи, но и славы. Подвиг его создателей в равной степени можно назвать подвигом эпохи!»
(«Правда» от 17.08.1966)

История Норильска – это история преодоления и борьбы с обстоятельствами. В Норильске многое происходило впервые и удавалось в результате неординарных технических решений, непрекращающегося эксперимента и практического воплощения смелой научной мысли. Помогали побеждать три жизненных закона, установленные Завенягиным («законы управления Завенягина»): 1) максимальная работа в нечеловеческих обстоятельствах; 2) спасение (в том числе собственное) - в неординарных решениях; 3) молодость - скорее достоинство, чем недостаток.

В 1938 году А.П. Завенягин получил согласие Москвы вести проектирование норильского никелевого комбината и заполярного города своими силами. Коллективу проектировщиков (вольных и невольных) пришлось изыскивать (и находить!) такие пути решения проблем, которые не встречались никогда ни у нас в стране, ни в мире.

Одна из сложностей заключалась в том, что существующие машины, материалы, технологии не были приспособлены к жестокой северной природе, где температура опускается до минус 60°C. В частности, особенно это проявилось при буровых работах, без которых в Норильске обойтись было никак нельзя. Существующая техника и технология бурения немерзлых грунтов не годились для бурения мерзлых грунтов. Пришлось разрабатывать другую конструкцию породоразрушающего инструмента и

менять режимные параметры бурения. При бурении горных пород пришлось дорабатывать существующую технологию бурения чугуной дробью и стальной дробью-сечкой, требующую большого опыта и приводящую к частым авариям. Горняки предложили и изготовили технологическую оснастку, которая почти исключала аварии. Она не утратила своей актуальности вплоть до середины 60-х годов, когда дробь стала вытесняться твердосплавными коронками.

В Норильске впервые было применено горячее бурение, что позволило выполнять полторы дневной нормы добычи руды.

Для предупреждения массовых случаев прихвата бурового снаряда и обвалок стенок скважины применяли глинистый раствор из шамотной глины. Её привозили с материка. Она была дорогой и дефицитной. Геологи нашли местную качественную глину, она оказалась лучше привозной. В начале 50-х годов её стали использовать на всех скважинах, что позволило резко увеличить производительность буровых работ.

Проектантам приходилось решать также множество текущих, жизненно важных бытовых проблем. Когда город ощутил нехватку ложек, кастрюль, стаканов, то проектный отдел организовал их производство на механическом заводе. Даже часы-ходики, детские игрушки, пуговицы, карандаши и прочее делали в Норильске. Когда возник дефицит гвоздей, стали делать их из огарков электродов.

Когда возникла острая нехватке бензина, но была завезена нефть, то проектный отдел разработал крекинг-установку, и бензин стали получать непосредственно в Норильске.

10.1 Коварства вечной мерзлоты и снежных заносов

История строительства города на вечной мерзлоте драматична и одновременно знаменательна. Драматична потому, что использовался труд заключенных Норильлага. А знаменательна потому, что в Норильске масштабно были освоены градостроительные технологии, нигде до этого не применявшиеся.

У проектантов не было ясности, как устраивать фундаменты под большие промышленные сооружения и жилые здания, возводимые на грунтах вечной мерзлоты. В 1935 году на земном шаре не было ни одного крупного промышленного предприятия, построенного в аналогичном районе и, соответственно, отсутствовали какая-либо литература и опыт строительства.

Проектанты начали работу с инженерно-геологических изысканий, мерзлотно-грунтовых исследований и классификации грунтов. Были определены участки со скальным основанием, залегающим на глубинах 8-30 метров, участки с галечно-гравийными грунтами, дающими при оттаивании малые осадки, участки грунтов, сильно насыщенные льдами, а также участки протаявшего грунта (талики) и подземные линзы льда, достигающие толщин до нескольких десятков метров и площадей до нескольких сотен квадратных метров. При этом, оказалось, что льдистые грунты разнообразны и непредсказуемы в разных местах залегания, они отличаются по температуре, степени цементации и другим свойствам. Все грунты ведут себя по-разному: и под нагрузкой, и при таянии.

По действующим на тот момент общесоюзным строительным нормам что-то строить в условиях вечной мерзлоты вообще было нельзя. Специальных же строительных технологий для Заполярья тогда не существовало. Строители не знали ещё про все коварства вечномерзлого грунта, которые заключаются в том, что талая вода не уходит вглубь грунта, на поверхности образуются «плавунуны». При замерзании плавунуны вспучиваются (из физики известно, что вода при замерзании увеличивается в объеме на 10%) и становятся «водяной бомбой». Фундаменты начинают «гулять»,

стены зданий трескаются, здания деформируются и становятся непригодными для эксплуатации.

Был опыт зарубежный. На севере Канады, в долине реки Маккензи в годы второй мировой войны было построено поселение, век которого оказался коротким, хотя оно не подвергалось сокрушительным бомбардировкам. Здания стали мертвыми и безлюдными из-за вечной мерзлоты. Мощная техника, градостроительная наука американцев тогда оказались бессильными в борьбе с мерзлотой.

В Норильске первым зданием, разрушенным из-за растаявшего основания, стал деревянный цех электролиза никеля. Это случилось летом 1936 года. Жилые бараки простояли еще год и тоже пришли в негодность. Под строительство промышленных объектов искали тогда только скальные основания, а их было мало, и находились они в неудобных местах и далеко друг от друга. Именно поэтому основные предприятия Норильска так сильно раскиданы по территории. Стройка в Заполярье оказалась делом долгим, трудоемким и невероятно затратным. Львиную долю этих ресурсов занимало устройство фундаментов. В большинстве случаев вечномерзлый грунт выбирали полностью до скального основания, выкапывая многометровые котлованы. Мерзлоту долбили и летом, и зимой – и по большей части вручную! Это не устраивало никого, но другого способа тогда не существовало. Пока все это делалось руками заключенных – с таким положением вещей мирились.

Но строить по такому же принципу большой город было нельзя. К тому же к середине 1950-х, в период перехода Норильского комбината на принципиально другую, «вольную» экономику, эти методы окончательно стали неэффективными. Норильску нужен был принципиально другой, революционный способ строительства. И он был найден – причем в самом городе!

С феноменом «вечной» мерзлоты человечество столкнулось достаточно давно. Но впервые в мире эффективно решить проблему надежного строительства на многолетнемерзлых грунтах и создать полноценный многоэтажный город «комфортного» проживания удалось в середине XX века и только в Норильске.. Именно на Таймыре научились использовать непредсказуемые ледяные основания для строительства крупных объектов – и промышленных, и жилых. И здесь же освоили и технологии мониторинга за состоянием вечной мерзлоты.

Двухэтажные дома на улицах Горной и Заводской попробовали строить с глубоким залеганием фундамента. Обычный грунт изолировали слоем в 15-20 сантиметров глиной и прикрыли его мхом. Заметили, что там, где землю покрывал мох, она оттаивала на небольшую глубину. Оказалось, что если выполнять принцип сохранения мерзлого состояния грунтов в основании зданий, то и проблему строительства на мерзлых грунтах все-таки можно решить. Так появилась идея столбовых фундаментов.

Столбовые фундаменты впервые были опробованы в 1937 году при строительстве кирпичного завода, который проектировал заключенный инженер-строитель Федор Григорьевич Холодный. Вместе с инженером-механиком Юрием Ерусалимским они забетонировали монолитные столбы по шпальному настилу, опирающемуся на «пароигловые» деревянные сваи. Аналогично была построена, легендарная временная электростанция ВЭС-2, малая обогатительная фабрика и первые трехэтажные дома на Заводской. В Норильск Федор Холодный попал после вторичного ареста в 1935 году, будучи инженером-консультантом «Моссельхозстроя». Первый раз он был арестован в 1926 году и отбывал срок на Соловках. Разработанный Холодным метод возведения зданий на столбах не был запатентован. Это сделали американцы много лет спустя (в 1975 году), когда применили его при строительстве нефтепровода на Аляске.

Но технология Холодного оказалась нерациональной: грунт приходилось сначала прогревать, он оттаивал, в скважину ставили сваю и все это потом замерзло. Получалось прочно, но нужно было долго ждать, когда мерзлота восстановится.

Но вот в 1950 году при строительстве большого 5-этажного дома со встроенным универмагом на Гвардейской площади (нынешний универмаг «Талнах») свайный фундамент уже был сделан по-другому. Дырки для свай сделали обычным буровым станком, вставили железобетонные сваи и залили цементирующим глинистым раствором. Сваи, заглубленные на шесть метров, вмерозились надежно и держат огромный дом до сих пор.

Технология свайного фундирования внедрялась трудно и медленно, несмотря на то, что была менее трудоемкой. После закрытия Норильлага в 1957-1958 годах исчез рабский труд заключенных. Жизнь заставила вспомнить рекомендации инженера-строителя Михаила Васильевича Кима, изложенные в 1945 году в его статье *«Методы формирования сооружений на мерзлых грунтах»*. Заключенный Ким изучал свойства вечной мерзлоты с 30-х годов. В 1959 году для решения проблемы строительства на вечномерзлых грунтах был образован Норильский комплексный отдел Красноярского института «Промстройинипроект», руководителем которого стал реабилитированный Михаил Васильевич Ким. Ким усовершенствовал метод Холодного. Он предложил ставить дома на сваях, которые размещались бы в скважинах, заранее выдолбленных... в той самой коварной вечной мерзлоте! При этом оттаивать ничего было не нужно! Никто и нигде до тех пор не рассматривал ледяные линзы в качестве надежного основания для строительства. Все свайные фундаменты раньше упирали в скалу, или рассчитывали на силу трения, для удержания постройки. А Ким сумел превратить вечного врага норильских строителей – вечную мерзлоту – в вечного друга.

Метод свайного фундирования Кима позволил снизить трудоемкость возведения фундаментов в десять раз, а их стоимость — в два раза. Таким образом, стройка занимала намного меньше времени: свайный фундамент возводился в пять-шесть раз быстрее любого другого типа фундаментов, и на порядок проще. При этом сама технология могла быть реализована двумя путями. Первый предполагал упор сваи в скалу, или надежную ледяную линзу, как бы глубоко они не находились (стандартные сваи выпускались в Норильске на заводе железобетонных изделий длиной до 32 метров!). Второй путь стороннему обывателю может показаться поистине фантастическим. Если вечная мерзлота залегала неглубоко, то сваю... вмораживали в ледяную основу, заливая шламом. И это оказалось не менее надежно, чем опираться ее на скалу или глубинный лед. При этом отказались от заостренных внизу свай, поскольку не было необходимости их забивать. Сваи круглого сечения заменили на квадратные. Во-первых, увеличилась площадь сечения, а значит, и нагрузка, которую может выдержать одна свая. А во-вторых, квадратные сваи стоили дешевле. Вместо двухсот свай круглого сечения можно было установить на один дом лишь сто квадратных свай. И если прежде на устройство фундаментов одного здания уходило до 18 месяцев, то теперь – 4-4,5 месяца.

После 1958 года жилые дома Норильска, как правило, строились только на сваях. О темпах строительства можно судить по архивным документам Управления строительства Норильска. В апреле 1961 года было забито 650 свай, в мае – 580. А в 1969 году темпы жилищного строительства в Норильске были официально отмечены как самые высокие в СССР! В целом, предложенный Кимом метод свайного фундирования оказался единственным способом построить на мерзлоте полноценный и многоэтажный город. Вначале свайные фундаменты, как основа для любого объекта, были встречены скептически, но практика доказала, что именно так строить надежнее всего. А после того как в Канаде был «законсервирован» построенный на вечной мерзлоте город Аклавик, все споры окончательно прекратились. Этот город строили одновременно с Норильском, но обычным способом, не изучая мерзлоту и не применяя передовые методы. К середине XX века растепление оснований и эрозия грунта сделали невозможным постройку там новых зданий, дорог и канализационной системы. Выход нашли другой, отличный от Норильска – канадское правительство приняло

решение о строительстве нового города, Инувика, уже на скальном основании, приблизительно за 53 км от Аклавика. Туда переехали почти все жители. В Норильске же выбор места расположения города оказался более чем ограничен, поэтому здесь научились использовать мерзлоту как основу!

Метод постоянно совершенствовали. С 1958 до середины 1970-х в Норильске применяли сваи, установленные только буроопускным способом: скважину проходит станок ударно-канатного бурения, свая свободно опускается в шлам, образующийся в результате ударного бурения; шлам замерзает, плотно замоноличивая сваю в мерзлом грунте. Для замоноличивания висячих свай также применяли буровой шлам, а впоследствии – известково-песчаный раствор. Установка каждой сваи была индивидуальна. Но эта технология перестала устраивать норильских строителей, когда население города стало расти. Необходимо было строить дома повышенной этажности и, главное, проводить уплотнительную застройку. А все пригодные для этого грунты селитебной территории были уже заняты. Нужны были новые технологии проходки грунтов и новые конструкции свай, причем надо было освоить работу при низких температурах. Тогда внедрили буронабивные и буро-добивные сваи-стойки с фантастическим экономическим эффектом. Таким образом строить в Норильске стали везде, где надо, а не там, где можно, как было тогда в других городах не вечной мерзлоте. Поэтому пустырей в городской черте в Норильске и не встретить...

Самое главное условие надежности свайного фундамента на вечной мерзлоте - это сохранение этой самой мерзлоты. Для этого и зимой, и летом под домом должно быть холодно, поэтому основная часть домов в Норильске приподнята над землей.

Что в Норильске называют подвалом? Это пространство между полом первого этажа и землей высотой 1,5-2 метра. Важно, чтобы под домом гулял ветер, а мороз не подтаивал мерзлоту, в которую вбиты сваи. Ким утверждал, что дома на сваях с проветриваемым подпольем при правильной эксплуатации могут стоять прочно, как на скале.

И все-таки в Норильске есть два дома с самыми настоящими подвалами. Они построены в 50-е годы. Там были организованы настоящие бомбоубежища на случай войны.

Понадобилось около 10 лет, чтобы технология свайного фундирования, впервые опробованная в 1937 году, стала окончательно общепризнанной. Это была волнующая эпопея борьбы мужественных людей с суровой природой. А ведь план развертывания строительства на 69 параллели в ту пору кое-кому казался утопическим. Многие крупные ученые выступали против этого плана, приводили веские доводы.

Одно из многих зданий, где хорошо просматривается проветриваемое подполье

Михаил Васильевич Ким (1907-1970) - ученый, инженер. Родился на Дальнем Востоке в деревне Кедровая падь (под Владивостоком) в корейской семье. Окончил рабфак при Дальневосточном университете (1927) и Ленинградский политехнический институт (1932). В 1932-1935 годах был аспирантом ВНИИ гидротехники и одновременно работал инженером-гидротехником Нижне-Волгопроекта. Арестован в 1935 году и обвинен в создании в 1924-1925 году на территории Приморского края «анархо-синдикалистской антипартийной контрреволюционной группировки», в связях с антипартийными группами в Корее и Манчжурии и т.п. Приговор - 4 года лишения свободы. Отбывал срок в Норильлаге. Работал инженером-гидротехником и старшим прорабом. Получил освобождение в 1939 году. В 1939-1959 годах - начальник мерзлотной станции и начальник отдела изысканий норильской проектной конторы.

С 1942 по 1967 годы М.В. Ким написал 42 научные работы (лично или в соавторстве). Уже в первых Бюллетенях технической информации (Норильск, 1943) изложены результаты наблюдений за температурным режимом вечномёрзлых грунтов, сделаны обобщающие научные выводы. В течение ряда лет Михаил Васильевич был преподавателем в Норильском горно-металлургическом техникуме. В 1956 году М.В. Ким был реабилитирован, в 1959-1970 годах был директором Норильского научно-исследовательского отдела Красноярского Промстройпроекта Госстроя СССР. Похоронен в Норильске.

• • •

Генеральный план города вместе с детальной планировкой района первой очереди был разработан в начале лета 1940 года. Главным архитектором проекта города был назначен Витольд Станиславович Непокойчицкий, приехавший в Норильск из Ленинграда в 1939 году. Над первоначальным генпланом работала группа проектировщиков, в которую входили Л.В. Миненко (жена Непокойчицкого), Ф.М. Усов, А.Е. Шаройко, Г.А. Ломагин и заключенные Микаэл Мазманян, Геворк Коча-Кочанян, М.А. Битадзе, Д.К. Волошин, М.С. Зайцев, Х.М. Меклер, Е.К. Стрельцов, Н.Н. Тороцко. В том же 1940-м строители приступили к осуществлению плана, но вскоре началась Великая Отечественная война. Осенью 1942 года заместитель Наркома внутренних дел А.П. Завенягин побывал в Норильске и распорядился продолжить работу над проектом города. Генплан был закончен летом 1943 года. В Москве Генплан был одобрен.

В Норильске на Октябрьской площади есть архитектурный ансамбль, которым мог бы гордиться любой крупный город. Он является украшением и визитной карточкой Норильска. Ансамбль был построен в 1951-1953 годах. Авторами зданий на Октябрьской площади были архитекторы Микаэл Мазманян и Геворк Кочар-Кочарян, сосланные в Норильск в 1938-м году (их еще называли «кавказскими пленниками»).

Въезд в город с южной стороны

В здании №1 ансамбля (слева) располагается Научно-техническая библиотека. Левое крыло жилое, а первый этаж жилой части дома занимает магазин «Сияние», один из немногих, сохранивших не только первоначальное название, но и направление торговой деятельности: торгует сувенирами, посудой и ювелирными изделиями. В башне библиотеки расположены администрация, читальный и референтский залы. На самом верху расположено хранилище старых книг и изданий. Правое здание №2 - брат-близнец здания №1. В нем располагается гостиница «Полярная звезда», за аркой находится жилая часть.

А на следующей фотографии – Гвардейская площадь, с которой начинается главная улица Норильска Ленинский проспект. Не может не восхищать архитектура зданий. 21 января 1954 года в день 30-летней годовщины со дня смерти В.И. Ленина на въезде в этот проспект был открыт памятник Ленину работы скульптора Меркулова.

Гвардейская площадь

• • •

Город сплошь теплофицирован. Но если проложить (как во всех городах) трубы под землей, то, как бы ни изолировали их тепло, рано или поздно грунт оттает и стоящие возле теплофикационных труб дома осядут или даже рухнут. В Норильске по поверхности земли уложены сотни километров труб диаметром до 1,6 метров: водоводы, канализация, теплофикация, паропроводы, пульпопроводы и другие технологические трубопроводы. Трубопроводы уложены по эстакадам и отдельным свайным или рамно-лежневым опорам.

Первыми крупными трубопроводами, уложенными на поверхности земли, были две нитки напорных деревянных водоводов циркуляционного водоснабжения ТЭЦ

диаметром 1,2 метра (1949 год). Пуск обогатительной фабрики в 1948 году резко поднял водопотребление. Озеро Долгое, являющееся основным источником воды, стало резко мелеть. Восполняемым источником воды в озере могла стать река Норильская, удаленная от города на девять километров. Было решено строить трубопровод. Но не хватало металла для труб. Параллельно в городе строили медный завод и туда шли все ресурсы. Руководитель «Спецстроя» Владимир Николаевич Всесвятский и его инженеры приняли решение часть водовода длиной четыре километра строить деревянным. К декабрю 1949 года водовод был построен. Деревянный водовод надо было замачивать, как бочки, и запускать только при положительных температурах. Однако наступили холода, 59-градусные морозы, и водовод давал большую течь. Инженеры опять проявили смекалку: несколько раз сбросив воду, они изолировали деревянный участок изнутри льдом, что позволило пустить воду на производство и в поселок. Деревянные участки трубопровода прослужили почти 20 лет. Только в 1969 году они были демонтированы и заменены на стальные. Для водоводов из стальных труб сначала применяли дорогую термоизоляцию. Но было доказано (расчетами, а затем и практикой), что при минимальной температуре воды в начале водоводов плюс 1-2°C термоизоляция оказывается излишней. Водоводы из стальных труб без изоляции, уложенные в 1945 году, работают безаварийно до сих пор. При сильных морозах на внутренних стенках труб образуется ледяная корка, но она исчезает при смягчении погоды без «ледохода в трубах». Для трубопроводов малых диаметров (до 25-30 сантиметров) образование ледяной корки уже представляет опасность, поэтому для таких труб применяется подогрев до более высокой температуры.

Труба водовода для питания ТЭЦ водой

Инженерный талант В.Н. Всесвятского находить решение, казалось бы, в самых безнадежных ситуациях, проявился и в 1943 году при строительстве плотины на озере Долгом. Плотина была нужна для поднятия уровня воды в озере, нехватка которой стала остро чувствоваться на производстве. Высота плотины - 18,5 метра, её основанием служила вечная мерзлота. Глинобетонное ядро плотины искусственно замораживали, вводя по трубам хлористый кальций. Однако в конце июля она начала таять, Всесвятский с инженерами стал искать выход. Способ спасения плотины от разрушения был найден. Плотину было решено одеть «в смирительную рубашку» - накрыть термоизоляцией из опилок и земли. Таяние прекратилась, плотина устояла.

Всесвятский Владимир Николаевич (1913- 1989) – энергетик, строитель, лауреат Государственной премии СССР (1961), почетный гражданин города Норильска (под номером три, после Урванцева и Воронцова) и города Дудинки (номер один). Родился в Угодском Заводе (ныне город Жуков) Калужской губернии в семье земского врача. По сведениям родных являлся прямым потомком известного российского предпринимателя, московского городского головы Ивана Лямина, состоял в родстве с Бахрушиными, Мамонтовыми и Третьяковыми. После окончания восьмилетки учился в Московском электротехникуме Наркомата путей сообщения. В 1938 году получил направление на работу в Мончегорск на строительство комбината «Североникель». В 1941 году был эвакуирован из Мончегорска в Кабардино-Балкарскую АССР на Тырныаузский комбинат, где трудился старшим прорабом по монтажу, за что был награжден медалью «За оборону Кавказа». В дальнейшем был направлен на работу в Красноярск и назначен механиком строительства речного порта.

В Норильск Владимир Николаевич приехал в 1943 году, где проработал 45 лет. Занимал должности: главный инженер и начальник «Спецстроя» (1943), заместитель начальника управления строительства Норильского комбината (1951), главный механик и главный энергетик комбината (1953), начальник Дудинского морского порта (1953–1957), начальник «Норильскснаба» (1957–1975). В.И. Всесвятский руководил строительством таких уникальных сооружений, как плотина на озере Долгое, деревянный водовод от реки Норильской до ТЭЦ, дома на сваях, железная дорога широкой колеи от Норильска до Дудинки. Он считается создателем крупнейшего в СССР контейнерного парка, разработчиком многих конструкций специальных контейнеров. Владимир Николаевич был инициатором внедрения круглогодичной навигации по Северному морскому пути в дудинском направлении, за что в 1981 году удостоен Государственной премии СССР.

В 1975 году Всесвятский с семьей переезжает в Москву, где возглавлял Московскую контору «Норильскснаба» (1975-1989). Одна из улиц города Дудинка названа именем В.И. Всесвятского.

Владимир Николаевич является прототипом главного героя пьесы «Проводы» Игнатия Дворецкого. В Московском театре имени Маяковского этот образ на сцене сыграл Армен Джигарханян.

• • •

В 1948-1950 годах на поверхности земли были впервые уложены трубы по перекачке пульпы (измельченной руды, смешанной с водой) от обогатительной фабрики до медного и никелевого завода (четыре и семь километров). В 60-х годах аналогичные пульпотрубы, обмотанные стекловатой и защищенные деревянными рейками, были проложены с Талнахской обогатительной фабрики на Никелевый и Медный заводы (30 км), а в конце 70-х годов гидротранспорт стал связывать Талнахскую обогатительную фабрику и Надеждинский металлургический завод (45 км). Транспортирование твердых материалов в потоке воды оказывается более экономичным способом, чем перевозки этих материалов железнодорожным или автомобильным транспортом, отличается высокой производительностью и экологичностью. К тому же гидротранспорт обеспечивает непрерывность и возможность полной автоматизации транспортного процесса.

• • •

Долго не удавалось обеспечить устойчивость при сооружении на мерзлотных грунтах железнодорожных путей, мостов, эстакад, автодорог. Были разработаны специальные способы стабилизации и укрепления земляных полотен, откосов, склонов. При проектировании автодорог и железнодорожных путей для сохранения в основании полотна мерзлоты стали делать насыпи высотой для автодорог 1,5 метра, для железных дорог не менее 1,2 метра. Выемки допускаются в исключительных случаях.

Земляное полотно железной дороги Дудинка-Норильск почти на всем протяжении имеет насыпи не ниже 1,5-2,0 метра. Водоотводные каналы расположены не ближе 20 метров от полевой бровки полотна.

• • •

Норильску катастрофически не хватало стройматериалов, разных и в больших количествах. Всё доставить с материка было невозможно. Тем более, что основной путь доставки грузов по Енисею прекращался зимой. Надо было искать местное сырьё. С помощью геологов были найдены кирпичная глина, известняки, песок, гипсовый и бутовый камень, щебень, мрамор и т.д. Удалось наладить производство цемента высшего качества (марки «портланд»), стекла, керамической плитки, керамзита, гипса и прочее. Керамзитовую установку создал инженер-металлург Л.Н. Дампель¹.

Большим достижением явилось производство собственного кирпича. В первые два года кирпич привозили с материка, даже из Воронежа, так как в районах Красноярского края излишков кирпича не было - не хватало и для собственных нужд. Из Воронежа привозили с многократными перевалками, что приводило к огромному бою кирпича, потере его качеств и баснословной стоимости.

Автором разработки собственного кирпича в Норильске стал Борис Ильич Левитанский, до ареста работавший главным инженером завода на Украине. Он предложил технологию производства красного кирпича из местных глин и необычного сырья алевролита - осадочной горной породы, запасы которой на Таймыре неиссякаемы. Первый кирпичный завод, построенный в 1937 году, в какой-то мере утолил голод в строительстве, но не удовлетворял требуемому спросу ни по количеству, ни по качеству.

Сама технология изготовления не позволяла получить нужное качество кирпича. Дело в том, что завод имел дело с мёрзлой глиной. Её приходилось оттаивать в специальных печах-жаровнях. Глина в мешалке машины превращалась в тесто и поступала транспортёрами в формовочную часть. Со стола формовочной машины кирпич-сырец поступал в камеры огневой сушки. Из-за резкого контраста температур, которые имели сырой сырец и сухой воздух в камере, кирпич-сырец уже в процессе сушки давал трещины. В кольцевой печи при температуре 950°С трещины увеличивались, и обожжённый кирпич терял свою монолитность, а значит, и высокую марку. Кирпич, выпускаемый первым кирпичным заводом, на строительстве жилья в то время почти не использовался. Его катастрофически не хватало. Несмотря на низкое качество, он все равно широко применялся на строительстве промышленных объектов. Другого материала для строительства комбината тогда попросту не было. А на строительстве бытовых и жилых зданий использовали бутовый камень.

Летом 1941 годы вступил в строй кирпичный завод №2, а в 1947 году и третий

¹**Леонид Николаевич Дампель** в 1930-х годах работал старшим инженером «Гипромега» в Ленинграде. В апреле 1934 года арестован как «участник контрреволюционной организации «Российская партия народного освобождения». Был приговорен к 10 годам лагеря, отправлен в Сиблаг и далее в Норильлаг. кирпичный завод. В 1950 году технологию изготовления кирпича усовершенствовали, реконструировав сушильные камеры и заменив огневую сушку паровой. Теперь сырец попадал в сушильную камеру и сушился строго по заданной программе, затем без каких-либо трещин и других изъянов переходил в кольцевую печь. Результаты реконструкции положительно сказались на качестве продукции. Кирпич стал иметь марку «100», редко «75», был прочным, лёгким, нетеплопроводным и, что очень важно, сохранял все свойства при многократном замораживании.

Долго не могли понять загадочную причину порчи кровельных железобетонных плит электролитного цеха Никелевого завода. Когда пригласили Бориса Ильича, загадка была разгадана. Спецификой цеха являлось постоянное наличие пара. В плиты снизу проникал пар, а сверху на плиты действовал 30-градусный мороз. Пар, соприкасаясь с холодом, превращался в лёд. Вот этот лёд и рвал плиты, крошил их. Когда по предложению Левитанского дополнительно снизу установили защитные плиты из пенобетона, порча кровельных плит прекратилась: пар перестал проникать в них.

Левитанский также организовал производство минеральной ваты и гипсолита. Сырьём для минеральной ваты послужил камень, называемый габбродиабазом, а для гипсолита сырьём явилась смесь гипса и золы.

Талантливый инженер-строитель Б.И. Левитанский освобожден из лагеря в конце войны, после чего стал главным инженером управления местных материалов.

• • •

Никто, нигде и никогда не решался на кирпичную кладку в морозы. По предложению инженера Степана Митрофановича Новицкого¹ и его товарищей-электриков на комбинате впервые был введен электропрогрев кирпичной кладки. Применение электропрогрева кладки дало возможность возводить стены крупных объектов и даже дымовых труб в лютые морозы. В частности, возведение дымовой трубы высотой 140 метра Никелевого завода производилось зимой. На тот момент труба была самой высокой в Европе. Скептики предупреждали: «Труба рухнет», но она стоит до сих пор.

В Норильске нашел широкое применение метод электропрогрева бетона. В августе 1940 года Завенягин попросил прислать из Москвы, из научно-исследовательской лаборатории железобетона двух специалистов: инженера-электрика и инженера-технолога по бетону. После освоения теории и практики электропрогрева осенью были организованы две группы по электропрогреву бетона, которые состояли из пяти рабочих и одного инженера. Одна работала на строительстве ММЗ (ею руководил С.М. Новицкий), другая – на ТЭЦстрое. С электропрогревом зима стала стройкам не страшна, круглый год шло бетонирование.

• • •

Бедствием в условиях Норильска всегда были снежные заносы, требующие больших затрат. У домов вздымались 10-метровые сугробы, улицы становились непроезжими, почти непроходимыми. За несколько часов остановившийся поезд могло полностью занести снегом.

В 1937 году была создана специальная служба для борьбы со снежной стихией. Но затраты на снегоуборку оказались очень большими и часто бесполезными. Пурги длились неделями, и терялся смысл расчищать пути, они сразу же заносились снегом. В сентябре 1939 года директор комбината А.П.

¹Новицкий – псевдоним. Настоящая фамилия Михайлов. Человек легендарной судьбы. Член партии с 1919 года. Во время гражданской войны был нашим разведчиком в Румынии. В Румынии был арестован и приговорен к смертной казни. Благодаря Советскому правительству Новицкий был спасен. В Норильск попал, имея срок тюрьмы 5 лет. В 1954 году С.М. Новицкий был реабилитирован, жил в Риге. Завенягин даже вынужден был принять волевое решение: «...железную дорогу Норильск-Дудинка для движения поездов закрыть до весны».

Против снежных заносов долгое время ничего не могли придумать. Однако на Таймыре нашелся такой человек, который, если не осилил, то перехитрил ревущие ураганы. Им оказался инженер-путеец Михаил Георгиевич Потапов, предложивший для борьбы со снегом щиты, которые стали широко применять с 1941 года.

Еще находясь в лагере, Потапов провел кропотливые исследования влияния на снежные заносы рельефа местности, направления и силы ветра, различных преград и т.д. В 1940 году Потапов предложил снегозащитные щиты «активного действия» – решетчатые и наклонные со щелями у земли. В наклонных щитах ветропоток отклоняется вниз, врывается в щели с дикой скоростью и подобно воздушному брандспойту сметает с дороги снег. При установке их в определенных местах ветер сам очищает от снега нужное место.

В 1941 году было изготовлено около 22 тысяч щитов, проложено 2,4 километра снегозащитных заборов. Эти щиты и заборы освободили от изнурительной работы тысячи людей, предотвратили недельные остановки на железных и шоссейных дорогах, дав экономию в десятки миллионов рублей.

В Норильске возникла целая наука борьбы со снегом, не имеющая прецедентов в мировой практике. Появились деревянные решетчатые заборы высотой 3,5-5,5 метров, наклонные продуваемые заборы высотой 6 метров, устанавливаемые за пределами железнодорожного габарита со стороны господствующих ветров, переносные снеговые щиты, крутые деревянные галереи, строящиеся в местах, где другие средства снегозащиты не применимы.

Заборы и щиты М.Г. Потапова до сих пор успешно работают в Норильске, но уже не имеют такого первостепенного значения как раньше, так как ныне появилась современная мощная снегоуборочная техника. Про М.Г. Потапова можно прочитать воспоминания его внучки Елены Семеновны Потаповой-Курковой¹.

¹Елена Потапова-Куркова «...Норильчане старшего поколения звали его дед Ветродуй». Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...», книга 3, Москва. «ПолиМЕдиа», 2003.

Михаил Георгиевич Потапов (1893-1954) – инженер путей сообщения, изобретатель. Его отец - богатый польский аристократ полюбил простую русскую девушку. Жениться на ней не мог, но участие в её судьбе и своего сына принял самое активное: купил молодой женщине дом и даже выдал её замуж. Когда Михаилу исполнилось семь лет, он взял его к себе в Польшу и дал ему отличное образование. После этого Михаил вернулся в дореволюционную Россию к матери, работал в Москве, женился на машинистке, у них родилась дочь.

До первой мировой войны Михаил Георгиевич работал на железной дороге техником участка, потом инструктором, одновременно учился в Московском институте путей сообщения. В гражданскую войну восстанавливал мосты на пермской дороге (Алатырь, Свердловск, Шадринск), взорванные колчаковцами.

В 20-х годах Михаил Георгиевич занимал невысокие, но руководящие должности в путевом хозяйстве. В московском управлении был старшим консультантом по научной организации труда, руководителем группы механизации. Все время что-то конструировал, придумывал. Изобрел новые лопаты по уходу за полотном, домкраты, приспособления к снегоочистителям, машину, избавлявшую рабочих от прополки травы вдоль насыпи (струя огня её выжигала). Одно из изобретений одобрил маршал Тухачевский, оно имело оборонное значение.

В 1937 году Потапова арестовали, в том числе и за связь с опальным маршалом. Военная коллегия Верховного суда осудила его на 10 лет плюс пять лет поражения в правах. В Норильск Потапов попал в 1939 году после Соловков. Сначала был на общих работах. Но затем ему помог, как ни странно, донос, в котором говорилось, что он тайком что-то пишет, считает, осматривает местность. Потапова вызвали к начальству. Вот тогда-то и выяснилось, что инженер Потапов придумал простое и очень действенное средство борьбы со снежными заносами. В 1940 году его назначили старшим инженером техотдела и поручили организовать систему снегозащиты. Потапов стал знаменит и получил имя дед Ветроуды. Жена Потапова находилась в колымских лагерях. Михаил Георгиевич обратился в 1941 году к директору комбината **А.А. Панюкову** с просьбой перевезти жену в Норильск. Просьба была удовлетворена. В конце 40-х годов директор комбината В.С. Зверев разрешил приехать к отцу и дочери Тамаре.

М.Г. Потапов является также автором ряда рационализаторских предложений по усовершенствованию зеркального прожектора, парового вентиля, совковой лопаты и др. В 1944 году Потапов был досрочно освобождён, в этом ему помог Завенягин. В 1945 году М.Г. Потапов был удостоен медали «За трудовое отличие». В 1950 году он получил авторское свидетельство на снегозащитные щиты своей конструкции.

В 1945 году изобретение Потапова, спасшее Норильск от недельных остановок на железной и шоссейной дорогах, выдвинули на Сталинскую премию. Но самолюбивый, хорошо знающий цену своему таланту изобретатель не пожелал привлечь в премиальную долю кого-либо из своих начальников, как это обычно делалось. И большое начальство лишило высшей награды недавнего заключенного.

В 1950 году при «чистке» инженерно-технических кадров Потапова сократили, он уехал в Канск. Там он был вторично арестован по старому делу и после пятимесячного пребывания в Красноярской тюрьме снова оказался в Норильске уже как ссыльный. За два месяца до смерти М.Г. Потапову разрешили выехать из Норильска в Черногорск Хакасской области, там он и похоронен. Через четыре года после его смерти вышел труд Потапова по снегоборьбе отдельной книгой.

В условиях вечной мерзлоты сложности возникали даже там, где их никто не ждал. Например, никто не ожидал проблем с водой, поскольку вокруг было полно озёр. Оказалось, что вода подо льдом из-за отсутствия воздуха протухает и не годится для питья. Коренные жители Таймыра пили воду, растапливая лёд. Во времена Матвеева для жителей поселка воду привозили бочками на лошадях и выдавали по ведру на человека в сутки. Воды не хватало, поэтому возле жилых барачных корпусов с помощью самодельных кипятильников постоянно топили снег.

Первый водопровод в Норильске был построен в 1939 году. Воду нашли под землёй. Оказалось там её много, причём хорошего качества. Был создан сложный комплекс оригинальных гидротехнических сооружений. Многие для инженерных сетей были разработаны впервые. Водой были обеспечены как бытовые, так и промышленные нужды.

Ныне город Норильск снабжается подземными источниками Талнахского, Амбарнинского, Ергалахского водозаборов, а также поверхностными водозаборами из реки Норильской, Усть-Хантайского и Подкаменского озёр. Открыто и введено в эксплуатацию Вальковское месторождение минеральных вод, на базе которого действует профилакторий. В Талнахе же пьют только чистейшую артезианскую воду, добываемую с помощью скважин, там нет очистных сооружений.

Совсем уж неожиданной оказалась проблема с устройством защитного заземления электрических сетей, электрооборудования, высоких зданий и сооружений. Все знают, что одним из проводов при передаче электрического тока при трехфазной системе является так называемый нулевой провод, который должен быть заземлён, а при сооружении высотных сооружений должен быть сооружен еще и молниеотвод. Обычно в качестве заземлителя используется земля, грунт. Как обычно осуществляют заземление? Вбивают

в землю металлическую трубу, рельс или стальные стержни, и присоединяют к ним нулевой провод или молниеотвод. В мёрзлом же состоянии земля является изолятором, плохим проводником электричества и не может служить заземлителем. Без надежного заземления энергомашины не могут работать, без громоотводов нельзя строить высокие объекты.

Один из заключенных Норильлага В.Н. Глазанов ещё во времена завенягинского руководства комбинатом убеждал начальство в том, что энергохозяйство Норильска создается с чудовищными нарушениями техники безопасности. Заземление существовало, но лишь как техническая показуха, как грандиозная инженерная туфта. Применялась традиционная технология заземления: вбивали в вечную мерзлоту трубы, прокладывали в ледяной почве металлические шины и рельсы, присоединяли к ним электротехнические устройства и рапортовали, что электрическая безопасность обеспечена. С помощью точных замеров электрического сопротивления Глазанов доказал, что ни один из применяемых заземлителей не соответствует техническим нормам. В 1944 году начальство поручило Глазанову создать энерголабораторию по контролю правильной эксплуатации электрических агрегатов и сетей.

По проекту Глазанова в Норильске был сооружен так называемый «озерный заземлитель», к которому подсоединили все энергоустановки комбината. Была реализована очень простая идея. На территории поселка Норильск существует глубоководное озеро Долгое, вода которого использовалась для охлаждения конденсатора ТЭЦ. Озеро даже в свирепые морозы не промерзает насквозь, на его дне - нормальная почва. И вот на дне озера соорудили массивную антикоррозийную (свинцовую) сетку, которая позволила осуществить надежное защитное электрозаземление.

С именем Глазанова связан первый опыт электропрогрева мерзлого грунта. В 1942 году сложилась очень сложная ситуация при строительстве кобальтового завода. Площадку под завод с плавильными печами искали со скальным основанием. Такая площадка была найдена, но надо было снять мерзлотный грунт толщиной около 30 метров. Обычными методами с помощью костров, раскаленных ломов, кувалд и клиньев невозможно было уложиться в сжатые сроки строительства. Глазанов предложил использовать для оттаивания грунта электропрогрев. Втыкали в мерзлые грунты стальные прутья, подавали на эти прутья промышленное напряжение 380 В. Чтобы увеличить проводимость грунта в него вливали раствор поваренной соли. Протекающий между электродами ток разогревал мерзлую почву. Котлован удалось подготовить в требуемые сроки.

Или вот еще одно из его технических изобретений. На руднике открытых работ надо было произвести вскрышные работы, чтобы добраться до глубинной рудоносной массы. Взрывники заложили несколько мощных зарядов, чтобы потом последовательно подорвать их. Но максимальная эффективность могла быть получена при условии, что взрывы последуют один за другим через сотые и десятые доли секунды. Но приборов, которые бы гарантировали такое точное время включения запалов, в Норильске не было. И опять выручил Глазанов. Он сконструировал прибор-таймер, используя свободное падение тела. В просторной стеклянной трубе высотой в два метра были на определенных расстояниях впаяны лепестки электродов. При падении гирьки в трубе через десятые доли секунды происходило последовательное замыкание электродов, что и нужно было взрывникам. Запланированный эффект при взрыве был получен.

Диапазон технических разработок Глазанова, его изобретений и исследований оказался очень широким. Все идеи Глазанова нашли практическое воплощение и принесли большую реальную пользу. Они также были положены в основу его будущих кандидатской и докторской диссертаций.

Владимир Николаевич Глазанов (1898-1964) – советский ученый электрофизик, доктор технических наук, профессор. Родился в Санкт-Петербурге, в 1927 году окончил Ленинградский политехнический институт. Несколько лет работал заместителем директора по научной работе Ленинградского физико-технического института, директором которого в те годы был А.Ф. Иоффе. Одновременно там трудились Д.И. Блохинцев, И.В. Курчатова, А.И. Лейпунский, Н.Н. Семенов, Д.В. Скобельцын, Г.Н. Флеров и другие. С 1930 года Владимир Николаевич вел научную и преподавательскую работу в Ленинградском электротехническом институте, являясь сначала доцентом кафедры техники высокого напряжения, затем начальником высоковольтного отдела и, наконец, заместителем директора.

В 1936 году ученого В.Н. Глазанова, широко эрудированного интеллигента, знавшего и любившего художественную литературу, владевшего английским, немецким и французским языками, прошедшего научную стажировку в Германии и США, арестовали и осудили на 8 лет. Обвинение гласило: «...участие в контрреволюционных сборищах», «подбор в институте троцкистских кадров» и т.п. Срок заключения В.Н. Глазанов отбывал сначала на Соловках, затем в Норильске. В Норильске по указанию Завенягина Владимира Николаевича расконвоировали и предоставили возможность заниматься научной работой. По ходатайству начальника комбината В.Н. Глазанов в 1943 году был освобожден досрочно (на год раньше), и ему в конце года было разрешено съездить в Москву для защиты кандидатской диссертации.

В январе 1944 года и.о. начальника Норильского комбината В.Б. Шевченко подписал приказ об организации при отделе главного энергетика центральной энерголаборатории (ЦЭЛ), которую возглавил В.Н. Глазанов. ЦЭЛ занималась вопросами теплоконтроля и электрозащиты ТЭЦ, всех электросетей и подстанций, а также осуществляла надзор за действующими установками.

В июле 1946 года Глазанову разрешили уехать из Норильска. Поселился он в Обнинске и сразу стал участником атомного проекта. До 1949 года работал в спецлаборатории МВД, созданной в 1945 году для решения задач, связанных с созданием ядерных реакторов. В 1950 году спецлаборатория была преобразована в Физико-энергетический институт (ФЭИ).

В декабре 1955 года В.Н. Глазанов получил документ о реабилитации и сразу же восстановил партийность. В 1956 году он стал заместителем директора ФЭИ по науке и был привлечен к работам по отечественной программе создания реактора на быстрых нейтронах. В 1950 году директор ФЭИ член-корреспондент АН СССР Д.И. Блохинцев подписал приказ о создании Обнинского Института атомной энергии (ИАТЭ). Организация ИАТЭ была поручена В.Н. Глазанову. Владимир Николаевич возглавлял институт с 1959 года до неожиданной смерти в 1964. Этот институт стал единственным в СССР высшим учебным заведением, готовившим специалистов в области высших технологий для организаций ядерной энергетики.

В июне 1962 года Постановлением Совмина ИАТЭ стал филиалом Московского инженерно-физического института (МИФИ), а с 1985 года Минвуз СССР преобразовал филиал МИФИ в самостоятельный ИАТЭ. С ноября 2011 года ИАТЭ именуется как филиал «Национального исследовательского ядерного университета МИФИ».

Память о В.Н. Глазанове в городе Обнинске воплощена в мемориальных досках на здании ускорителей в ФЭИ и на главном здании ИАТЭ (ныне филиал НИЯУ МИФИ), от которого проходит туевая аллея, названная его именем.

10.2 Изобретатели выручали и в производстве, и в быту

В начале 50-х годов плановые задания по добыче руды возросли настолько, что их стало невозможно выполнять при существующих мощностях рудников. На руднике 3/6 в 1953 году, начальником которого был Р.М. Крестников, а главным инженером А.П. Прокопенко¹, нашли оригинальный способ выемки жильной руды², оставшейся в отработанных подземных камерах в виде целиков³. Чтобы предотвратить обрушение кровли из-за выемки руды в целиках, применили в соседних отработанных камерах ледовую закладку. Это позволило какое-то время не только выполнять, но и перевыполнять план по объемам добычи жильной руды.

Так как в подземных выработках круглый год держатся отрицательные температуры, пришла идея использовать для крепления старых камер лёд. Организовали специальный

подземный участок по намораживанию льда в отработанных камерах. Возвели ряд бетонно-деревянных перемычек по периметру камер и стали закачивать воду. Но оказалось, что даже после нескольких недель вода в центре камеры не замерзала. Пришлось делать заморозку послойно. Практика внедрения ледовой закладки подсказала нужную технологию залива: толщину слоёв и время замерзания. Этот метод стал использоваться повсеместно. В дальнейшем он был ещё более усовершенствован стараниями талантливого горного инженера Василия Карповича Иванова.

В условиях послевоенного времени, когда существовал острый дефицит материалов и оборудования, применение льда в качестве закладки дало большой экономический эффект, ведь из целиков, руда в которых считалась технологически потерянной, были извлечены сотни тонн богатой жильной руды.

Бывали примеры изобретательности даже с риском получить новый лагерный срок. В апреле 1943 года в штольне №6 рудника 3/6 интенсивно шли вскрышные работы – впереди находилась богатая жильная руда. Но при проходке штольни большого диаметра кончился крепежный металл. На комбинате резерва не оказалось. С материка металл могли доставить только в июне, с началом навигации на Енисее. Ждать нельзя. Что делать? Расконвоированный заключённый Моисей Исаакович Евзеров, работающий на руднике техническим руководителем, предложил проходить штольню на деревянном креплении с последующим его бетонированием. Но как поведет себя дерево в бетоне? Не будет ли оно гнить? Ведь могут появиться пустоты и тогда в штольне могут образоваться завалы. Проектный отдел комбината отверг это предложение, настаивая на металлическом креплении. Формально проектный отдел

¹Александр Петрович Прокопенко упомянут в этой книге, в разделе «Мое знакомство с Норильском». Там описано, как Александр Петрович и его жена Ида Ильинична стали моими «новыми родителями». В 1954 году «новым родителям», бывшим политическим заключенным, разрешили выехать из Норильска. Так я оказался в Москве. Ростислав Михайлович Крестников и Александр Петрович сохраняли дружеские отношения. Александр Петрович умер в 1963 году. Ростислав Михайлович живет в Москве, в апреле 2021 года ему исполнилось 95 лет. Мы с ним общаемся. Он сохраняет бодрость, «болеет» за Норильск.

²Жильная руда – руда, которую можно было пускать в переплавку без обогащения.

³Целики оставляют для поддержания от обрушения кровли и боков открытого очистного пространства, которое в период выемки руды не заполняется закладочным материалом и не защищается от обрушения кровли специальными крепями.

был прав. Евзеров утверждал, что деревянная крепь в бетоне при минусовой температуре гнить не будет. Он на свой страх и риск запустил в производство свой проект без утверждения комбината. Случись беда, его бы обвинили во вредительстве и дали бы новый срок - это происходило в военное время.

М.И. Евзеров, ещё раньше при работе техруком в 1939 году на шахте «Надежда», проявлял техническое новаторство. Там при возросших объёмах добычи угля стало не хватать копелевских самопрокидывающихся вагонеток. На «Надежде» лежали двенадцать анзеновских вагонеток без употребления, так как они не имели опрокидов. Евзеров предложил эскиз опрокида, который был сделан в шахтной кузнице. Опрокиды установили, и анзеновские вагонетки стали работать.

Моисей Исаакович Евзеров (1901-1985) родился в г. Велиже Смоленской области. Член ВКП(б) с 1919 года. В гражданскую войну работал в политуправлении Западного фронта. После демобилизации в 1921-м находился на партийной работе. В 1932 году закончил Московскую горную академию (учился вместе с А.П. Завенягиным). Являлся первым советским управляющим рудников «Грумант Сити» на Шницбергене. В середине 30-х годов работал управляющим одного из рудоуправлений Кузбасса. В 1937 году М.И. Евзеров был репрессирован и осужден на 10 лет по политической 58-й статье. Находясь в заключении в Норильлаге, первое время работал техническим руководителем угольных шахт. За добросовестность и профессионализм в работе в 1940 году был расконвоирован. Далее работал главным инженером

шахты №12, начальником шахт №12/14 и №11, начальником рудника №7 (1946-1948). В 1955 году Евзеров получил освобождение. Два последних норильских года он занимал должность заместителя начальника техотдела управления рудниками комбината. Был занесен в Книгу Почета Норильского комбината. Евзеров прожил в Норильске 20 лет и покинул его в 1957 году, уехав в Мурманскую область, где до 1961 года работал заместителем директора комбината «Печенганикель». Похоронен в Москве. После себя оставил записки о своей горькой судьбе под псевдонимом Михаил Ильич Левин¹. Об отце и норильской жизни оставила также воспоминания его дочь Инесса Евзерова-Качурина².

¹Моисей Евзеров. «Нераскаившийся враг вновь в строю борцов за индустриализацию своей страны, за Социализм...». Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...». Книга 1. Москва. «ПолиМедиа», 2003.

Моисей Евзеров. «Не было той радости, с какой обычно заключенный покидает тюрьму. Слишком долго пришлось ждать этой минуты». Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...». Книга 2. Москва. «ПолиМедиа», 2003.

²Инесса Евзерова-Качурина. «Интернационализм и дружба – это был дух Норильска...». Воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...». Книга 4. Москва. «ПолиМедиа», 2003.

Уникальность Норильского региона заключается в сочетании в одном месте полиметаллических руд и горючего материала - каменного угля. Без своего угля норильчане не смогли бы выжить в условиях заполярного климата. Первые угольные шахты появились в 1937 году на горе Шмидтиха, через несколько лет - на горе Надежда и на Кайерканском месторождении. Коксующиеся угли этих шахт нуждались в обогащении. Огромная работа (с 1939 по 1955 годы) по обогащению норильских углей была проделана заключённым Петром Яковлевичем Ярутиным, назначенным работать по этой теме лично А.П. Завенягиным. Освобождённый от конвоирования, он сначала работал просто инженером, затем руководителем группы, а с 1942 года - начальником углеобогатительной лаборатории.

За разработку схемы обогащения углей и проектирование углеобогатительной фабрики лагерный срок Ярутину был сокращён на 9 месяцев. Предложенный им процесс обогащения угля оказался очень эффективным, что дало возможность увеличить выход коксующегося угля при гашении. Занимался Ярутин также обогащением железных руд. Ярутин преподавал в Норильском горно-металлургическом техникуме, где читал курс «Дробление и грохочение» на обогатительном отделении.

Ярутин пытался реализовать прекрасную идею транспортировки угля от рудника до поселка Норильска (2 км) водой по желобам. Он доказывал, что такой вид транспорта даст колоссальную экономию. Но эта идея тогда не нашла поддержки у руководителей. Она была реализована в 60-е годы.

Петр Яковлевич Ярутин (1895-1979) – ученый, горняк. До ареста занимал должность директора Горного института в Свердловске. В 1937 году был осужден на 10 лет. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской деятельности. Освобождение пришло через 11 лет. После реабилитации в 1955 году П.Я. Ярутин возвратился в Свердловск, где занимался научной работой и преподавал в Горном институте.

Норильску требовалось очень много взрывчатки, её не хватало. В тяжёлый 1942 военный год одна из барж, нагруженная взрывчаткой для Норильска, затонула на Енисее. Это особенно усугубило ситуацию. Взрывные работы велись только в подземных рудниках.

Заключенный инженер Юрий Натанович Зинюк предложил делать взрывчатку из оксилитвита¹, который применялся в стране в довоенное время, но применение его было приостановлено из-за нескольких неожиданных взрывов, унесших жизни людей. Для детального исследования малораспространенного и опасного взрывчатого вещества, тем более в условиях Заполярья, в марте 1942 году в Норильске была создана специальная лаборатория. Плодотворной оказалась идея использования в

качестве горючей основы (поглотителя) таймырского мха-сфагнума (ягеля), за тысячелетия превратившегося в торф. Было установлено, что оксиликвит на основе мха-сфагнума, пропитанного жидким кислородом, является мощным взрывчатым веществом и при этом менее опасным. Но не все было гладко при отработке технологии, были неудачи, даже трагедии со смертельными случаями.

Первый опытный взрыв состоялся на руднике «Угольный ручей» в июне 1943 года. Патроны поглотителя залили кислородом в специальных ящиках-термосах. Ящики отвезли в карьер, там извлекли патроны крючками, осторожно протасили к скважинам и опустили в них на других крючках. Несколько патронов в каждой скважине обмотали детонирующим шнуром, его концы соединили в общую сеть с капсюлями-детонаторами. Когда все скважины были заполнены, а сеть смонтирована, подожгли бикфордов шнур, и скала взлетела на воздух. Это был грандиозный успех! Летом 1943 года осуществили пуск кислородной установки, доставленной в Норильск благодаря содействию А. Завенягина, и на руднике открытых работ «Гора Рудная» построили оксиликвитный завод, который работал до 1956 года.

Наряду с оксиликвитным заводом в Норильске был построен также завод динамонов. Динамон - взрывчатое вещество типа аммонитов из аммиачной селитры и тротила, но с добавлением того же мха-сфагнума, что и в норильском оксиликвите. Изобретателем динамона был тот же Ю.Н. Зинюк, предложивший технологическую схему производства динамона. Зинюк начал испытывать взрывные составы из случайно обнаруженной в Дудинке слежавшейся за много лет аммиачной селитры. Он делал смеси аммиачной селитры с нефтяным битумом, с торфом-сфагнумом. Взрывчатые вещества с битумом давали средние результаты, а с торфом-сфагнумом, взятым в точном взрывном соотношении по взрывному балансу и тщательно перемешанным, давало очень хорошие результаты. Вообще, пока шла война, завод динамонов и завод оксиликвитов дали десятки тысяч тонн взрывчатых

¹**Оксиликвіт** - взрывчатое вещество, получаемое пропиткой жидким кислородом горючих пористых материалов (уголь, торф, мох, солома, древесина).

веществ для фронта. Так в Норильске решили сложнейшую проблему взрывчатых веществ. Оксиликвитная технология в Норильске отработывалась много лет и к началу 50-х годов была доведена до совершенства.

Достижения норильчан по изучению и промышленному применению оксиликвита были представлены на Сталинскую премию. Отчет по оксиликвитам готовили начальник завода Юрий Натанович Зинюк, технический руководитель Марк Шевельевич Кантор и начальник лаборатории Сергей Львович Щеглов (Норильский). Помимо упомянутых непосредственных исполнителей в список лауреатов была включена вся административная лесенка. Через несколько месяцев после отправки материалов в Москву (конец 1949 года) Сталинская премия третьей степени была присуждена, но в списке лауреатов не оказалось ни Зинюка, ни Кантора, ни Щеглова – они были заключенными.

Юрий Натанович Зинюк (1903-1987) - инженер-строитель. В 1918-1919 годах работал рабочим на кожевенном заводе в Одессе. В 1919-1922 годах служил политработником в Красной Армии. После Гражданской войны работал на кожевенных заводах в Вятке и Москве, в 1926-1928 годах - заместитель директора кожевенного завода «Красный большевик» в Симферополе. В 1926 году Зинюк вступает в ряды ВКП(б). С сентября 1928 года по командировке ЦК ВКП(б) его направили на учебу в Ленинградский политехнический институт. Через полгода Зинюка из института отчислили за негодные политические взгляды. До ареста Зинюк работал начальником строительства объектов Кемеровокомбинатстроя.

В апреле 1937 года Ю.Н. Зинюк был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Содержался в Вологодской тюрьме, а с июля 1939 года в Норильлаге. В Норильске Зинюку дали

возможность руководить производством оксиликвита. Освободили Зинюка в 1946 году, но в марте 1952 года его повторно приговорили к бессрочной ссылке. Жил на спецпоселении в Норильске.

Полное освобождение Зинюк получил в 1954-м, реабилитирован в 1956 году. После освобождения жил в Ленинграде, работал научным сотрудником в НИИ.

В Норильске впервые пришлось столкнуться с самовозгоранием сульфидных руд, хранящихся в порошковом виде. Сульфидные руды – это минеральные руды с примесью серы. При хранении таких руд в порошковом виде в открытых бункерах происходит их окисление, образование пара с сернистым газом и самовозгорание. Особенно эта проблема стала острой при транспортировке руды в трюмах судов из Дудинки в Кандалакшу.

Методику борьбы с этим явлением разработал заключенный инженер-химик из Эстонии Арно-Тоомас Пихлак. Он долго экспериментировал и нашел простое решение: чтобы не было самовозгорания, трюмы не должны проветриваться, а температура в них должна быть близка к нулевой.

И еще почему хочется вспомнить Артура-Тоомаса Пихлака! Он – один из немногих, кто очень серьезно относился к сланцевому природному газу, получаемому нетрадиционными методами из осадочных пород. С конца 70-х годов XX века он занимался сланцами и даже в соавторстве получил патент об извлечении рения из сланцев. Пихлак говорил, что сланцевый газ на Таймыре (где его много!) может стать достойным конкурентом традиционному природному газу. Следует заметить, что СССР начал разрабатывать технологию добычи сланцевого газа раньше других стран. В нынешней же России существует недооценка возможности использования как сланцевого, так и газогидратного газа.

Арно-Тоомас (Арно Артурович) Пихлак (1926-2013) – инженер-химик. Родился в Таллине в семье железнодорожного инженера. В 1940 году закончил гимназию.

После присоединения Эстонии в 1940 году к Советскому Союзу за семь дней до начала Великой Отечественной войны началась массовая высылка людей из Эстонии в отдаленные области России. Арестовали отца, а 14-летнего Арно, 8-летнюю сестру и мать сослали в Кировскую область. Несмотря на тяжелые условия жизни, Арно сумел в 1943 году закончить 8-й класс. В 19 лет стал инвалидом III группы - вследствие операции (вскрытия флегмоны в коленном суставе). В 1947 году Арно-Тоомасу разрешили вернуться в Эстонию. Он сразу же поступил в политехнический институт в Таллине.

В марте 1949 года произошла очередная депортация эстонцев в Сибирь. Арно Пихлак не избежал ареста, его осудили на 10 лет по политической статье и отправили в Норильск. В Норильске Пихлак поначалу «осваивал» земляные работы, затем был переведен на работу в геологический отдел угольной шахты поселка Кайеркан. За хорошую работу был расконвоирован. В 1955 году его пригласили работать в лабораторию ГМОИЦ, где он занимался исследованиями газоносности норильских углей и газообильности горных выработок угольных шахт. Вот здесь у Арно и проявился талант ученого-исследователя. В ноябре 1956 года Арно-Тоомаса Пихлака реабилитировали. В 1966 году он возглавил исследовательский участок по борьбе с рудничными пожарами, самовозгоранием углей и сульфидных руд. Под руководством Пихлака была разработана методика по предотвращению окисления и самовозгорания углей и сульфидных руд. Разработанная Пихлаком методика по предотвращению самовозгорания углей и сульфидных руд в 1973 году была включена в Международный кодекс безопасной практики морской перевозки твердых навалочных грузов.

В 1975 году после сердечного приступа и совету врачей Арно покинул Заполярье и вернулся в Таллин, где работал в Национальном институте химической и биологической физики. Там он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исследование процессов окисления сульфидных медно-никелевых руд Талнахского узла». В 1979 году Арно уехал в город Мирный Якутской области, где руководил работами по гидрогеологии и дегазации алмазных месторождений. В марте 1982 года, став пенсионером, Арно снова вернулся в Таллин.

На счету Арно Артуровича 210 научных публикаций, он – инициатор нового глобального проекта ЮНЕСКО «Кислород и окружающая среда».

На Таймыре долго не могли найти доступного и эффективного средства борьбы с цингой, поражающей человека в Заполярье во время долгой зимы, когда отсутствует солнце. И вот такое средство появилось - противоцинготный хвойный квас. Его разработал Григорий Соломонович Калюсский, который до ареста был известным врачом и священнослужителем. В хвое ёлки был обнаружен витамин «С». Весной 1941 года на озере Лама было организована «витаминная фабрика». Квас получался тягучим, густым и запредельно кислым. Почти во всех столовых Норильска стояли баки с хвойным квасом. Санитары с грозным видом заставляли каждого выпить кружку хвойного кваса из бочки. В лаготделениях зимой и весной заключенные должны были в обязательном порядке перед обедом пить хвойный квас, «не допуская случаев уклонения», вплоть до административных наказаний. Даже спустя десятки лет те, кто отведал этот квас, не могли вспоминать его вкус без содрогания. Но хвойный квас спас от цинги много-много тысяч людей.

Г.С. Калюсский прославился в Норильске ещё и тем, что по его удачной идее была разработана и внедрена промышленная установка по производству серной кислоты из отходящих газов Малого металлургического завода. Цех электролиза, построенный в 1942 году для производства никеля, в 1943 году не мог работать без серной кислоты. В стране серная кислота являлась одним из самых остродефицитных продуктов. Ее завозили самолетами из Великобритании. Основная часть поставок серной кислоты шла на производство взрывчатки для фронта и электролита для танковых аккумуляторов. Оставшиеся крохи по килограммам распределял лично нарком боеприпасов. Норильску нужны были не килограммы – тонны. Поэтому, когда инженеры Никелевого завода освоили выпуск кислоты из отходящих газов, они спасли комбинат. Форсированно были сооружены обжиговая печь, газоходы. Пришлось устранять много неполадок по выходу из строя холодильников (сначала чугунного, потом ангидридного). И только в декабре, когда валившиеся с ног от усталости инженеры Анисимов и Калюсский сконструировали змеевик, сернокислотный комплекс был введен в строй. В 1944 году на площадке Никелевого завода заработала первая сернокислотная установка. Спустя год комбинат отказался от привозной кислоты, перейдя на собственную.

В конце 1941 года в норильском совхозе от недоедания перестали давать молоко коровы. И тогда женщины, работающие в совхозе, в основном заключённые, придумали коровий хлеб: ягель и мох, плюс добавка некондиционного пшена. Бурёнки были спасены и стали давать молоко. Директором совхоза был Н.И. Иевский.

Николай Иванович Иевский (1880-1949), человек с удивительной биографией. Сын акцизного чиновника. Окончил шесть классов гимназии, но писал и читал по-французски и по-немецки. В чине унтер-офицера служил чиновником, два года воевал в русско-японской войне 1905 года. Вернулся в мундире штабс-капитана при всех боевых наградах, включая Георгия. Участвовал в первой мировой войне. После победы большевиков в Октябре его выбрали начальником штаба полка революционной армии. Был начальником дивизии, помощником командира полка, командиром Первого конвойного полка в Москве. В 1931 году тройка ОГПУ присудила ему пять лет как главе «контрреволюционной группы офицеров». Два года находился в Вишерских лагерях, а с 1933 года стал уполномоченным Гулага в Свердловске и Красноярске, а с 1937 году – сначала помощником начальника, а затем начальником лагпункта в Дудинке. Завенягин к нему присмотрелся и назначил директором совхоза, где благодаря исключительной энергии и настойчивости Иевский добился высоких показателей: в 1940 году – вторая премия ВСХВ, в 1942-м – третья премия НКВД. В 1964 году с Иевского была снята судимость.

11. Metallургия – особая страница героической биографии Норильска

Норильская металлургия в основе своей стоит на четырех ногах – никеле, меди, кобальте и металлах платиновой группы. Думаю, читателю полезно знать хоть что-то об этих важнейших цветных металлах.

Никель – высокопрочный и пластичный металл, хорошо обрабатывается и в холодном, и в горячем состоянии. Имеет высокую коррозионную стойкость в агрессивных средах. Широко применяется в металлургии (около 80% общего потребления) для производства легированных сталей и сплавов. Никелевая сталь широко используется для производства брони, орудийных стволов, коленчатых валов и т.д. Сплавы никеля находят применение в реактивной авиации, ракетостроении, в производстве оборудования для атомной промышленности. Крупными потребителями никелевых сплавов являются автомобильная промышленность, станкостроение и электронная промышленность. Наиболее широкое применение имеют сплавы латунь, нейзильбер, бронза, нихром, монетный сплав и платинит. Являясь химически малоактивным, чистый никель широко используется также в химической и пищевой промышленности.

Медь – мягкий, вязкий и ковкий металл, легко прокатывается в тонкие листы и вытягивается в проволоку, по электропроводности и теплопроводности уступает только серебру. Химически малоактивен. Это основной материал для проводов, из него делают детали теплообменников, холодильников, вакуумных аппаратов, где очень важны антикоррозийные свойства. Медь используется для производства таких сплавов как бронза, латунь, мельхиор и т.д.. Но больше всего медь нужна для электроники, для криогенных установок, для оборудования, работающего на дне океана и при опреснении воды. Наконец медь, начиная с медного века, - художественный материал. Многие изделия украшают чеканкой, гравировкой, тиснением, золочением, патинированием,

тонированием. Широко используют соли меди для приготовления красок, для борьбы с сельскохозяйственными вредителями (медный купорос).

Кобальт наименее распространен в природе, но потребность в этом металле весьма высока. Варьируя содержание кобальта в специальных сталях и сплавах, ученые открыли особую прочность, твердость, магнитные свойства и жаростойкость полученных материалов. Например, сплав «победит» изготавливается из порошков монокарбида вольфрама и кобальта. Из этого сплава изготавливаются резцы для обрабатывающих станков и буровых колонок. Но, главное, кобальт стал нужен для получения жаропрочных и жаростойких сплавов, работающих при высоких температурах, в частности, для изготовления клапанов моторов самолетов, лопаток турбореактивных двигателей и паровых котлов высокого давления. Кобальт нужен также для изготовления постоянных магнитов и режущего инструмента, красок в керамической и стекольной промышленности и т.д.

Металлы платиновой группы (МПГ) - коллективное обозначение шести металлических элементов (рутений, родий, палладий, осмий, иридий, платина).

МПГ встречаются в природе в весьма рассеянном состоянии. Практически все МПГ извлекаются из медных или никелевых сульфидных минералов с помощью флотационной сепарации. Иногда до флотации используется гравитационное разделение. В результате получается концентрат, содержащий до 50% платиновых металлов.

Почти все запасы и производство МПГ сосредоточены в двух крупных месторождениях — Бушвельдском комплексе (ЮАР) и в Норильском рудном районе (Россия). На «Норильский никель» приходится 15 % мирового производства платины и 55 % производства палладия. В рудах Бушвельда содержание платины втрое выше, чем палладия. Поэтому, если ЮАР является крупнейшим мировым производителем платины, то Россия — палладия. На сегодня палладий самый дорогой металл платиновой группы, который используется в промышленности.

Металлы платиновой группы обладают уникальными свойствами по прочности, коррозионной устойчивости, долговечности и стойкости в агрессивных средах. В частности, в электротехнической промышленности из МПГ изготавливают контакты с большой степенью надёжности, отличающиеся высоким сопротивлением износу, высокой температурой плавления, стойкостью к окислению. Магнитные сплавы МПГ применяют при изготовлении малогабаритных электроприборов, автоматических приборов и тензометров.

Металлы платиновой группы являются благородными и драгоценными металлами. Химически инертны. Многие из них в твёрдом виде не растворяются даже в царской водке. В настоящее время практически все металлы платиновой группы тем или иным образом применяются при изготовлении ювелирных украшений.

Почти 50% платины используется в качестве катализаторов. Катализаторы на основе соединений платины и палладия широко применяются в автомобильной и нефтяной промышленности. В автомобилях они позволяют дожигать продукты окисления углеводородного топлива до относительно безопасных соединений, что существенно улучшает экологию в крупных городах с множеством автомобилей.

Катализаторы на основе соединений платины и иридия используются для изготовления кардиостимуляторов и других медицинских имплантов.

• • •

Норильские учёные-металлурги в области обогащения и переработки норильской полиметаллической руды разработали новые технологические процессы, не имевшие аналогов ни в нашей стране, ни за рубежом. Аналогами могли служить лишь некоторые технологии переработки полиметаллических руд на заводах Канады. Но эта зарубежная технология была глубоко засекречена, а редкие публикации носили характер общих описаний.

Минерализация норильской руды – уникальная, доселе не встречавшаяся в мире. Кроме основных составляющих (никеля, меди), эта руда содержит кобальт, драгоценные и редкоземельные металлы. Для извлечения всех составляющих потребовалось всестороннее детальное изучение свойств руды и правильный подбор технологического оборудования.

Металлург с мировым именем, профессор кафедры металлургии цветных и благородных металлов Московского института стали и сплавов Валентин Петрович Быстров говорил: *«А вы знаете о главном феномене Норильского комбината... Сами судите: человечество за всю историю придумало не более десятка способов металлургических преобразований. И единственным на Земле местом, где удалось попробовать в деле почти все из них, оказался Норильск, причем обкатать металлургические технологии не в лаборатории, а на деле! Уникальный случай...»*.

Ветераны-металлурги комбината могли бы рассказать о тысячах «битв в пути», которые начались с опытно-металлургического цеха (ОМЦ, будущий Горно-металлургический опытно-исследовательский Центр - ГМОИЦ), ставшим мозговым центром отработки технологии. Именно в ОМЦ 8 июня 1938 года была проведена первая опытная плавка. Эту дату принято считать днем рождения норильской заводской науки. Первый руководитель ОМЦ О.Н. Лукашевич принесла в своем портсигаре и подарила Завенягину первый кусочек норильского чернового никеля. Получение чернового никеля, содержащего до 5% примесей, уже было подвигом.

О технических революциях Норильской металлургии написаны сотни специальных статей и книг. В заводском музее трудовой славы есть «Список №1» - фамилии и характеристики знатных рабочих, мастеров, директоров, главных инженеров, начальников крупных цехов, работавших в норильской металлургии в довоенные и военные годы. В этом списке, что ни имя - уникальная биография и трудовые подвиги.

История норильской металлургии началась с опытного Малого металлургического завода (ММЗ), где в феврале 1939 года был запущен плавильный цех. Летом 1939 года с ММЗ была отправлена в Мончегорск первая партия штейна и фанштейна. Норильский фанштейн оказался вдвое богаче местного. В течение трех лет на ММЗ отработывалась многоступенчатая технологическая система извлечения из полиметаллической руды никеля и меди вплоть до получения черновых никеля и меди. В апреле 1942 года был получен конечный никелевый продукт - первый катодный никель с примесями не более 0,01%. ММЗ существовал около 10 лет. К этому времени уже близилось к завершению строительство Большого металлургического завода (БМЗ, с 1948 года – завод Никелевый), которое началось в сентябре 1939 года. В авральном режиме рыли котлованы, прогревая землю кострами, прямо на снег укладывали узкоколейку для вагонеток, вручную ворочали огромные глыбы скального грунта. При 40-градусных морозах, применив электропрогрев, возводили не только стены завода, но и заводскую трубу. И, выполнив план первого года только на 84%, дальше работали круглые сутки. Норильчан торопила война. 29 декабря 1941 года были возведены 140-метровая труба, построены цеха: ремонтно-механический, плавильный (с водяным охлаждением) и конвертерный. В ночь с 23 на 24 февраля 1942-го на БМЗ был получен первый медно-никелевый штейн, а в марте – первый медно-никелевый фанштейн. Через месяц заработал цех электролитического рафинирования, давший возможность получать никель высокой чистоты и выделять медь, кобальт и платиноиды в самостоятельные полупродукты.

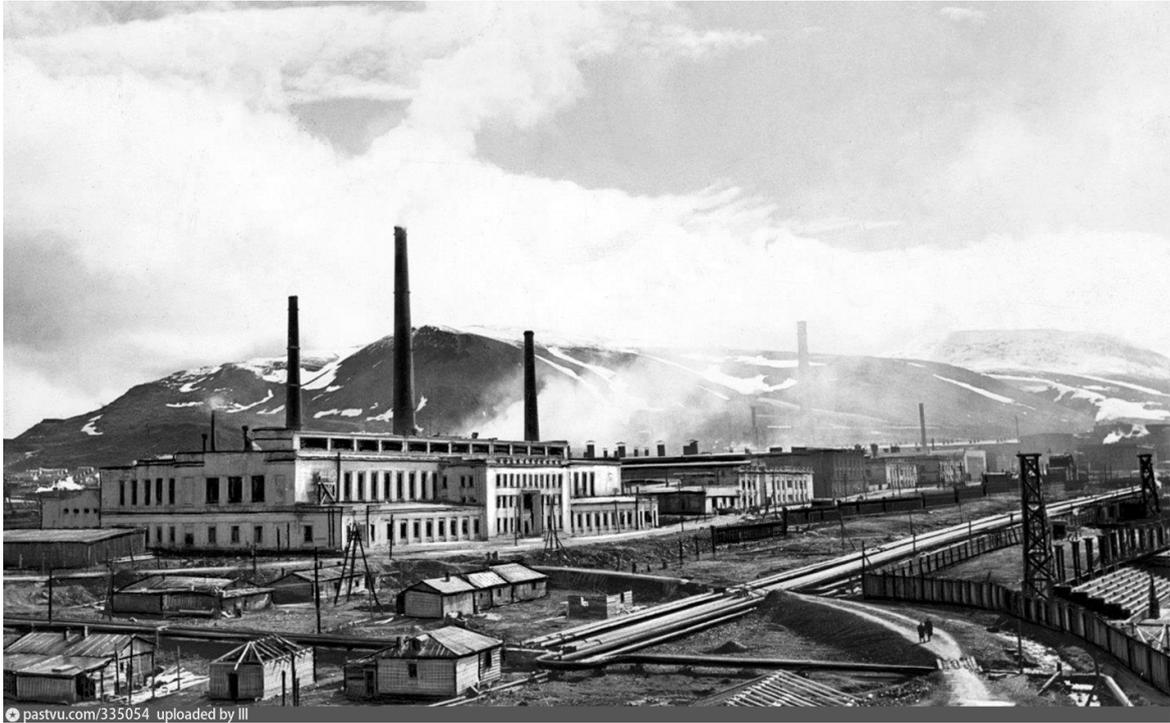
*3000 кубометров бетона уложено
в фундамент трубы БМЗ высотой 140 метров*

В мае в Красноярск была отправлена первая тонна чистого катодного никеля. Это была первая «фронтовая» победа Норильска! С каждым днем металлурги наращивали выпуск никеля на комбинате – весь полученный никель немедленно отправлялся на оборонные заводы самолетами. С фронта снималась эскадрилья бомбардировщиков и направлялась за три с лишним тысячи километров в тыл – на боевое задание!

В июне 1944 года за выдающийся вклад в оборону страны Норильскому комбинату было вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, а в конце Великой Отечественной войны это Красное знамя было присуждено на вечное хранение, что давалось редким предприятиям страны.

В марте 1945-го председатель ГКО СССР И.В. Сталин подписал знаменитое постановление «Об увеличении производства цветных металлов на Норильском комбинате». Этим приказом предусматривалось увеличение выпуска никеля на комбинате в полтора раза, меди – вдвое. В этом приказе говорилось о строительстве в Норильске медного завода.

Медный завод был запущен 21 декабря 1949 года к 60-летию И.В. Сталина. Именно в этот день была проведена первая плавка с получением черновой меди (примеси, содержащие в том числе и благородные металлы, составляли 0,5-2,5%). На следующий день в подарок товарищу Сталину самолетом отправили первый слиток черновой меди. Завод имел две трубы по 150 метров каждая и цех электролиза на 480 ванн.

1950 год. Промышленный район Норильска

Спустя ровно год после пуска завода в декабре 1950 года были пущены рафинировочные цехи, и гидрометаллургический цех выдал первую катодную медь. В медной промышленности страны впервые была применена охлаждаемая подина рафинировочной печи¹. По масштабам производства медный завод стал в первый ряд среди заводов отечественной медной промышленности.

¹Рафинировочные печи используются для плавления медных анодов из меди чернового типа. Главные, незаменимые элементы печи – фундамент, подина и стены. Подина и стены выкладываются на фундамент. Подина работает в тяжелых тепловых и механических условиях. Именно на раскаленную подину загружается холодный материал, подлежащий плавке. Подина защищает от прогорания внутреннюю часть печи и поэтому изготавливается из огнеупорного, износостойкого и теплоизоляционного материала. Если подину вовремя охлаждать воздухом, то гарантируется качественная и долгая работа всей печи.

• • •

С пуском электролизного цеха на ММЗ в апреле 1942 года пошли норильские шламы. Исследовательская группа в составе инженеров А.Т. Боряева, К.К. Чащина, К.И. Вуккерта, руководимая специалистом из Мончегорска Фёдором Трофимовичем Кириенко, начала отрабатывать технологию переработки шламов на концентраты благородных металлов. Курировал работу группы И.С. Береснев – главный металлург комбината. В марте 1943 года на аффинажном заводе в Красноярске из норильских шламов получили первые 1291 грамм платины и 3235 граммов палладия. Это были первые в истории России платина и палладий, извлечённые из сибирской руды.

Отправка из Норильска в Красноярск сырого шлама была слишком расточительной. И тогда Ф.Т. Кириенко предложил свой вариант технологии переработки шлама, для чего в сентябре 1943 года была создана специальная группа под руководством Анатолия Петровича Соколова. К началу 1945 года в Норильске получили концентрат с содержанием 50% суммы благородных металлов. В апреле 1946 года запустили в работу шламовый цех. Уже в конце 40-х и начале 50-х годов наладили получение из шламов платиноидных концентратов, а затем организовали и фракционирование благородных металлов в разные концентраты: платины и палладия, металлов-спутников и серебра, иридиевый концентрат. За эту выдающуюся работу группу норильчан в 1948 году

представили на соискание Сталинской премии. По рекомендации Ф.Т. Кириенко в неё включили А.П. Соколова и И.Ф. Коппа, но оба не прошли вышестоящие инстанции как бывшие заключённые. Первыми в истории Норильска лауреатами Сталинской премии стали (абсолютно заслуженно) И.С. Береснев и Ф.Т. Кириенко.

Анатолий Петрович Соколов (1907-1995) – инженер-металлург, окончил в 1931 году Томский политехнический институт. Занимался проблемой переработки золотосодержащих промпродуктов на комбинате «Алтайполиметалл». В 1937 году был арестован, отбывал срок в Карагандинском лагере, где работал в шахте. Весной 1939 года Соколова этапировали в Норильск, где ему, как металлургу, было сразу предложено поработать мастером смены на ММЗ. Но у Соколова были проблемы со здоровьем. Его расконвоировали и направили в Центральную химлабораторию. В сентябре 1943 года Соколова перевели в ОМЦ на должность старшего инженера-исследователя, где ему предоставили возможность заниматься изобретательской деятельностью. Соколов сконструировал анодный ящик для сбора вторичного шлама. С его участием обжиг медной губки был заменен обработкой в турбоаэраторе. В 1943-1944 годах Соколовым была разработана технологическая схема обогащения никелевых шламов, после чего он получил досрочное освобождение.

Начиная с 1946 года, став главным инженером шламового цеха, а затем кобальтового завода, А.П. Соколов сыграл ключевую роль в организации производства концентратов благородных металлов на Норильском комбинате. Он же курировал рабочее проектирование, монтаж технологического оборудования, осуществлял пуск и ввод в эксплуатацию первого цеха электролиза медного завода.

Последние пять лет жизни в Норильске А.П. Соколов занимал должности заместителя главного инженера комбината по опытно-исследовательским работам и руководителя ГМОИЦ. Из Норильска Соколов уехал в 1961 году в Новосибирск, где 15 лет руководил отработкой технологических процессов экстракционного разделения металлов в Институте неорганической химии Сибирского отделения АН СССР. В 1988 году Анатолий Петрович был одним из самых почетных гостей на полувековом юбилее ГМОИЦ. Последним трудом исследователя стали его воспоминания о работе в Норильске, напечатанные в сборнике «Драгоценные металлы Норильска» через пять лет после смерти ученого.

Копп Исаак Файвишевич (1907-...) – техник-кожевник. Родился в 1907 году в г. Двинске (Латвия). Член ВКП(б) с 1930 года. До ареста (1937) проживал в г. Казани. Военной Коллегией Верховного Суда СССР как «участник троцкистской террористической организации и агитатор против стахановского движения» был приговорен к 10 годам ИТР с конфискацией имущества и поражением прав на 5 лет. Отбывал срок в Норильске. В 1939-1941 работал плавильщиком в ОМЦ, инженером-исследователем в Центральной химической лаборатории комбината. После освобождения окончил индустриальный институт. После реабилитации в 1956 году некоторое время возглавлял ОМЦ.

• • •

Одной из главных задач, стоящих перед комбинатом в течение всей войны, была организация производства кобальта.

Судьба кобальта переплелась с вопросами безопасности страны. Жаропрочный сплав, содержащий до 65% кобальта, приобрел решающее значение для изготовления клапанов моторов танков и самолетов. При работе такие клапана не деформируются при самых высоких температурах нагрева (до 700 градусов и выше) и, соответственно, обеспечивают повышенный ресурс моторов. Если никель – броня, то кобальт – сердце (мотор) танка, самолета, трактора...

В 30-е годы основная потребность в кобальте удовлетворялась за счет поставок из-за границы, преимущественно из США. Но к началу 1940 года поставки кобальта из США прекратились. СССР инициировал войну против Финляндии, и США объявили «моральное эмбарго» на торговлю с СССР, были запрещены поставки авиатехники и материалов для авиапромышленности.

Технологию извлечения кобальта из медно-никелевых руд начали разрабатывать ученые нашей страны еще в довоенные годы, сначала в Ленинградском

технологическом институте, а затем в Мончегорске на комбинате «Североникель». Сложность состояла в том, что в разведанных мончегорских и норильских сульфидных медно-никелевых рудах доля кобальта очень мала - сотые доли процента от содержания никеля. Извлечь из руды такую малую долю кобальта оказалось непросто. Не было такой технологии и за рубежом из-за полной её неэкономичности, хотя в обогатительных хвостах и в отвальных шлаках при переработке богатых руд в Новой Каледонии кобальта было больше, чем у нас в исходном сырье!

К началу 1940 года в Мончегорске была освоена технологическая схема извлечения кобальта из шлаков медно-никелевого производства, позволившая получить первые килограммы металлического кобальта. Это было большим достижением. Разработанная технология в дальнейшем была принята на заводах Мончегорска, Норильска и Орска. Велика заслуга в этом профессоров Н.М. Славского и Н.П. Асеева, инженеров-металлургов Ф.Т. Кириенко, К.Ф. Белоглазова, Н.С. Грейвера, М.Я. Иолко, А.Б. Логинова, К.Н. Бродницкого и В.А. Дарьяльского. На практике была реализована, казалось бы, невозможная задача. Предложенная технология была далеко не совершенной, громоздкой, трудоемкой и малопроизводительной, но она давала возможность получать промышленный кобальт.

Первые небольшие установки по производству кобальта в СССР были пущены еще до войны на Уфалейском никелевом заводе и на комбинате «Североникель». Но кобальта в стране крайне не хватало, и проблема была настолько острой, что в 1940 году этим вопросом занималось Политбюро и лично И.В. Сталин.

С потерей Мончегорска в 1941 году наша промышленность фактически лишилась поставок электролитного никеля и металлического кобальта. Орский комбинат еще только строился. Масштабы будущего комбината были несоизмеримы с резко возросшими потребностями оборонной промышленности. У Уфалейского завода они были и того скромнее¹. Так в силу чрезвычайных обстоятельств Норильск выдвинулся

¹Предприятия в Уфалее и Орске потерялись в 90-х годах. Этих предприятий сегодня фактически нет на карте никелевых производителей мира.

на первое место, куда были эвакуированы специалисты и оборудование комбината «Североникеля».

В Норильске перед металлургами была поставлена задача - доработать и усовершенствовать технологию, разработанную в Мончегорске. В ОМЦ под руководством Ф.Т. Кириенко и А.Б. Логинова почти два года шла отработка технологической цепочки получения чистого кобальта. В 1943 году была построена опытная полупромышленная установка «НК» (норильский кобальт), на которой получили металлический кобальт. Трудноразрешимая, трудоемкая, но очень важная работа закончилась успехом!

Проект кобальтового завода в Норильске был завершён и подписан А.П. Завенягиным еще в 1938 году. Но строительство завода откладывалось, так как в первую очередь надо было достроить никелевый завод и ТЭЦ. На всё не хватало ни человеческих, ни технических, ни энергетических ресурсов. Да и первостепенность кобальта не стала такой важной, ведь в конце 1941 года снова возобновились поставки его из-за рубежа (из Канады) после того, как США объявили СССР потенциальным союзником против гитлеровской Германии.

Строительство кобальтового завода началось в начале 1942 года и продолжалось с небольшими перерывами более трех лет. Все это время шло накопление кобальтовых шлаков, остающихся после первичных переделов руды на Никелевом заводе. Официальный пуск кобальтового завода (завода №25) состоялся 28 июня 1945 года. Коллектив установки «НК» стал фактически ядром коллектива завода №25.

В ноябре 1945 года на совещании хозяйственного актива комбината начальник завода №25 В.А. Дарьяльский говорил:

«Сегодняшний день для Норильского комбината является также праздником выдачи металлического кобальта и спутника нового вида продукции комбината – хлора! (Аплодисменты). <...> Сегодня вступили в строй гидрометаллургический и химический цехи. В ближайшие полтора месяца остается пустить электроплавильный цех... Кстати, сегодня в 7 часов вечера, точно по графику, была сдана в эксплуатацию вторая серия хлорных ванн. Завтра утром будем выдавать хлор...».

В январе 1946 года на заводе была проведена первая плавка металлического кобальта. Это событие стало началом промышленного производства кобальта на Норильском комбинате¹. Полностью строительство кобальтового завода было закончено в июне 1946 года. Фактически была решена сложнейшая задача производства кобальта в стране. Решающая роль здесь принадлежит А.Б. Логинову, В.А. Дарьяльскому, И.С. Бересневу, Ф.Т. Кириенко, К.Н. Бродницкому, В.М. Алексеевскому, С.П. Агафонову, И.А. Федотову, С.И. Афанасьеву, А.А. Пушкину, Г.М. Левенко, А.М. Шапкиной, В.Я. Ванькину, Л.И. Парамонову, П.Ф. Ждану, Л.А. Абелевичу, А.И. Терентьеву.

К началу 50-х годов появилась острая необходимость в производстве химически чистого кобальта (99,99%), особенно нужного для моторов реактивной авиации. Постановлением правительства, подписанного лично И.В. Сталиным, был обозначен срок пуска в работу нового цеха «К» - 7 ноября 1950 года. Не выполнить правительственное задание было нельзя. Строительство цеха «К» шло небывалыми темпами, и было закончено в срок. Цех работал до 1954 года, после чего был остановлен и законсервирован, а коллектив перешел на другие участки и переделы своего завода.

¹Сам факт, что в Норильске производят кобальт, долгое время был засекречен. Секретными были и производство, и технология, и назначение завода – ни в одном открытом архивном источнике тех лет о кобальте нет ни слова.

За разработку и внедрение в промышленность нового способа получения чистого металла Совет Министров СССР в 1951 году присудил Сталинскую премию В.А. Дарьяльскому, Ф.Т. Кириенко, И.С. Иевлеву, В.В. Терпогосову.

Владимир Алексеевич Дарьяльский (1912–2000) – инженер-металлург. Родился в с. Демянске Новгородской области в крестьянской семье. После окончания девятилетки в 1930 году работал препаратором-шлифовщиком в Геологическом и Геохимическом институтах в Ленинграде. В 1934 году поступил на факультет цветных и благородных металлов Ленинградского горного института. После получения диплома с отличием Владимир Алексеевич был направлен на комбинат «Североникель», где через год стал начальником цеха электроплавки кобальта. В конце 1941 года был эвакуирован в Норильск, где работал сначала начальником цехов ММЗ, а затем начальником кобальтового завода. С 1953 года - главный инженер и зам. директора комбината. В 1961 году за активную научную, производственную работу и организацию подготовки кадров на Норильском комбинате Дарьяльскому было присвоено ученое звание профессора. С 1962 года В.А. Дарьяльский – ректор Красноярского института цветных металлов. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1954), орденом Красной Звезды (1949), орденом Знак Почета (1943, 1961), является лауреатом Сталинской премии (1951). Последние годы В.А. Дарьяльский жил в Днепропетровске.

На могиле Дарьяльского и его жены на Краснопольском кладбище г. Днепропетровска силами родных и при участии Никелевого завода установлена памятная плита.

Федор Трифионович Кириенко (1912-2002) – инженер-металлург. Родился в Севастополе. После окончания семилетки работал в Магнитогорске, учился на рабфаке. С 1939–го после окончания Ленинградского технологического института работал на комбинате «Североникель» сначала начальником цеха электролиза, затем главным инженером опытного цеха. Под руководством Кириенко был решен ряд проблем извлечения цветных металлов из руд. Эту работу талантливый исследователь продолжил в Норильске, где он с 1941 года работал начальником ОМЦ. Кириенко стал первым в Норильске дважды лауреатом Сталинской премии

(первая премия в 1948-м, вторая - в 1951 году). В 1954 году Кириенко защитил кандидатскую диссертацию, посвященную газовому восстановлению никелевого порошка. Награжден орденами и медалями. В 1955-м выехал в Ленинград.

Иван Степанович Иевлев (1913-1979) – инженер-металлург. Родился в с. Воецкое Барышевского района Ульяновской области. После учебы в педагогическом техникуме (г. Сызрань) преподавал в сельских школах. Окончив в 1940 году Ленинградский горный институт, работал на комбинате «Североникель» начальником отделения цеха. В августе 1941 года был эвакуирован в Норильск. В Норильске занимал должности начальника электролитного цеха сначала ММЗ, затем БМЗ, заместителя начальника Metallургстроя, начальника Управления металлургическими заводами, и.о. главного инженера комбината. Член КПСС с 1948 года. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, является лауреатом Сталинской премии (1951). Последние годы работал в Москве – член коллегии Минсредмаша СССР.

Владимир Ваганович Терпогосов (1914-1953) – инженер-металлург. Родился в г. Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе). Закончив семь классов (1928), работал чернорабочим на строительстве фабрики. Учился в школе ФЗО, работал на стройках, на заводе. После окончания Института цветных металлов (1933–1938, г. Орджоникидзе) работал на комбинате «Североникель» начальником смены, затем начальником отделения. После эвакуации в конце 1941 года в Норильске сразу был назначен начальником плавильного цеха Большого металлургического завода. Под его руководством запускались первые конвертеры. Время было тяжелое, в новом деле приходилось рисковать, случалось немало аварий. Терпогосов не только много раз стоял на грани увольнения, но и на грани оказаться по ту сторону колючей проволоки. Однако благодаря блестящему уму, профессиональной грамотности он всегда находил выход. В.В. Терпогосов - один из создателей медного завода. Занимал должности начальника Управления металлургическими заводами, главного инженера комбината.

Член КПСС с 1944 года. Награжден медалью «За трудовую доблесть» (1939), орденами Красной Звезды (1945, 1951), Трудового Красного Знамени (1949), лауреат Сталинской премии (1951). Умер в Норильске в апреле 1953 года, ему было 39 лет, остановилось сердце... – результат полной самоотдачи в деле создания норильской металлургии. Хоронил В.В. Терпогосова весь город. Он был не только отличным специалистом, но и достойным человеком, его обожала и искренне оплакивала молодежь. Терпогосова похоронили на кладбище (ул. Нансена) рядом с отцом Ваганом Григорьевичем – ветераном ВОВ, которого не стало за полгода до ухода сына.

В 2014 году накануне 100-летия со дня рождения В.В. Терпогосова норильские никельщики реконструировали место захоронения на старом заброшенном кладбище на ул. Нансена.

Сергей Павлович Агафонов (1909-1987) – инженер-строитель. Родился в г. Луганске. После окончания техникума работал старшим прорабом при строительстве стекольного завода в г. Лисичанске Украинской ССР. После службы в армии трудился в Ленинградском институте Гипролесхим. В 1937 году завершил обучение в Ленинградском институте коммунального строительства. В 1939 году с супругой переехал в Норильск, где работал руководителем группы, начальником сектора, а затем начальником отдела управления строительства. Позже работал главным инженером конторы «Горстрой», начальником контор «Коксохимстрой» и «Металлургстрой». Ему было доверено строительство кобальтового завода №25 (НКВД СССР), «крестным отцом» которого он является. Позднее Сергей Павлович, став заместителем начальника комбината по строительству, умело направлял работу десятков тысяч людей, нес на себе груз огромной ответственности.

Первым среди норильчан Сергей Павлович был удостоен звания Героя Социалистического труда Агафонов, был награжден орденом Ленина, орденами Красной Звезды и «Знак Почета», медалями.

В июне 1961 года был направлен на работу в Ленинградский совнархоз. Вышел на заслуженный отдых в августе 1980 года. Проживал в городе Ленинграде. Умер в феврале 1987 года. Похоронен в Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище.

В списках лауреатов на Сталинскую премию и награждённых орденами отсутствуют имена инженера-химика В.М. Алексеевского, с которым Ф.Т. Кириенко сотрудничал около 10 лет, и инженера-металлурга Л.И. Парамонова. В Москве их вычеркнули из списков лауреатов, так как они были заключёнными.

Всеволод Михайлович Алексеевский (1890-1953) – ученый-химик. Родился в г. Вильно ныне г. Вильнюс) После окончания Петербургского технологического института вплоть до революции работал в военно-промышленном комитете. В Донбассе занимался организацией производства взрывчатых веществ. В гражданскую войну работал на содовом заводе, был ведущим специалистом по производству соды и использованию хлора в промышленности. В годы первой пятилетки работал в Москве, в управлении Наркомата тяжёлой промышленности начальником экспертизы «Главхимпрома». Арестовали его в 1936 году «за участие в антисоветской троцкистско-зиновьевской террористической организации». Приговор – 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. Заключение сначала отбывал в Соловках, а затем в Норильлаге. В Норильске работал землекопом на площадке строительства БМЗ, в 1939 году его перевели в ОМЦ. Здесь при непосредственном участии Алексеевского был получен первый образец чистого никеля. За успехи по производству кобальта Алексеевского досрочно освободили, он стал ссыльным, к нему приехала жена, тоже находившаяся в ссылке.

В 1943-1944 годах зима была очень неблагоприятной. На Енисее замерзли многие суда, в том числе баржи с химреактивами. Появилась угроза остановки работы ОМЦ. Тогда решили организовать самим производство химически чистых соляной, азотной кислот и аммиака. Поручили это В.М. Алексеевскому. Он согласился, попросив в помощь лишь двух толковых рабочих. Всеволод Михайлович сделал чертежи печи и реакторов. Установка по производству кислот была создана и благополучно действовала почти год.

Свой талант конструктора Алексеевский проявил при пуске хлорного цеха кобальтового завода. Он был автором проекта и первым главным инженером хлорного цеха завода. Пуск цеха задерживался из-за отсутствия никелевой сетки. Всеволод Михайлович разработал конструкцию щелевидного фильтра, используя никелевые матрицы, применяемые в цехе электролиза, разработал также установку для получения бисульфата натрия, используемого для разделения никеля по методу Орфорда. Позже этот метод был заменён флотацией файнштейна. Для процесса растворения гидроокиси кобальта сернистым газом Алексеевский сконструировал печь для сжигания серы, а для цеха никелевого порошка оригинальную чугунную многоподовую печь.

Во второй половине 40-х годов Всеволод Михайлович трудился в должности главного инженера цеха кобальтового завода. В 1951 году началась новая волна репрессий, которая захватила многих и не миновала Всеволода Михайловича. Его сослали с женой в Канск, где он работал в ТЭЦ в цехе по очистке воды. Прожил на новом месте недолго, вскоре умер, не дожив до полной свободы. Канские энергетики похоронили Всеволода Михайловича с почестями.

Леонид Иванович Парамонов – инженер-металлург. Родился в 1903 году в Курской области. Получив высшее образование в 1930 году в Московском институте цветных металлов, возглавлял один из химических заводов Москвы. Оказался в Норильске в результате репрессий в 1938 году. В 1947 году был назначен главным инженером цеха, а в 1953 году – исполняющим обязанности главного инженера кобальтового завода. Уехал из Норильска в 1954 году. До отъезда Леонид Иванович организовал на кобальтовом заводе научно-техническое общество, первое не только на заводе, но и на комбинате. На заводе резко возросло количество изобретений и рационализаторских предложений, что способствовало рационализации производства, совершенствованию технологии, улучшению условий труда. Л.И. Парамонов – автор монографии «Металлургия кобальта в Норильске», ставшей практически руководством для инженерно-технического персонала кобальтового завода.

В 1954 году было построено здание центральной химической лаборатории (ЦХЛ) кобальтового завода. В 1956 году снова встал вопрос о выпуске кобальта высокой чистоты, но комиссия из Главка установила, что оборудование установки цеха «К» устарело и восстановлению не подлежит. В 1958-1959 годах начальнику ЦХЛ Л.М. Гиндину совместно с исследователем П.И. Бобиковым удалось в лабораторных условиях «нащупать» принципиально новую технологию получения кобальта высшей

пробы. В 1959 году в здании хлорного отделения была построена и запущена в работу промышленная установка «К-0». Сравнительно небольшой коллектив металлургов под руководством начальника установки Г.М. Патюкова и научного руководителя Л.М. Гиндина довели лабораторные исследования в конце апреля 1960 года до промышленного выпуска сверхчистого кобальта (99,99%). Это было большой победой. Впервые в Союзе был получен действительно чистый кобальт, отвечающий полностью требованиям ГОСТа. В 1961-1962 годах установка по выпуску сверхчистого кобальта демонстрировалась в Москве на ВДНХ. Группа исследователей и эксплуатационников по постановлению Комитета ВДНХ была награждена медалями Всесоюзной выставки достижения народного хозяйства. Л.М. Гиндин был награжден золотой медалью, П.И. Бобиков – большой серебряной, а Г.М. Патюков – малой серебряной медалью.

А в 1963 году начал выдавать свою продукцию принципиально новый для кобальтового производства передел – «никелевый порошок». В этом же году было принято решение объединить переделы «К-0», кобальтового и никелевого порошков в один коллектив и присвоить новому подразделению хлорно-кобальтового цеха наименование «Отделение электролитического никелевого порошка» - ОЭНП. В апреле 1977 года катодному кобальту марки «К-0» был присужден Государственный знак качества.

По справедливости нужно назвать еще ряд имен талантливых учёных-металлургов, ученых-химиков, которые, находясь в заключении или ссылке, работая в тяжёлых условиях в Норильске и Красноярске (Аффинажный завод), внесли неоценимый вклад в решение сложнейших научных и технологических задач по получению столь нужных стране товарных меди, никеля, кобальта и металлов платиновой группы, но не были в должной степени отмечены наградами, да и незаслуженно забыты современными толкователями норильской истории.

Баландин Алексей Александрович (1898-1967) – учёный, химик-органик, физикохимик, академик АН СССР, создатель мультиплетной теории гетерогенного катализа. Родился в городе Енисейске. Отец Баландин Александр Алексеевич – минералог, приват-доцент Петербургского университета, ставший по наследству крупным промышленником Енисейской губернии. Мать А.А. Баландина Вера Арсеньевна окончила гимназию с золотой медалью, затем женские Бестужевские курсы в Петербурге, слушала лекции в Сорбонне, работала в институте Пастера. Она много сделала для развития Енисейской губернии: в Енисейске открыла частную бесплатную женскую школу, народную читальню и библиотеку, организовала передвижной музей. Сегодня в Енисейске проводятся краеведческие чтения имени В.А. Баландиной.

Алексей Александрович Баландин, окончив в 1923 году физико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности физическая химия, сразу же попал под покровительство академика Н.Д. Зелинского, разглядевшего в молодом человеке неординарного учёного. По рекомендации учителя Баландин занялся теорией катализа и вскоре разработал мультиплетную теорию катализа. В 1929 году А.А. Баландин был командирован Наркомпросом РСФСР на год в Германию и Францию для ознакомления с достижениями зарубежной науки. Он владел испанским, итальянским, немецким, английским, французским языками. Увлекался серьезно живописью. В 1934 году А.А. Баландину была присуждена учёная степень доктора химических наук, он стал профессором кафедры органической химии МГУ.

16 июля 1936 года Баландин был арестован. По сообщению Н.А. Баландиной, которая ознакомилась с делом отца в Центральном архиве ФСК РФ, в НКВД поступил донос о том, что в его лаборатории изготавливаются взрывчатые вещества для

террористических актов против советского руководства. В марте 1937 года Баландин был сослан в г. Чкалов (ныне Оренбург) на 5 лет, где сначала работал в аналитической лаборатории завода Автотрактордеталь, а с марта 1938 по июль 1939 – преподавателем химии и физики в средней школе для взрослых. Коллеги Баландина не побоялись выступить с заявлениями о его непричастности к каким-либо антисоветским действиям. За Баландина вступились академики. В апреле 1938 г. В.М. Молотов получил письмо, подписанное Н.Д. Зелинским, В.И. Вернадским и Н.С. Курнаковым. Крупнейшие мэтры отечественной науки обращались с просьбой освободить А.А. Баландина из заключения. Письмо осталось без ответа, но Молотов, видимо, доложил Сталину о нем. И, вероятно, мнение маститых ученых заставило пересмотреть дело Баландина. Через год он был освобожден и реабилитирован. Ему разрешили вернуться в Москву. На химфаке МГУ он организовал лабораторию органического катализа. В 1943 году А.А. Баландин стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1946 году - академиком. В 1948-1949 годах являлся деканом химического факультета МГУ.

В марте 1949 года А.А. Баландина арестовали вторично по «красноярскому делу» и отправили в Норильлаг. В Норильске Баландин пробыл четыре года и три месяца (до мая 1953 года). Первое время его под конвоем вместе с уголовниками водили на черные работы. Но в начале 1951 года начальник Норильского горно-металлургического комбината В.С. Зверев привлек ученого к работе в опытном металлургическом цехе (ОМЦ). В это время в Норильске остро встал вопрос о повышении активности никелевого порошка. Эту проблему решил А.А. Баландин. Он создал лабораторию и в довольно короткие сроки добился поставленной цели.

Алексей Александрович в ОМЦ без всяких конспектов читал лекции по физической химии и химической термодинамике. Он выглядел физически слабым и неловким, плохо видел. Все в цехе были к нему максимально предупредительны. Работавшие в цехе рабочие-заключенные по пути в цех и из цеха оберегали его, как ребенка. Был случай, когда один из рабочих - грузин, имевший на счету несколько убийств, защитил его от нападения уголовников.

А.А. Баландин был награжден орденом Ленина (1954), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1958), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945), являлся лауреатом премии им. Д.И. Менделеева за работы в области органической химии (1936), премии им. С.В. Лебедева (1946) и Сталинской премии (1946). Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. В честь А. А. Баландина назван кратер на обратной стороне Луны, в корпусе химического факультета МГУ в 1973 году открыта Мемориальная доска, в 1991 году Российской Академией Наук учреждена премия им. А.А. Баландина.

Башилов Иван Яковлевич (1892-1953) – учёный, химик-технолог и металлург, доктор технических наук, профессор (1931), патриарх металлургии редкоземельных и платиновых металлов.

И.Я. Башилов родился в городе Кашине в семье бухгалтера. Когда учился в Тверской гимназии, то зарабатывал на жизнь и учебу уроками. В 1911 году окончил гимназию с похвальной грамотой, и был принят в Петербургский политехнический институт. Студентом ввязался в политику, вступил в партию эсеров и стал одним из активных агитаторов за «крестьянскую» программу партии, что закончилось для него арестом и отчислением из института.

Башилов восторженно приветствовал революцию. Его назначили управляющим первым советским заводом по производству радия. Переехав в Москву, он стал членом ученого совета Государственного радиового института, которым руководил В.И. Вернадский. В 1921 году два молодых ученых И.Я. Башилов и В.Г. Хлопин получили первый образец советского радия. В 1929 году Иван Яковлевич защитил диплом, что было чистой формальностью. Он был одним из главных разработчиков технологической

схемы извлечения радия, урана и ванадия из отечественного сырья и инициатором их промышленного производства. По предложению В.И. Вернадского в Московском институте тонкой химической технологии (МИТХТ) Башиловым была создана кафедра химии и технологии редких и рассеянных элементов, которая явилась «штабом» зарождающейся металлургии редких и рассеянных металлов в стране. Иван Яковлевич стал создателем новой отрасли промышленности в СССР по производству редких и рассеянных элементов.

В середине 1930-х по предложению уже доктора наук и профессора И.Я. Башилова на Табошарском месторождении в Средней Азии рядом с рудником, дававшим поначалу лишь бедную урановую руду, построили опытный завод. Там Башилов отработывал многочисленные технологические идеи.

В июне 1938 года ученый совет МИТХТ выдвинул И.Я. Башилова на вакансию члена-корреспондента Академии наук. Но выборы не состоялись. Осенью 1938 года Башилова арестовали и осудили на 5 лет лагерей за некое абстрактное «вредительство» (трата государственных денег на ненужные исследования). Припомнили ему и членство в партии эсеров, и даже то, что он отказался от предложения играть в фильме роль Ленина, на которого был очень похож.

Профессора Башилова отправили в один из самых страшных лагерей, в Котлас, где ему пришлось работать землекопом. Не миновали его лагерные болезни – цинга, пеллагра, дистрофия, диабет и гипертония. Башилов был списан как «негодный к дальнейшему использованию», выжил чудом. Доходягу Башилова определили сторожем на радиный завод в Ухте (Коми АССР), тот самый, который был построен по его проекту (горькая ухмылка судьбы!).

В Москве ученики профессора Башилова делали все возможное для его оправдания. Писали письма, убеждали, что Иван Яковлевич – не вредитель, а нужный для советской науки человек. Один из талантливых учеников Башилова Кирилл Андреевич Большаков - доктор наук, ставший в 1941-м дважды Лауреатом Сталинской премии, добился приема у заместителя наркома внутренних дел А.П. Завенягина. Завенягин знал труды профессора Башилова и лично занялся пересмотром его дела. Башилова привезли в Москву, в Бутырскую тюрьму. Завенягин предложил Башилову работу в «шарашке». В 1943 году И.Я. Башилов оказался в Красноярске, на аффинажном заводе № 169 НКВД СССР. Так в период с 1941 по 1953 годы называлось нынешнее предприятие - ОАО «Красноярский завод цветных металлов», которое ради краткости чаще именуют «Красцветметом». Здесь Иван Яковлевич взялся за разработку технологии аффинажа – высшей очистки платины. Эту проблему в России не могли решить полтора века. Башилов, никогда не занимавшийся платиной, совершил чудо. Уже через год завод начал выдавать товарную, самую дорогую продукцию. Ученого наградили орденом, а потом уже после войны (1948) он стал лауреатом Сталинской премии.

Иван Яковлевич так и не смог пожить после своей полной реабилитации. Он скончался от инфаркта почти сразу же после получения документа о реабилитации и предложения из Москвы вернуться в МИТХТ, где он и был арестован. Смерть настигла ученого в августе 1953 года, когда ещё не были отменены все сталинские строгости по отношению к «врагам народа». Вопреки всему гроб с телом Башилова установили для церемонии прощания во Дворце культуры завода, что и сегодня находится на улице Ползунова, как раз напротив дома, в котором жил Башилов. Иван Яковлевич Башилов был похоронен не по месту жительства, а на центральном тогда городском кладбище, которым в те годы считали погост, находящийся на левом берегу Енисея близ Троицкого храма.

Разумеется, о кончине Башилова ни одна из двух красноярских краевых газет не сказала ни слова. Печальное событие упрятали за плотными ширмами секретности. И лишь спустя почти год выходящему в Москве «Журналу прикладной химии» позволили

опубликовать две страницы некролога и поместить портрет усопшего. В тексте, который подписали академики К.А. Большаков, Н.П. Сажин и профессор О.Е. Звягинцев, были слова: *«В лице И.Я. Башилова страна потеряла крупного специалиста по химии и технологии редких элементов и благородных металлов».*

Морозным ноябрьским днём 1996 года на старейшем в городе кладбище близ Троицкого собора был открыт памятник на могиле Ивана Яковлевича Башилова. Это произошло через 43 года после его похорон. Когда упало полотно, собравшиеся металлурги и жители города увидели на черной мраморной глыбе прямоугольной формы не только портрет учёного, даты его рождения и кончины, но и прочли принадлежащую ему фразу: *«Посмотрите же на мои дела...».* Генеральный директор «Красцветмета» В.Н. Гулидов, не скрывая волнения, говорил, что многие годы считал для себя делом чести увековечить память об этом прекрасном человеке и блестящем ученом, который, став жителем Красноярска в мрачные для страны годы, удивительно плодотворно работал здесь и обрел свой вечный покой на этой земле. И закончил В.Н. Гулидов словами: *«Мы увековечиваем сегодня не только память о нем, но и обо всех тех, кто положил свои жизни и здоровье на алтарь науки, несмотря на то, что государство нанесло всем им тяжелейшую душевную рану, назвав их «врагами народа» и заставив работать в условиях репрессий...».*

В 2000 году по предложению совета ветеранов одну из улиц Красноярска назвали в честь И.Я. Башилова.

Белоглазов Константин Константинович (1914-?) - учёный, минералог. Родился в г. Пензе. До войны работал на комбинате «Североникель» начальником химлаборатории. Был арестован в 1941 году и приговорен к 5 годам лишения свободы. Срок отбывал на аффинажном заводе в Красноярске. Именно К.К. Белоглазов в начале 1943 года получил первую продукцию завода - слитки платины и палладия. Он - автор шести патентов по способам переработки железистого кека, никелевого порошка, магнезиальной руды, автоклавного выщелачивания пирротиновых концентратов, содержащих цветные металлы, получения феррохромовых порошков и анодного сплава, содержащего платиновые и благородные металлы.

После освобождения К.К. Белоглазов работал в Норильске заместителем главного инженера комбината. После реабилитации в 1955 году жил в Ленинграде.

Анисимов Сергей Матвеевич (1901-1970) – ученый в области металлургии и горного дела, профессор, заведующий кафедрой Томского горно-металлургического института.

С.М. Анисимов был арестован в июле 1941 года и осуждён на 5 лет лагерей. Срок отбывал в Норильлаге, а после освобождения (1946) ссылку отбывал в г. Красноярске, работая на аффинажном заводе. Создал заводскую пробирную лабораторию и стал одним из разработчиков технологии получения драгоценных металлов. Совместно с инженером Запеваловым написал вузовский учебник по металлургии свинца и цинка. Получил реабилитацию в 1954 году. В 1957 уехал в Азербайджан, жил в г. Ordжоникидзе.

12. Выдающиеся открытия геологов на Таймыре

Все деяния геологов на Таймыре можно считать великими. И не только потому, что им пришлось работать в невероятно трудных условиях. Норильск своим возникновением в большой степени обязан геологам. Ведь они в окрестностях будущего города открыли богатую кладовую с запасами полезных ископаемых на сотни лет.

Кто же стоял у истоков норильской геологии и обогатил геологическую науку новыми открытиями? Таких выдающихся геологов много, все достойны памяти. Вот некоторые из них.

Урванцев Николай Николаевич (1893-1985) – геолог, доктор минералогических наук (1935), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1974), автор многих научных трудов, посвященных геологии Таймыра, Северной Земли и севера Сибирской платформы. Н.Н. Урванцев - один из первых открывателей и исследователей угольного и рудного Норильска.

Родился Н.Н. Урванцев в г. Лукоянове Нижегородской губернии в купеческой многодетной семье (шестеро детей). Отец был общественником: городской головой, церковным старостой, членом Лукояновского уездного съезда, членом Попечительского совета. Много времени уделял собирательству книг для домашней библиотеки, а вот купцом он был неудачливым и, разорившись в 1907 году, стал работать по найму приказчиком.

Коля, научившись читать в пятилетнем возрасте, полюбил книги о приключениях и путешествиях. Любимыми героями у него был Нансен, Пржевальский. Сильное впечатление на него произвела книга французского дипломата Ле Руа «Приключение четырёх российских матросов, к острову Шпицбергену бурей принесённых». Его захватил рассказ о мужестве этих людей, которые прожили шесть лет на тогда ещё необитаемом острове. Под влиянием подобных книг у Урванцева возник устойчивый интерес к изучению полярных широт Сибири.

В 1911 году после окончания Нижегородского реального училища Николай поступает на механическое отделение Томского технологического института. На втором курсе студент Урванцев знакомится с Александром Сотниковым, студентом первого курса горного отделения, и тот уговаривает Урванцева перевестись на горное отделение. Потеряв год, Урванцев становится однокурсником Сотникова¹. Видимо, из рассказов Александра о Норильских месторождениях, разведанных его предками, практичный Урванцев понял, какие перспективы открываются из рассказов товарища.

С ноября 1918 года в Сибири установилась власть Колчака. Новому правителю Сибири на севере Енисея нужен был каменный уголь для кораблей Антанты, доставляющих ему оружие и боеприпасы. Сибгеолком наметил на лето 1919 года

экспедицию на енисейский Север: «...согласно постановлению Присутствия от 9 мая 1919 года, командировать на летние геологические исследования и изыскания... в низовья р. Енисей: геолога – сотрудника комитета горного инженера Н.Н. Урванцева и откомандированного Дирекцией маяков и лоций Северного морского пути хорунжего А.А. Сотникова». Следует заметить, что в состав Сибгеолкома того периода входил выдающийся геолог В.К. Котульский.

Экспедиция, начавшаяся 20 июня, продолжалась 42 дня. В Норильске партия

¹В будущем Н.Н. Урванцев всячески скрывал то, что к Норильску его «за руку» привел Александр Сотников, расстрелянный чекистами в 1920 году. Урванцев понимал, что такое знакомство и сотрудничество ему может стоить жизни.

работала две недели. Из отчета Н.Н. Урванцева: «...Этот беглый осмотр Норильска позволяет сделать заключение, что угольное месторождение, вероятно, будет крупным, способным надолго обеспечить топливом суда Северного морского пути. Однако доставка его к Енисею доставит немалые трудности...».

Урванцев частично оценил и норильские траппы: «...на северном склоне горы Рудной в них обнаружены вкрапления и гнезда пирротина, пирита и медного колчедана. <...> Соседняя к востоку гора почти целиком состоит из диабазов. <...> У северного ее подножия видны устья двух небольших штолен. ...Выходов медной руды, о которых писал Ф.Б. Шмидт, у штолен не видно, нет их и рядом. Судя по отдельным кускам руды, разбросанным только у развалин медеплавильной печи, она представляет собой темно-серые глинистые сланцы с признаками медной зелени и сини... Создавалось впечатление, что месторождение было небольшим и уже выработано». Кроме того, Н.Н. Урванцев приводит, хотя и скудные, сведения о наличии благородных металлов: «Медь, выплавленная... по показаниям А.А. Сотникова и других лиц, содержала некоторое количество золота и серебра...».

Работы закончились в середине октября, и Урванцев отправился в Томск докладывать Сибгеолкому. В феврале-марте 1920 года белогвардейские войска были выдворены из Сибири. Контрразведка Красной Армии отдала распоряжение в Иркутск и Томск об аресте А.А. Сотникова и Н.Н. Урванцева. Сотников был арестован в Иркутске, этапирован в Красноярск и расстрелян. Повезло Урванцеву. По инициативе уже советского Сибгеолкома, ставшего Сибирским отделением Геологического комитета при ВСНХ РСФСР, была задумана новая экспедиция на Таймыр. Требовался специалист-геолог, и по запросу Сибгеолкома арестованный Губчека и просидевший два месяца в тюрьме Урванцев был освобожден. Ему поручили руководство экспедицией.

Вот выдержка из Инструкции, выданной Урванцеву, и подписанной заведующим Сибирской промышленной разведкой: «В задачи Ваших работ входят: продолжение предварительных разведок каменного угля...; детальная разведка...с проведением подземных выработок; предварительная разведка медно-никелевых руд в том же районе; разведка графита там же...».

Для выяснения промышленного значения, условий залегания и качества медно-никелевых руд надлежит Вам путем магнитометрической съемки выяснить площадь распространения и возможные запасы руд...

Для осуществления предполагаемых... работ, которые надлежит вести также в начале и конце зимы, когда то позволят климатические условия, предлагается Вам возвести необходимые жилые постройки, как-то: бараки для рабочих, баню, продовольственный и материальный склады, дома для техперсонала, погреба продовольственный и динамитный, конюшню и иные потребные гражданские сооружения... Для выполнения всего возложенного на Вас имеете задолжить 150 человек рабочих при 15 лошадях, 500 оленях и служащих до 20 человек.

В отношении общих распоряжений Вы подчиняетесь «Сибпромразведке»...

Первая советская экспедиция в составе около 15 человек работала в Норильске с 22 июля до 5 сентября 1920 года. На горе Шмидта были разведаны новые угольные

месторождения, а на северном склоне горы Рудной было найдено и обследовано богатое месторождение медно-никелевой руды. Предварительный анализ этих руд, сделанный Урванцевым, показал, что руда кроме никеля и меди содержит еще и платину. Это первое открытие месторождения руды Урванцев назвал Норильск-1, будучи уверенным, что в ближайшее время в Норильске найдут новые месторождения такого же типа.

Вторая экспедиция в составе 59 человек работала с 14 июля 1921 года по май 1922 года. Были заложены первые две штольни, проходка которых положила начало систематическим горным работам в Норильске. Экспедиция возвела первый дом Норильска, началось строительство бани и общежития. Первая жилая застройка вошла в историю как «домик Урванцева». Ныне домик Урванцева находится в центре города Норильска, его перенесли с «нулевого пикета», где он был построен, – власти города посчитали, что так будет удобнее туристам.

По окончании летнего сезона большая часть экспедиции выехала в Красноярск. Зимовать остались семь человек. Это была первая полярная зимовка урванцевской экспедиции. Во время зимовки продолжились горные работы, а Урванцев вне официальной программы обследовал еще и Пясинскую водную систему с целью выяснения её судосходности. С Урванцевым в этих обследованиях принимали участие члены экспедиции С.Д. Базанов и Б.И. Пушкарев, а также полярный путешественник Никифор Бегичев, хорошо знавший географию региона и напросившийся в группу Урванцева для оказания помощи. Подытоживая сделанное в 1921-1922 годах, Н.Н. Урванцев писал: *«Предварительную разведку каменноугольного месторождения горы Шмидта можно считать законченной. <...> Сибирскому же отделению Геолкома необходимо заняться изучением медно-никелевого месторождения Норильск-1...»*.

Когда группа Урванцева спустилась по реке Пясина к морю, то на берегу острова Диксон она обнаружила остатки почты Амундсена, посланной им в Норвегию со шхуны «Мод», которая в 1919 году зазимовала у мыса Челюскин. Амундсен почту отправил со своими спутниками Кнутсенем и Тессемом, которые преодолели 900 километров снежной безлюдной пустыни. Кнутсен в пути умер, а Тессем в одиночку продолжил путь, но и он погиб, не дойдя двух километров до Диксона. Первым на следы почты наткнулся член экспедиции Никифор Бегичев, который давно мечтал раскрыть одну из многочисленных загадок Арктики и постоянно искал следы норвежской экспедиции. Большинство почты было разграблено медведями, но три больших тюка из водонепроницаемой материи сохранились, сохранились и некоторые вещи...

Об этой находке Урванцев послал докладную записку в Русское географическое общество, а затем о находке узнало и норвежское правительство. За это путешествие Н.Н. Урванцеву Русское географическое общество присудило медаль имени Пржевальского, а норвежское правительство за находку почты Амундсена наградило его именными золотыми часами. Когда об этом узнал Н.А. Бегичев, то был очень обижен, так как в докладной записке не были упомянуты ни Н.А. Бегичев, нашедший место последнего упокоя Тессема, ни другие члены экспедиции С.Д. Базанов и Б.Н. Пушкарев. Но справедливость была восстановлена позднее (без участия Урванцева) - благодарная Норвегия наградила золотыми часами и Бегичева.

Почему так поступил Н.Н. Урванцев, осталось загадкой. Удивляет и то, что в книгах самого Урванцева, где достаточно много описаний природы, сурового быта и неожиданных приключений, нет имен тех, кто трудился рядом с ним, деля и суровый быт, и невзгоды Крайнего Севера. Удивляет также его странное отношение к родственникам. Например, в книгах Урванцева нигде не упоминается его двоюродный брат Федор Николаевич Валов, который был участником экспедиции в 1921 году и пробил первую штольню в горе Шмидта. После экспедиции 1921 года Федор Николаевич работал на Ленских приисках директором приисков, но с ним Урванцев связь не поддерживал. Может, Урванцев, который долгое время не смог избавиться от страха преследования, не хотел тянуть за собой людей? Видимо страх преследования заставил Николая Николаевича как-то сразу откреститься и от Александра Сотникова, а ведь они были друзьями. Конечно же, на судьбе Н.Н. Урванцева не могло не отразиться страшное время большевистских и сталинских репрессий. И этим можно объяснить,

что при изложении собственной биографии Урванцев многое скрывал из досоветского периода своей жизни, а где-то и придумывал то, чего даже не было. Например, придумал версию, что в экспедицию 1920 года его на Таймыр декретом отправил В.И. Ленин.

С лета 1923 почти до конца августа 1924 года (вторая зимовка) под руководством Урванцева было продолжено геологическое изучение горы Рудной с проведением круглогодичной разведки подземными выработками и бурением.

Состав партии – 32 человека. Фельдшером в экспедиции была жена Урванцева Елизавета Ивановна Найденова, которую он встретил во время подготовки экспедиции в Новониколаевске (Новосибирске). Эта женщина стала для него верной спутницей на всю последующую очень долгую жизнь.

Участники норильской экспедиции 1923 года

Привезенные Урванцевым образцы норильских руд были отправлены в Петроград. Анализ руд, проведенный профессорами Н.К. Высоцким, К.Ф. Белоглазовым (отец минералолога К.К. Белоглазова, упомянутого выше) и Н.П. Асеевым, подтвердили наличие в них не только никеля, меди, железа, но и кобальта, золота, серебра, платины... Это открытие существенно увеличило перспективы Норильска - стать базой горнорудного предприятия. В честь профессора Н.К. Высоцкого, крупного специалиста по золоту и платине, был назван один из открытых в норильских рудах минералов.

Урванцева перевели из штата Томского отделения Сибгеолкома в Ленинградское отделение. Результаты проведенных Урванцевым работ принял и одобрил ученый совет Геолкома, однако необходимость дальнейших исследований была признана экономически нецелесообразной. Урванцев не согласился с решением высокой комиссии и подал свое особое мнение. Высший Совет народного хозяйства, возглавляемый Ф.Э. Дзержинским, поддержал Урванцева и постановил продолжить работы в еще более крупном масштабе.

С весны 1925 года была организована новая экспедиция (150 человек), работавшая до осени 1926 года (третья зимовка). Начальником экспедиции назначили П.С. Аллилуева¹, Урванцев был его заместителем. Впервые экспедиция

¹**Павел Сергеевич Аллилуев (1894—1938)** — советский военный деятель, участник Гражданской войны. Сын С.Я. Аллилуева, прятавшего когда-то от ищеек Ленина и Сталина, шурина Сталина. Пистолет, из которого застрелилась Надежда Аллилуева (вторая жена Сталина), был подарен ей братом. П.С. Аллилуев - один из создателей и руководителей Главного автобронетанкового управления РККА. Окончив Военно-академические курсы высшего комсостава РККА, в 1929-1932 годах работал в Берлине, осуществляя контроль качества самолетов и двигателей, закупаемых по контрактам, заключенным между СССР и Германией. Летом 1938 года Павел Сергеевич обратился к Сталину с предложением прекратить репрессии в РККА. Умер от инфаркта на рабочем месте в своём кабинете в ноябре 1938 года на следующий день после возвращения из санатория. Скорее всего, он был отравлен. Павел Сергеевич захоронен в Москве на Новодевичьем кладбище недалеко от могилы своей сестры Надежды.

была оснащена буровым и геофизическим оборудованием, металлорежущими станками, электростанцией, тремя гусеничными тракторами. Впервые для перевозки груза от Дудинки до Норильска применили гусеничные трактора (французской фирмы «Рено»). Это был трудный эксперимент. На путь менее ста километров ушло 34 дня (20 ходовых и 14 ремонтных).

Разведочные работы велись опытными геологами Н.Н. Урванцевым, И.Ф. Григорьевым, Е.Г. Багратуни, начинающим геологом В.С. Домаревым, студентами Московской горной академии Б.Н. Рожковым, Е.Н. Павловским, М. Новиковым, студентом Ленинградского горного института В. Булысо. Было пройдено десять буровых скважин (общая проходка около 360 метров, глубина – 50-70 метров). Стали видны запасы вкрапленных руд, можно было строить прогнозы.

В 1925 году при проведении геологических маршрутов к востоку было найдено месторождение Норильск-2 («Медвежий ручей»).

Подытоживая результаты шестилетних разведок, четырех экспедиций, трех зимовок, Н.Н. Урванцев в 1927 году писал: *«К 1927 году геологическое строение участка Норильска, тип и характер его рудного и угольного месторождений и их промышленные перспективы в стадии предварительных разведок были выяснены. <...> В дальнейшем необходимо было произвести детальные разведки для выяснения запасов руд и угля высоких категорий, по которым можно будет составить технический проект промышленного предприятия...»*.

В последующие годы (1927-1930) изучение Норильских месторождений продолжил выпускник Московской горной академии 26-летний Борис Николаевич Рожков.

Н.Н. Урванцев меняет направление своих исследований и в течение трех лет (1927-1929) обследует Игорскую протоку, бассейн реки Хантайки, изучает геологию хребта Бырранга. За зиму и лето Урванцев прошел на лошадях, оленях и моторной шлюпке по северо-западной части Таймырского полуострова около 10 тысячи километров. Фактически было завершено геолого-географическое изучение Норильского района, начатое в 1920 году. На основе обширных материалов, полученных во время экспедиций, Урванцев составил первую схематическую геологическую карту всего Таймыра, изданную в 1931 году.

В 1930-1932 годах состоялась экспедиция Всесоюзного арктического института по изучению Северной Земли, начальником которой был Георгий Алексеевич Ушаков, Урванцев руководил научной частью. В экспедиции помимо Ушакова и Урванцева участвовали еще два человека: каюр-промышленник С.П. Журавлев и радист В.В. Ходов.

Это было первое географическое и геологическое обследование островов Северной Земли. Экспедиция под руководством Ушакова пробыла на архипелаге два года, её участники преодолели расстояние более семи тысяч километров. Она проходила в очень тяжёлых условиях, на грани человеческих возможностей. Однако научные исследования и топографическая съёмка не прекращались. Вместо двух значительных островов, показанных на старых картах, было обнаружено еще три крупных, один средний и несколько мелких островов. Была составлена карта архипелага с описанием его рельефа и геологического строения. Были получены первые сведения о геологии, климате, оледенении, гидрологии архипелага, установлены признаки присутствия ряда полезных ископаемых: меди, олова, железа, нефти и других. В августе 1932 года ледокол «Сибиряков» вывез экспедицию на большую землю. Эта экспедиция стала подлинным испытанием мужества и выносливости, моральных и физических сил человека. Безусловно, Урванцев был настоящим героем, ведь он выносил двойные трудности и тройные психологические нагрузки из-за испорченного с детства зрения.

Н.Н. Урванцев в палатке на Северной Земле

Экспедиция увенчалась огромным успехом. Северная Земля перестала быть загадкой, и перед взором человека она предстала как обширный архипелаг. По результатам экспедиции на Северную Землю Урванцев был награждён орденом Ленина.

В 1933-1934 годах управление Главсевморпути отправило пароход «Правда» в бухту Нордвик в первую историческую экспедицию по поиску нефти в Северной Сибири. Экспедицию возглавил Н.Н. Урванцев, на пароходе также была его жена Елизавета Ивановна, которая выполняла в экспедиции роль медика.

В 1935 году Н.Н. Урванцев стал доктором геолого-минералогических наук, а в 1937 году был назначен заместителем директора Арктического института в Ленинграде.

Н.Н. Урванцев подвергался аресту трижды, если не считать арест и двухмесячное пребывание в тюрьме в 1920 году. Его обвиняли в купеческом происхождении, в белогвардейском (колчаковском) прошлом, в присвоении чужих открытий, в геологических ошибках, в умышленном сокрытии Талнаха, в шпионаже в пользу Японии, в плохой подготовке навигации 1937 года по Севморпути. Серьезность обвинений неравноценна. Некоторые не заслуживают и слова в ответ. Одни продиктованы обстоятельствами жизни, другие профессиональной завистью, глупостью и подлостью..., да и просто неумением подняться над фактами и взглянуть на них без предубежденности. Политикой Урванцев не занимался, а если и приходилось, то это было явно не его. Он признавался, что симпатизировал анархистам, что было связано с поклонением князю Петру Кропоткину, очень яркому человеку, теоретику анархизма, большому геологу, исследователю Арктики, предсказавшему существование Земли Франца-Иосифа...

В первых двух случаях (1938–1940) Урванцева освободили за недоказанностью обвинения («вредительство и участие в контрреволюционной деятельности»). В третий раз (декабрь 1940 года) Особым Совещанием НКВД он был приговорен к восьми годам лагерей. Будучи заключенным, он сначала работал конструктором в Особом техническом Бюро в Ленинграде, затем техническим руководителем на Актюбинском комбинате ферросплавов, а в 1942 году - начальником геологического бюро и главным геологом Ленских рудников Актюбинского комбината НКВД. В начале 1943 года по запросу А.П. Завенягина Урванцев был отправлен в Норильск. На Таймыре он был расконвоирован и проводил геологические работы на реке Пясины и в районах архипелага Минина. В 1946-1948 годах принимал участие в поисках урановых руд на Таймыре.

В сентябре 1945 года директор Норильского комбината А.А. Панюков распорядился о подготовке особо секретной миссии для поиска урановых месторождений на Таймыре. К весне 1946 года были сформированы под общим руководством Н.Н. Урванцева три геолого-поисковые партии. За два года работ было выявлено более 15 перспективных участков. Урановые «кладовые» Таймыра в 1949 году были отнесены к числу основных в СССР. Наиболее перспективным было названо урановое рудопроявление Каменское в южной части Челюскинского «выступа» (объект «Рыбак»). В декабре 1949 года вышло постановление Совета Министров СССР «Об организации промышленной добычи свинца (так было зашифровано ураносодержащее сырье. – Авт.) на Каменском месторождении Таймырского полуострова». Проектировщикам выдали задание на строительство уранового рудника, временного водохранилища, обогатительной фабрики, посёлка, и даже аэропорта. От бухты Зимовочной до рудника предстояло проложить узкоколейку. В течение 1950-1951 года удалось разведать в недрах объекта «Рыбак» лишь 60 тонн урана со средним содержанием металла в руде 0,05%. Результаты были более чем скромные. В 1951 года вышло новое постановление Совета Министров СССР с указанием сосредоточить имеющиеся силы геологов на поиске урана в районе плато Лодочникова и бассейне р. Ленинградская, а на объекте «Рыбак» прекратить капитальное строительство и подготовительные работы по добыче урановых руд.

К этому времени в СССР были открыты гораздо более перспективные другие месторождения урана (Кривой Рог, Северный Кавказ, Киргизия), поэтому Таймыр уже не был в центре внимания.

Новый этап в изучении ураноносности Таймыра начался в конце 50-х годов. Результаты геологической съёмки 1960 года в районе левобережья и верхнего течения р. Верхняя Таймыра и её притоков послужили обоснованием высокой перспективности этой территории на поиски урана. В 1961 году были выявлены многочисленные урановые и уран-ториевые проявления в Быррангской зоне. Однако к середине 60-х годов до того активные исследования ураноносности на Таймыре были полностью свернуты.

Уместно здесь вспомнить про судебное «Красноярское дело» в 1949 году, связанное с проблемой поиска урановых месторождений в Сибири. Поиски велись и велись интенсивно, а результатов, удовлетворяющих атомную промышленность, не было. Сталин вызывает Министра геологии СССР И.И. Малышева в Кремль и задает вопрос: «Какие богатства имеются в Сибири?» - Малышев перечислил: «Медь, никель, кобальт, платина, золото». Сталин бросил: «Вас обманули вредители - там есть уран». Вскоре Малышева сняли с поста и перевели на должность начальника Северо-Западного геологического управления (г. Ленинград). Сталин поверил статье специального корреспондента газеты «Правда» А.Ф. Шестаковой, напечатанной в газете, и тем письмам, что были адресованы лично ему. Шестакова обвиняла ряд геологов в сокрытии от государства урановых месторождений на юге Красноярского края.

30 марта 1949 года на очередном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было заслушано сообщение редактора газеты «Правда», секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова и журналистки А.Ф. Шестаковой о состоянии геологических разведок в Красноярском крае. По результатам сообщения была создана под руководством Л.П. Берии комиссия, в которую вошли Г.М. Маленков, А.И. Микоян, В.С. Абакумов, вновь назначенный Министр геологии П.А. Захаров, П.Н. Поспелов, А.Ф. Шестакова и первый секретарь Красноярского крайкома А.Б. Аристов. Перед комиссией была поставлена задача - в течение 10 дней разобраться с положением дел в Министерстве геологии и принять меры.

С 29 марта 1949 года пошли аресты по совершенно секретному «Красноярскому делу». «За халатность и участие в антисоветской группе» было арестовано около 200 геологов в разных городах СССР. По красноярскому судопроизводству было арестовано 27 человек.

В ноябре 1950 года ученым объявили, что «за неправильную оценку и заведомое сокрытие месторождений полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию» они приговариваются к различным срокам заключения в ИТЛ (от 10 до 25 лет) с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Были арестованы видные специалисты Министерства геологии, Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ) в Ленинграде, Томского университета и ряда восточно-сибирских геологических организаций. Среди арестованных оказались академики АН СССР И.Ф. Григорьев и А.А. Баландин, академик АН Казахской ССР М.П. Русаков, член-корреспондент АН СССР А.Г. Вологдин, профессора И.К. Баженов, В.В. Богацкий, А.Я. Булытников, В.Н. Верещагин, В.Н. Доминиковский, В.К. Котульский, председатель

техсовета Мингео В.М. Крейтер, главный инженер Красноярской геологоразведочной партии Н.Я. Коган, математик В.В. Налимов, видные геологи Б.К. Лихарев, М.М. Тетяев, Л.И. Шаманский, Ф.Н. Шахов, Ю.М. Шейнманн, 80-летний Я.С. Эдельштейн, референт министра геологии М.И. Гуревич, начальник бюро изобретений Я.М. Ром и ещё десятки человек. Это арест для шестерых профессоров-геологов стал смертельным. И.С. Григорьев, М.И. Гуревич, Л.И. Шаманский не дожили до суда. Сразу после вынесения приговора в тюремной больнице в Ленинграде умер Я.С. Эдельштейн. На этапе в Норильск скончался В.К. Котульский. В Норильлаге не стало Н.Я. Когана.

После смерти Сталина в 1953-1954 годах под давлением общественности началась реабилитация пострадавших геологов. В справках о реабилитации от 31 марта и 10 апреля 1954 года констатировалось: «*Постановление ОСО (Особое совещание. – Прим. авт.) от 28.10.50 отменено и дело за недоказанность обвинения производством прекращено*».

Но последствия для геологии страны оказались очень тяжкими. Были уничтожены ученые, создавшие теорию образования месторождений полезных ископаемых, что не могло не сказаться на геологии в последующие годы.

В 1945 году с Урванцева сняли ярлык заключенного, но еще 10 лет он пробыл в норильской ссылке. В 1954 году он был реабилитирован и через год вернулся в Ленинград, возглавил отдел геологии Арктики в НИИ геологии.

Скончался Николай Николаевич в Ленинграде в феврале 1985 года. Урна с прахом учёного, в соответствии с его завещанием, была захоронена в Норильске. Там же похоронена его жена Елизавета Ивановна, которая была с мужем во многих северных экспедициях, мужественно деля с ним все тяготы и жизненные невзгоды. Настоящей проверкой на прочность союза Урванцевых были годы сталинских репрессий, когда по ложным доносам Николая Николаевича трижды арестовывали. Все эти годы Елизавета Ивановна была ангелом-хранителем для своего мужа, его светом и силой. Союз Урванцевых продлился 62 года. Елизавета Ивановна не сумела прожить без Николая Николаевича и пятидесяти дней...

Памятник на могиле Николая Николаевича и Елизаветы Ивановны Урванцевых открыли в феврале 1994 года. На могиле были установлены надгробие и крест, выполненные из габбро-диабазы. На надгробии – мемориальная доска с надписью «Здесь покоится прах Урванцева Н.Н. и Урванцевой Е.И.».

Н.Н. Урванцев награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Серебряной медалью имени Н.М. Пржевальского (1924), Большой золотой медалью Географического общества СССР (1958), является Заслуженным деятелем науки и техники РСФСР (1974), Почетным гражданином города Лукоянова, Почетным гражданином города Норильска

В городе Лукоянове есть улица Урванцева, на ней сохранился дом Урванцевых, в котором родился будущий учёный геолог. На этом доме установлена мемориальная доска в честь Николая Николаевича. Именем Урванцева названы улицы в Норильске и в Красноярске. Его именем назван открытый в Талнахе минерал - урванцевит.

В 2017 году в сквере у музея Норильска был открыт памятник геологу Николаю Урванцеву – высота фигуры без постамента 2,5 метра. Он был заказан в творческой мастерской известного скульптора Александра Рукавишника.

Памятник Николаю Николаевичу Урванцеву

Бревенчатый дом, построенный в Норильске участниками экспедиции Н.Н. Урванцева в 1921 году, стал мемориальным музеем «Первый дом Норильска».

С 2019 года норильский аэропорт стал носить его имя, как вечный памятник незаурядному человеку, человеку подвига. В научном мире его справедливо называют «Колумбом Российского севера».

Фёдоровский Николай Михайлович (1886-1956) – основоположник прикладной минералогии, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР. Родился в Курске в семье народовольцев. Отец - присяжный поверенный, мать - учительница гимназии. В 1905 году Николая исключили из 8-го класса гимназии за революционную деятельность. В 18 лет Николай Михайлович вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Вскоре он из Курска переезжает в Москву, где партийная организация поручает ему вести пропагандистскую работу в воинских частях.

В 1908 году, сдав экстерном экзамены за гимназический курс, Федоровский поступил в Московский университет на физико-математический факультет, но в 1911 году его исключили из университета за политическую деятельность. Материальные затруднения вынуждают его в 1911 году принять участие в экспедициях на Урал и Среднюю Азию, которые возглавлял Владимир Иванович Вернадский. Цель экспедиций - поиск радиоактивных минералов. На исходе года Вернадский произнес речь на съезде деятелей практической геологии, в которой прозвучали удивительно провидческие слова: *«Радиоактивными рудами начинается новая страница в истории рудного дела, и трудно сейчас предвидеть, что сулит нам в этой области будущее, может быть не очень отрадное...»*.

В.И. Вернадский разглядел в Федоровском черты, столь необходимые настоящему ученому-естествоиспытателю - пылкий ум, зоркий глаз, энтузиазм и настойчивость в достижении намеченной цели. При содействии ученого Федоровский был восстановлен в университете и переведен на минералогическое отделение. В 1914 году Николай Михайлович блестяще окончил университет и был оставлен для подготовки к

профессорскому званию. В этом же году была опубликована его первая работа - брошюра «Граниты в природе и технике». В годы первой мировой войны Федоровский работает старшим лаборантом кафедры минералогии и рудных месторождений горного отделения Политехнического института. Здесь Федоровский создал минералогический кабинет. Позднее этот институт перебазировался в Нижний Новгород. Нижегородский период жизни Н.М. Федоровского ознаменовался его активным участием в революционных событиях.

В апреле 1918 года Н.М. Федоровского отозвали в Москву для работы в Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ), созданном в 1917 году. За время работы в ВСНХ при участии Федоровского были подготовлены два декрета Совнаркома, подписанные В.И. Лениным. Это были декреты об учреждении Московской горной Академии (сентябрь 1918 года) и создании (май 1920 год) первого и единственного в стране Минералогического заповедника на Ильменских озерах (Урал).

В 1918 году на VI Всероссийском съезде Советов Н.М. Федоровский был избран членом ВЦИК. В начале 20-х годов Н.М. Федоровского по инициативе В.И. Ленина назначают руководителем Бюро иностранной науки и техники (БИИТ), созданного для установления международных связей русской науки. Тогда произошла памятная встреча Н.М. Федоровского с Альбертом Эйнштейном, который был покорен эрудированным и хорошо владеющим немецким языком русским ученым. Эйнштейн способствовал развитию контактов с Россией зарубежных ученых.

По инициативе Федоровского в Москве в 1923 году был создан Институт прикладной минералогии, с 1935 года ставший Всесоюзным институтом минерального сырья (ВИМС). Это был один из первых советских научно-исследовательских институтов, которым он руководил до 1937 года. Институт сейчас носит его имя.

В 1930 году Николай Михайлович становится председателем Международной метрической комиссии и входит в редакционный состав Большой советской энциклопедии. Он создает новую методологию, известную как комплексный подход Федоровского.

В 1930 году временный Мавзолей В.И. Ленина был заменен постоянным, построенным из гранита. Подбором камней для мавзолея занимался Н.М. Федоровский.

В 1933 году за выдающиеся научные работы, способствовавшие обеспечению советской промышленности рудоминеральным сырьем, Н.М. Федоровский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1935 году ему была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Он ввел новый комплексный метод научного исследования минералов, сущность которого изложил в книге «Наши достижения в области прикладной минералогии». В 20-30-е годы он опубликовал большое число книг - учебных пособий, лекционных курсов, научно-популярных книг.

Федоровский развил новый физико-химический аспект расшифровки процессов образования минералов в земной коре. Классификация минерального сырья по энергетическим признакам и промышленному применению, являющаяся по существу научным открытием, не была завершена Николаем Михайловичем, но не потеряла своего значения до сих пор.

Большой заслугой Н.М. Федоровского является создание промышленности неметаллических ископаемых, что освободило страну от необходимости закупать минеральное сырье за границей.

Н.М. Федоровский часто бывал в научных экспедициях на Урале, Кавказе, Закавказье, на Алтае, в Карелии, на Кольском полуострове, в Средней Азии. В 1929 году он представлял Советский Союз на XV Международном геологическом конгрессе в Южной Африке. Он первым сделал вывод о существовании алмазов на территории нашей страны, «в многочисленных вулканических областях Сибири и Северного Урала».

В октябре 1937 года, будучи директором ВИМСа, Н.М. Федоровский был арестован по клеветническому вздорному обвинению в шпионаже в пользу фашистской Германии. В апреле 1939 года его осудили на 15 лет лагерей без права переписки, с последующей бессрочной ссылкой. Начались скитания по этапам и «островам архипелага ГУЛАГа». До 1942 года он отбывал срок в Воркутинском лагере, участвуя в освоении угольных месторождений, там он после трех лет пребывания был сактирован как инвалид. И только этапирование в Москву, где он в 1943-1945 годах работал в «шарашке» НКВД, вернуло ему здоровье. В «шарашке» Федоровский занимался поисками способов синтеза алмазов для абразивной промышленности и был очень близок к созданию промышленной технологии такого производства.

В 1945 году Федоровского отправили в Норильлаг. По пути в Норильск он почти год занимался погрузкой барж в красноярском порту «Злобино». В Заполярье он плыл по Енисею на пароходе в общей каюте (на 240 человек) вместе с рецидивистами-уголовниками, которые над ним издевались. За ученого заступилась бесстрашная Евфросиния Керсновская, тоже этапиремая в Норильск (эта легендарная женщина уже упоминалась в этой книге – смотри предисловие). Только чудо и вмешательство Керсновской помогло Федоровскому доехать до Дудинки...

В Норильске у Федоровского появились некоторые просветы в лагерной жизни. Он был расконвоирован, работал в химической лаборатории, преподавал минералогию в Норильском горно-металлургическом техникуме, организовал минералогические кабинет и музей, подготовил 6-е издание своего учебника (5-е издание «Курса минералогии» вышло в 1934 году).

В декабре 1949 года Федоровского снова возвратили в зону Норильлага (причем в Горлаг!), где профессору и члену-корреспонденту Академии вручили кирку и лопату. Только с конца 1952 года ему предоставили возможность продолжить научную работу на горной опытно-исследовательской станции. Недолго длилась эта работа. Измученный невыносимыми испытаниями, 60-летний Федоровский тяжело заболел. В апреле 1954 года, когда он лежал в больнице, пришло известие о полной его реабилитации и снятии с него всех необоснованных обвинений. Он стойко держался в заключении, следил за собой, но при получении известия о реабилитации перенес инсульт (были парализованы правая рука и нога, потеряна речь). В тяжелом состоянии он был привезен дочерью Еленой Николаевной в Москву, но так и не оправился после болезни, в августе 1956 года скончался, похоронен на Донском кладбище.

О Н.М. Федоровском в Москве вышло две книги, его именем назван минерал - федоровскит. На здании ВИМС установлена мемориальная доска с горельефом Николая Михайловича. В Талнахе по решению горисполкома именем Федоровского названа улица. В Нижнем Новгороде его именем названа набережная.

Жизнь и научная деятельность Н.М. Федоровского являются примером сочетания в одном лице могучего интеллектуала-мыслителя и активного деятеля, ученого, творца, подвижника.

. **Котульский Владимир Климентьевич** (1879-1951) – ученый в области геологии и геологоразведки, доктор геолого-минералогических наук, профессор Санкт-Петербургского горного института. Родился в г. Белостоке (современная Польша) в семье начальника станции, мать работала телеграфисткой. В 1880 году переехал в г. Одессу, где в 1897 году окончил реальное училище. В 1897-1903 годах учился в Горном институте в Санкт-Петербурге. После окончания института получил звание горного инженера. В 1903-1905 годах служил в армии канониром и бомбардиром. Выдержал экзамен на чин прапорщика. В мае 1906 года начал работать заведующим горными работами на Аллавердском руднике. С 1908 года преподает в Горном институте на кафедре минералогии. Одновременно участвует в экспедициях Ленской геологической партии Горного департамента. В 1914 году был в командировке в Париже и в Женеве.

Летом 1916 года В. К. Котульский приезжает на Алтай. Он знакомится с месторождениями Сугатовского и Сургутановского рудников на Алтае, с Александровским и Западно-Александровским (позже именовавшимся Котульским) полиметаллическими месторождениями в Казахстане. Котульский считал, что юго-западная часть Алтая является обособленной структурой и назвал её Рудным Алтаем, что прочно вошло в научный геологический обиход.

Летом 1918 года Котульского избирают вице-директором временного геологического комитета, который действовал в Сибири при Правительстве Колчака (г. Томск). Следует заметить, что именно этот комитет направил в Норильск в 1919 году первую экспедицию Урванцева-Сотникова. В 1920 году Котульский возвращается в Петроград. В 1928-1930 годы он руководит Государственной комиссией по запасам полезных ископаемых. В 1929 году Геолком был реорганизован в Главное геологическое управление при Президиуме ВСНХ. В состав Геолкома входил Геологоразведочный институт цветных металлов, который возглавил Котульский (1929-1930). В это время Котульский занимался изучением месторождений золота Калбы и свинцово-цинковых Рудного Алтая и Центрального Казахстана, участвовал в экспедициях в Сибирь, Среднюю Азию, Урал, Кавказ.

Первый раз В.К. Котульского арестовали в октябре 1930 года по обвинению «в занижении запасов металлов и в торможении освоения месторождений», приговорили к расстрелу, затем расстрел заменили на 10 лет лишения свободы и сослали в Мурманскую область. Там на Кольском полуострове в 1931 году Котульский открыл месторождение сульфидов. Вскоре Котульского освободили благодаря хлопотам его сестры Елены Климентьевны Катульской (Котульской) - известной певицы Большого театра.

Но недолго Котульский пребывал на свободе. Последовал второй арест в январе 1932 года и осуждение на 10 лет по делу «О вредительской и шпионской деятельности контрреволюционных групп в геологоразведочной промышленности». Снова ссылка в Мурманскую область, где он до 1933 года работал начальником Особого геологического бюро в Мурманске, а с 1933 по 1941 годы был консультантом треста «Апатит» (Хибиногорск) и комбината «Североникель» (Мончегорск). Именно Котульский создал одну из сильнейших геологических организаций на Кольском полуострове - геологоразведочное управление «Североникель». В 1935 году ссыльный Котульский стал одним из первооткрывателей Мончегорского медно-никелевого месторождения. Это месторождение стало на долгие годы сырьевой базой комбината «Североникель», вблизи которого был построен город Мончегорск. Несомненной заслугой В.К. Котульского стал и предварительный подсчет рудных запасов в Монче-тундре. Результаты подсчёта запасов были утверждены госкомиссией без изменений и положены в основу проектирования комбината. Это был блестящий успех!

Летом 1937 года Котульский участвовал в работе XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве, его сопровождал «секретарь» - конвоир в штатском. Вскоре его освободили, но разрешили жить только вне крупных городов.

В 1941 году Владимир Климентьевич уехал в г. Норильск, где его назначили старшим геологом геологического отдела Норильского комбината. В это время в ополчении под Ленинградом погиб его сын Александр – поэт и блестящий студент Горного института (в 1933 году он посвятил отцу поэму «Хибины»).

Под руководством Котульского в 1943 году была составлена геологическая карта норильского района. Им написана монография о норильском месторождении. За работу по Мончегорскому и Норильскому месторождениям В.К. Котульский был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В ноябре 1944 года судимость с В.К. Котульского была снята. В 1945-1949 годах он жил и работал в Ленинграде. В эти годы он успел подвести некоторые итоги своей научной деятельности. В 1945 году ему была присуждена степень доктора геолого-

минералогических наук (без защиты диссертации). С конца 1945 года В.К. Котульский, став профессором, заведовал лабораторией в Ленинградском институте «Гипроникель».

В 1949 году Котульского вновь арестовали по «красноярскому делу». Он был осуждён на 25 лет лагерей. В 1951 году в Красноярске при этапировании из Ярославской пересыльной тюрьмы в Норильлаг Владимир Климентьевич был убит уголовником. Реабилитирован по «красноярскому делу» в марте 1954, полностью был реабилитирован в мае 1989 года (по заключению прокурора Ленинградского военного округа).

Награжден Орденом Святого Станислава 3-й степени (1911), Орденом Святой Анны 3-й степени (1914), Орденом Ленина (1931), орденом Трудового Красного знамени (1943). Именем В. К. Котульского названы минерал котульскит, улицы в городах Норильске и Мончегорске. В мае 1977 года в рамках программы «Память о бесправии» в городе Норильске, на доме, где жил Котульский, установили мемориальную доску.

Ученый с мировым именем Владимир Климентьевич Котульский олицетворял высокий профессионализм, трудолюбие, интеллигентность и нравственную чистоту.

Годлевский Михаил Николаевич (1902-1984) – ученый-минералог, геолог, доктор минералогических наук, профессор. Родился в Варшаве в семье военного инженера, погибшего в дни революции. Внук польского повстанца 1863 года Виктора-Витольда Годлевского, сосланного при царизме в Сибирь и ставшего в ссылке исследователем глубоководной фауны Байкала. После смерти отца в Петербурге в 1917 году забота о матери и сёстрах легла на плечи 15-летнего подростка. Учился в реальном училище, одновременно работал зимой грузчиком в порту, летом - рабочим, чертежником, техником в геологических и гидрографических экспедициях, исследовавших реки Сибири (Лена, Алдан, Ангара).

В 1922 году Михаил поступил на астрономическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета. Учился и работал техником на железной дороге, табельщиком, воспитателем детдома. Со второго курса был отчислен за «социальное происхождение». В 1925 году поступил в Ленинградский Горный институт (ЛГИ). По окончании в 1930 году учебы был оставлен в институте для ведения научной работы, став вскоре доцентом кафедры минералогии. В 1940-1941 годах одновременно заведовал минералогическим отделом во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ).

В июле 1941 года Михаила Николаевича мобилизовали на фронт, воевал на Ленинградском фронте в чине майора, командовал артиллерийским расчётом. Дивизия, в которой находился Михаил Николаевич, была окружена немцами и взята в плен. Пробыл в Германии в лагерях до 1944 года. Когда Советская Армия освободила пленных, его зачислили в 5-ю гвардейскую дивизию, в трофейный батальон. В это время Германию посетил президент АН СССР Сергей Иванович Вавилов. Он назначил М.Н. Годлевского комендантом Цейсовского завода в Йене. Через год в ноябре 1945 года Михаил Николаевич приехал в Ленинград, с вокзала – сразу во ВСЕГЕИ, где и был арестован. Следствие велось в «Большом доме» в Ленинграде, на улице Воинова. Его заставляли подписать бумагу, что он немецкий шпион. Избивали, сутками заставляли стоять без движения и без сна, но всё было безрезультатно: Михаил Николаевич ничего не подписал. Годлевского осудили на 10 лет «как немецкого шпиона» и отправили в Норильлаг. До Красноярска он ехал по железной дороге в теплушке вместе с уголовниками. Одет он был хорошо, уголовники сыграли на него в карты, избили и полностью раздели.

Первый год в лагере Михаил Николаевич работал помощником забойщика на Кайерканском угольном месторождении. Однажды к главному инженеру горнорудного управления, посетившего Кайеркан, подошел заключенный в рваных опорках на ногах, в драных брюках, надетых на голое тело, без головного убора и сказал, что он изучил

систему трещин, установил историю геологического развития угольного месторождения и понял, как можно увеличить добычу угля. Главный инженер заинтересовался этим заключенным. «Кто ты?» — спросил он. Тот ответил: «*Я ученый из Ленинграда*». Михаил Николаевич написал отчет «Тектоническое строение Кайерканского угольного месторождения». Автором отчета записали одного из вольнонаемных (заключенные не имели права быть авторами), и только впоследствии на отчете появилось имя М.Н. Годлевского. Через год его перевели в петрографо-минералогическую лабораторию Норильского комбината и пригласили преподавать геологию в Горно-металлургическом техникуме. В декабре 1951 года Михаила Николаевича назначили начальником геологической партии Норильского комбината. Он вел самостоятельную работу, но жил в зоне и ежедневно ходил на работу и возвращался с охранником.

В Норильске Годлевский собирал материалы для монографии по геологии и генезису норильских медно-никелевых и каменноугольных месторождений. Написал новаторскую по тем временам работу «Приложение теории вероятности к решению геологических проблем».

После реабилитации (ноябрь 1956 г.) работал во ВСЕГЕИ, развивал теорию рудообразования и руководил работами по поиску медно-никелевых месторождений. В 1956–1957 годах Годлевский составил прогнозную металлогеническую карту, что помогло открытию Талнахского месторождения. В 1958 году защитил докторскую диссертацию «Траппы и сульфидные медно-никелевые месторождения Норильского района». В этой работе впервые была развита стройная теория медно-никелевого рудообразования, начало которой заложили ещё Урванцев и Котульский.

С 1961 года и до конца жизни Михаил Николаевич возглавлял лабораторию Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР, в 1964 году получил звание профессора. Автор 170 трудов по минералогии и геохимии цветных, редких и благородных металлов, по теории и практике прогнозирования и поисков новых рудных объектов, по трапповому магматизму. М.Н. Годлевский - первооткрыватель нескольких минералов и месторождений. По фамилии учёного назван рудный минерал – годлевскит, сначала обнаруженный в Норильске, а затем в Канаде, Марокко и Австралии.

Михаил Николаевич обладал энциклопедическими знаниями не только в области геологических наук. Свободно владел европейскими языками, хорошо знал и использовал в своих трудах термодинамику, физическую химию, математику.

По характеристикам коллег и ученых своим научным творчеством и практическими делами Михаил Николаевич оставил глубокий след в отечественной и мировой геологии рудных месторождений. За свою научную и практическую деятельность был награждён Орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Рожков Борис Николаевич (1902-1938) – ученый-геолог. Родился в семье инженера, потомственного почетного гражданина г. Москвы. После окончания гимназии (1917) Борис Николаевич работал в отделе металлов Высшего Совета Народного хозяйства и учился на физико-математическом факультете МГУ. В 1920 году поступил в Московскую горную академию. В 1924 году, будучи студентом, работал коллектором в экспедиции геолога С.В. Обручева на Подкаменной Тунгуске. В 1925 году Рожков вместе с Николаем Урванцевым участвовал в геологической экспедиции на Таймыре, руководимой Павлом Аллилуевым. В 1927 году Рожков руководил Дагестанской геолого-поисковой партией, открыл медно-колчеданное месторождение Кизил-Дере. В 1928 году он возвратился на Таймыр, возглавил геолого-поисковые работы на территории, которую привычно сегодня обозначают как Норильск-1 и Норильск-2. Им была проведена детальная геологическая съемка и составлена карта месторождений.

Б.Н. Рожков заслуженно считается одним из первооткрывателей талнахского месторождения. В 1929 году Рожков написал работу «Рудная зона Норильска-2».

Результаты геологических исследований норильского района составили основу его обобщающих трудов (1933-1935): «Материалы по металлоносности сибирских траппов», «Степень изученности норильских медно-никелевых месторождений», «Геолого-петрографический очерк рудного Норильска». В последующие годы эти труды являлись справочной книгой норильских геологов. В написанной в 1944 году монографии А.В. Воронцова и В.К. Котульского «Геология и полезные ископаемые норильского края» вклад Б.Н. Рожкова в разведку норильских месторождений оценивается очень высоко. Урванцев в известных популярных книгах о геологических поисках на Таймыре искренно и тепло пишет о коллеге и товарище Б.Н. Рожкове, его высоком профессионализме.

В начале 30-х годов Рожков проводил исследования на Тунгуске и на Анабарском массиве. В 1934 году он вернулся в Москву, где через год в старейшем геологоразведочном научном центре (ЦНИГРИ) ему без защиты диссертации присвоили ученую степень кандидата наук. С 1936 года Рожков - старший геолог Арктического института, заведующий сектором полезных ископаемых.

В конце 1936 года Управлением НКВД по Ленинградской области Б.Н. Рожков был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, за то, что *«является членом фашистской террористической организации..., активно принимал участие в обсуждении планов террористических актов в отношении Сталина и других членов Советского правительства...»*. В 1938 году Б.Н. Рожкова этапировали в г. Смоленск и расстреляли. Данные о месте захоронения Б.Н. Рожкова не установлены. Реабилитирован в 1957 году.

На одной из дальних аллей Новодевичьего кладбища в Москве есть скромный «рожковский мемориал», где среди имен родителей, сестер, брата, детей на обелиске выбиты годы жизни Бориса Николаевича Рожкова. Жена Бориса Николаевича Зинаида Евграфовна Рожкова была арестована в 1937 году, выслана из Ленинграда в город Кустанай Казахской ССР и реабилитирована лишь в 1961 году. Арестована была сестра Б.Н. Рожкова Лидия Николаевна после того, как в 1938 году расстреляли ее мужа. Не состоялся арест старшего брата Юрия Николаевича, члена ВКП(б) с 1917 года, инженер-геолога, художника, первооткрывателя многочисленных промышленных месторождений золота (достоин отдельного рассказа). Его исключили из партии за «несообщение об аресте брата-контрреволюционера». Юрий Николаевич умер в 1940 году от открытой формы туберкулеза. В 1940 году пришла беда - в авиакатастрофе гибнет еще одна сестра, доктор Татьяна Николаевна, а под колесами поезда находит смерть 10-летняя племянница.

В доме Рожковых любили знания, были удачливы в профессии и науке, умели говорить на иностранных языках, любили музыку (Борис брал уроки у самого Леонида Оборина), рисовали (рисунками Юрия оформлялись книги), наконец, честно служили Отчизне. Но талантливый род Рожковых бульдозером несчастий распахал ГУЛАГ.

Розанов Алексей Николаевич (1882-1949) – ученый-геолог, стратиграф, тектонист. Родился в городе Белый Смоленской губернии в семье директора гимназии. Происходил из старинного дворянского рода. Наиболее известен его дед - русский философ Василий Васильевич Розанов (1856-1919). В 1900 году Алексей окончил 3-ю Московскую гимназию с золотой медалью и поступил в Императорский Московский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета. По окончании Московского университета (1906) с дипломом 1-й степени его оставили на кафедре геологии для подготовки к профессорскому званию. Первая научная работа была опубликована в год окончания университета. Получив звание профессора, преподавал в Московской горной академии (до 1914 года). В декабре 1908 года был избран действительным членом Императорского Московского общества испытателей природы.

Одновременно Розанов сотрудничал в Геологическом комитете, где в его задачу входило систематическое изучение геологического строения страны и минеральных богатств, составление общей геологической карты, а позднее и геологическая съемка отдельных горнопромышленных районов. В 1914 году по поручению Геолкома Алексей Николаевич осуществлял съемку геологической карты Европейской России в пределах Среднего Поволжья. В 1915 году Розанова призвали в действующую армию. Для надобностей Главного военно-санитарного управления он обследовал минеральные источники и геологические условия их выходов на Северном Кавказе. В период 1917–1919 годов Розанов продолжал работы по составлению 10-верстной геологической карты центральных, западных, северо-восточных районов Европейской России, начал работы по Сибири и Туркестану, и Азиатской России.

В марте 1918 года Геолком был передан в Высший Совет Народного Хозяйства. А.Н. Розанов - один из создателей Московского отделения Геолкома, который он возглавлял в течение двух лет (1921-1922). Работал в НИИ геологии, участвовал в геологических исследованиях в Урало-Поволжье, а также в Центральных районах России, на Кавказе.

Ко времени окончания Гражданской войны А.Н. Розанов переключился на решение новой научной проблемы, связанной с горючими сланцами. В общей сложности в 1919-1932 годах он опубликовал около двадцати трудов по сланцам. Одной из проблем, которой занимался А.Н. Розанов, являлась разведка нефтяных ресурсов страны. Первые наблюдения он делал еще в 1916 году, вплотную начал изучать нефтяные ресурсы в 1926 году, к 1930 году опубликовал более 10 работ по проблеме нефтеносности. В конце 1920-х годов А.Н. Розанов пользовался очень большим авторитетом. Его мнение о наличии нефти в Поволжье озвучивало Телеграфное агентство Союза (ТАСС), публиковала газета «Правда». Он считал, что для выяснения этого вопроса нужно бурить глубокие скважины. Розанов был одним из тех, кто предсказал наличие нефти в северо-восточных районах Европейской части страны.

В 1930 году Розанов заведовал кафедрой геологии СССР во вновь организованном Московском нефтяном институте, он читал там лекции по геологии СССР и структурной геологии.

Розанова арестовали в начале 1933 года вместе с группой московских геологов по так называемому «делу Геолкома». До 1935 года он находился в сибирских лагерях, затем в Норильске (1935-1941) и Ухте (1941-1945, 1948-1949). При его участии были открыты восточные фланги никелевого месторождения «Норильск-1». Облегчению участи А.Н. Розанова во время нахождения в Норильлаге способствовал его бывший ученик, выпускник Московского горного института А. П. Завенягин.

Официально А.Н. Розанов был освобожден уже в 1942 году, но по его просьбе остался работать в Ухте в должности старшего геолога, чтобы завершить начатые полевые и теоретические исследования. Создал обобщающую работу о перспективах нефтегазоносности Коми АССР. За работу в Ухтинском комбинате А.Н. Розанов был награжден орденом Знак почета (1944), став первым научным сотрудником в Ухте, удостоенным правительственной награды.

В 1941-1949 годах А.Н. Розанов написал ряд обобщающих научных работ по геологии и полезным ископаемым Норильского района и Тимано-Печорской провинции.

В марте 1949 года Алексей Николаевич скончался от инфаркта в Ухте, похоронен на Загородном кладбище.

Григорьев Иосиф Федорович (1890-1949) – геолог, ученый-энциклопедист, академик АН СССР (1946 г.). Родился в Санкт-Петербурге, окончил гимназию с золотой медалью и сразу поступил в Горный институт. Окончив институт в 1916 году, занимался изучением геологии Алтая, Урала, Казахстана, Грузии. Выполнял многочисленные экспертизы на севере страны (Норильский р-н), в Западной Сибири, на Колыме.

В 1925-1926 годах Иосиф Федорович был участником экспедиции на Таймыр, возглавляемой П.С. Аллилуевым. Курировал горные и буровые работы, составил для разведанного участка северного мыса горы Рудная детальную географическую карту. Обследуя верховья Угольного ручья, в придонных частях интрузии выявил прожилки и гнезда сплошных сульфидов. Позднее по результатам экспедиции подготовил оставшуюся в рукописи работу «Норильское медно-никелевое месторождение» (1930).

И.Ф. Григорьев был одним из первых организаторов нового направления в геологии – экспериментальной минералогии. Он составил и читал курс лекций «Рудные месторождения» в Горном институте (в Ленинграде) и в Московской горной академии (1929–1935). С 1930 года И.Ф. Григорьев - профессор Московской горной академии. С 1933 года работал в Геологическом институте заведующим рудным отделом, заместителем директора (1937-1939), директором института (1941-1942) и (1947-1949). В 1935 году ему была присуждена учёная степень кандидата геолого-минералогических наук, а в 1937 году за выдающиеся работы в области изучения рудных месторождений - учёная степень доктора геолого-минералогических наук (без защиты диссертации). В 1939 году И.Ф. Григорьев был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1939-1946 годах Иосиф Федорович - заместитель председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР. Во время Великой Отечественной войны возглавлял Казахский филиал АН СССР и был членом Комиссии по мобилизации природных ресурсов на нужды обороны страны. После войны (1945-1947) был главным геологом Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья. Первая экспедиция, которая нашла уран на территории СССР, была организована Иосифом Федоровичем.

В конце марта 1949 года И.Ф. Григорьев был неожиданно арестован сотрудниками МГБ СССР, а в октябре 1950 года осужден на 25 лет по «делу геологов» («проведение вредительской работы в области геологии и шпионаж»). Во время допросов в тюрьме, несмотря на все старания палачей, он не подписал никаких протоколов, никого не оговорил. Солженицын приводит его как редкий пример сопротивления властям при аресте. Григорьев проявил себя как честнейший и благороднейший человек. Иосиф Федорович умер в Бутырской тюрьме (после очередного допроса). Ему было всего 61 год. Реабилитировали его посмертно в марте 1954 года.

И.Ф. Григорьев был награжден двумя орденами Трудового Красного знамени (1944, 1945) и медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945).

Воронцов Александр Емельянович (1903-1984) – инженер-геолог. Родился в Одессе в семье рабочего судоремонтных мастерских. Рано остался без родителей, рос в семье бывшего военного барабанщика. Окончил в Саратове трехклассную школу. С 11 лет оказался в Царицыно, где побывал в учениках у часового мастера, а затем подручным у электромонтера на нефтеперегонном заводе. В 15 лет стал членом партии большевиков и сразу ушел на фронт. Служил в частях особого назначения, в политотделе 37-й стрелковой дивизии 10-й армии, был адъютантом комиссара дивизии. Перенес ранение и тиф...

В 1921 году Воронцова отправили учиться на рабфак при Саратовском университете. В 1923 году он поступил на геологический факультет Московской горной академии, где однокурсником был А.П. Завенягин. По окончании академии Воронцова направили работать в Норильск, где с 1930 года он возглавил геологоразведочное бюро. Созданная им стационарная геологическая экспедиция проводила работы по детальной разведке, определению запасов и подготовке месторождения к эксплуатации. В 1933 году подсчет запасов руд месторождения «Норильск-1» был закончен, материалы подсчета были Воронцовым привезены в Москву для утверждения в соответствующем комитете.

В 1935 году доводы А.Е. Воронцова о перспективности норильского месторождения, поддержанные О.Ю. Шмидтом, были приняты во внимание высшим руководством СССР, после чего появилось Постановление правительства СССР о строительстве Норильского медно-никелевого горно-металлургического комбината.

А.Е. Воронцов - один из первооткрывателей в Норильском рудном районе крупнейших медно-никелевых месторождений «Угольный ручей» и «Медвежий ручей». При его участии были открыты и начата разведка медно-никелевых месторождений Имангдинского и горы Чёрной, а также каменноугольных Листвянского и Кайерканского месторождений.

В 1935 году Воронцов был главным инженером «Норильскстроя», а после 1938 до 1945 года занимал пост начальника геологического управления Норильского комбината.

В 1945 году А.Е. Воронцова пригласили в Москву, где начинается его сравнительно короткий период работы в сырьевом «секторе» атомного проекта: штатный сотрудник «атомного» НИИ-9 (будущий ВНИИНМ им. А.А. Бочвара), начальник геолого-разведочного отдела и заместитель директора.

Два года Воронцов работает главным геологом в Чехословакии при формировании сырьевой урановой базы «Яхимовских рудников»¹. В сентябре 1947 года Воронцова направляют в Калининград, где он руководит геолого-маркшейдерским отделом в

¹Спустя почти четыре года в 1951 году А.Е. Воронцов оказался в числе лауреатов Сталинской премии 1-ой степени «за открытие, разведку и промышленное освоение новых рудных районов и месторождений урана в Чехословакии...». Все лауреаты были награждены орденом Трудового Красного Знамени. горно-рудном управлении по добыче янтаря. Через полтора года Воронцова переводят в «Главспеццвет» МВД СССР. В 1949 году он возглавлял Киргизскую геолого-разведочную экспедицию. В январе 1951 года он направляется в «Дальстрой» (Магадан) главным геологом Сеймчанского районного геолого-разведочного управления. Там шла разведка олова, золота, полиметаллов. Воронцов успешен в работе. Его награждают Орденом Ленина.

В марте 1953 года горного инженера III ранга А.Е. Воронцова откомандировали в Минцветмет СССР. У него ухудшилось здоровье, быстро терялось зрение. В 1955 году он вышел на пенсию, жил на даче в Перловке Московской области.

Награжден двумя Орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, лауреат Государственной премии СССР. Почётный гражданин города Норильска (1975). Похоронен в Москве, на Рогожском кладбище.

Шейнман Юрий Михайлович (1901-1974) - геолог, доктор геолого-минералогических наук. Родился в Киеве. Отец – помощник присяжного поверенного, мать – выпускница Парижской консерватории по классу вокала. Отца за активное участие в революционных событиях 1905 года выслали в Баку. В 1914 году Юра поступает сразу в 4-й класс Бакинской гимназии. В 1916 году отца амнистируют, и семья переезжает в Петроград. Юра поступает в 6-й класс частной гимназии им. Лентовской.

В 1918 году Юра поступил на физико-математический факультет Петроградского университета, в 1921 году перешел в Горный институт. После окончания института в 1926 году работал в Геолкоме.

С 1926 года начал самостоятельные полевые работы в Восточном Забайкалье. В 1929-1932 годах возглавлял отдел геологической съемки Восточно-Сибирского геологического управления, а в последующие годы работал старшим инженером Главного геологического управления Наркомтяжпрома. Возглавлял экспедиции особого назначения в Таджикистан и Западный Китай (Синьцзян), являлся ученым секретарем оргкомитета XVII сессии Международного геологического конгресса (МГК).

В 1938 году Шейнман был арестован как «участник шпионско-вредительской организации». «Зачли» активное общение с иностранцами в период подготовки и

проведения сессии МГК, чему способствовало хорошее знание немецкого, французского и английского языков. В апреле 1939 году Юрий Михайлович был осужден на 8 лет и отправлен в Норильлаг. Сначала работал в подземном руднике, перевозил руду в тачке. Но вскоре ему была предложена работа в геологической службе комбината. Юрий Михайлович участвовал в разведке месторождений никеля, угля и известняка, и является одним из первооткрывателей талнахского месторождения.

Ученого Шейнмана особенно интересовали вопросы генезиса интрузий Норильского района. На счету Юрия Михайловича открытие интрузии горы Зуб-Маркшейдерска (1939), открытие и исследования совместно с П.С. Фоминым в бассейне р. Маймеча Гулинского массива (1943), известного уникальным содержанием минералов (около 60), в частности золото-платиноидных россыпей.

Научные изыскания Юрия Михайловича нашли отражение в многочисленных трудах. Наиболее значимые из них: «Сводная геологическая карта района Норильска и записка к ней» (1942), «Стратиграфический очерк Норильска» и «Тектоника норильского района» (1944).

Заслуги Шейнмана, как геолога, были учтены, и ему «скостили» два года лагерей. В 1944 году Шейнмана освободили, но из Норильска он не уехал, продолжал работать старшим геологом Геологического управления комбината. С начала 1945 года он участвует в Ангарской экспедиции (пос. Мотыгино), которая к началу 1947 года выявила крупные запасы магнезита и сделала прогноз относительно запасов бокситовых руд. Не оставляет Шейнман и науку. Он закончил «Очерк истории развития северной половины Сибирской платформы» (1946), подготовил «Краткий курс геологии СССР. Ч.1 Платформы» (1947). В 1946 году блестяще защитил при геологическом институте АН СССР докторскую диссертацию на тему «К истории развития Сибирской платформы».

С апреля 1947 года Ангарскую экспедицию переподчиняют Красноярскому геологическому управлению, и вскоре Юрий Михайлович переключается на рудное обследование Тувы. В 1948 году он переезжает в Москву и работает в Центральном Аэрологическом тресте куратором Тувинской экспедиции.

В марте 1949 года Ю.М. Шейнмана повторно арестовали по «делу геологов». В октябре 1950 года последовал приговор и «за сокрытие месторождений» Ю.М. Шейнманн получил 15 лет лагерей. Далее - этапирование на Колыму в распоряжение Геологоразведочного управления «Дальстроя», опять жизнь в лагере заключенных, включая уголовников, на работу и с работы – под вооруженным конвоем. В 1952 году Шейнмана направляют на Чукотку для изучения огромного (3000 квадратных километров) гранитного массива.

В марте 1954 года «дело геологов» было пересмотрено и все осужденные по этому делу были реабилитированы. Юрий Михайлович возвратился в Москву и снова стал сотрудником Всесоюзного аэрологического треста. В 1956 году он перешел во Всесоюзный институт минерального сырья, где сначала был начальником отдела научно-технической информации, а с 1957 года – старшим научным сотрудником. В конце 1960 года Юрий Михайлович перешел в Институт физики Земли АН СССР, где не было затруднений с публикацией работ в открытой печати.

В 1973 году Ю.М. Шейнману присвоили звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Самойло Михаил Владимирович (1907-1937) - геолог, минералог, петрограф. Родился на ст. Волошино (ныне Болшево) Московской губернии в семье дворян. Работал в Зеравшанском поисковом отряде (поиски редких металлов). Осужден в январе 1935 года на 3 года лишения свободы. С февраля 1935 - заключенный Норильлага, работал начальником разведочной партии и в химлаборатории. Проводил первые исследования на Талнахе, в горах Хараерлаха. В декабре 1937 вновь осужден тройкой НКВД, но уже к расстрелу. Реабилитирован в июле 1956 года.

Смирнов Михаил Федорович (1904-1969). Геолог. Родился в 1904 году в с. Новолоки Ивановской области в семье крестьян. После окончания в 1930 году Московского геолого-разведочного института работал инженер-геологом во Всероссийском институте минерального сырья, а с 1933 года инженер-геологом в тресте «Союзслюда» в Иркутске. Арестован в сентябре 1938 года и осужден на 8 лет. Срок отбывал в Норильлаге. Сначала находился в 1-м лаготделении, работал на руднике 3/6. За хорошую работу срок был снижен на 6 месяцев. После освобождения из лагеря (1946) работал главным геологом Горного управления, геологического отдела Управления рудниками, с 1956 года - старшим геологом в норильской комплексной геолого-разведочной экспедиции, руководителем группы подсчета запасов, с 1957 года – главным геологом Управления комбината. В Норильском горно-металлургическом техникуме читал лекции по геологии.

Реабилитирован в 1956 году. В 1966 году М.Ф. Смирнов издал книгу «Строение Норильских никеленосных интрузий и генетические типы их сульфидных руд». В 1965 году Михаил Федорович уехал в Ивановскую область.

Соколов Николай Ильич (1907-1960) - геолог и гидрогеолог, доктор геолого-минералогических наук. Родился в семье педагогов в Петербурге. С 1923 года учился в Московском университете, затем в Московском геолого-разведочном институте, который окончил в 1931 году. Геологические исследования начал в студенческие годы (Донбасская, Камо-Печорская экспедиции). По окончании института (1933) два года работал в Гидроэнергопроекте, собрал огромный материал по геологии, гидрогеологии, геоморфологии бассейна р. Ангара. В 1936 году перешел в Геологический институт АН СССР, работал в лаборатории гидрогеологических проблем. В 1936-1937 годах изучал пещеры в составе бальнеологической экспедиции в районе Сочи и Мацесты. В эти же годы приступил к работе над монографией, посвященной проблеме карста на материале по карсту Иркутского амфитеатра. Участник XVII Международного геологического конгресса (1937).

В 1937 году осужден на 10 лет, отправлен в Норильлаг. В 1939-1943 годах работал геологом на подземных норильских рудниках, в 1943-1947 годах - геологом Имангдинской экспедиции.

После освобождения (1947) три года преподавал в Норильском горно-металлургическом техникуме, в 1954-1955 годах – жил в Иркутске, где преподавал в Горно-металлургический институте и Геологоразведочном техникуме.

В сентябре 1955 года вернулся в Геологический институт АН СССР, посвятив себя обработке и подготовке к изданию результатов своих прежних исследований, написанию кандидатской и докторской диссертаций. Последние годы изучал крупнейшие Воронцовские пещеры близ Адлера, вел большую работу по пропаганде необходимости изучения и охраны пещер.

Старшинов Федор Аркадьевич (1905-1988) - геолог, минералог. Родился в Москве. После окончания 1-ой Трудовой школы (1925) учился в Машиностроительном институте. С 1927 года работал конструктором на Московском заводе № 70 им. Владимира Ильича и одновременно учился в Вечернем политехникуме, который окончил в 1932 году. Осужден комиссией ОГПУ в январе 1934 на 10 лет ИТЛ. До октября 1934 года находился в Ухтпечлаге, отбывал наказание на строительстве Беломорканала, побывал на Соловках. В августе 1939 года прибыл этапом в Норильск, где сначала был на общих работах, с 1942 года занимался геологией. Является одним из первооткрывателей рудопроявлений меди и никеля, месторождения каменного угля в норильском районе, а также одним из первооткрывателей месторождений и

проявлений редких элементов, титано-магнетитовых и апатитовых руд в Маймеча-Котуйской провинции (Таймыр).

Освободили его в мае 1944 года. После реабилитации (1951) продолжал работать в Норильске. За заслуги в области геологии и разведки недр Ф.А. Старшинову присвоены звания «Заслуженный геолог РСФСР» и «Заслуженный геолог России». В Норильске Ф.А. Старшинов проработал более 40 лет, где и похоронен.

Успенский Дмитрий Григорьевич (1904-1977) - геолог, геофизик, специалист по гравиразведке, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Родился в Москве в семье служащего Московской городской управы.

В 1930 году Дмитрий окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института (ЛГИ). Еще студентом начал работать в Институте прикладной геофизики. После окончания учебы работал в геофизическом секторе ЦНИГРИ и преподавал в ЛГИ. В ноябре 1936 года был арестован и в мае 1937 осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. В 1939 был этапирован в Норильлаг. Сначала был на общих работах, затем его перевели в Геологическое управление Норильского комбината, где он работал по специальности и даже возглавлял геофизические экспедиции. В одной из экспедиций 1943-1944 года на Хантайское озеро, которую он возглавлял, геотехником работал Л.Н. Гумилев. За хорошую работу срок заключения Успенскому был сокращен на два года. В январе 1945 года он получил освобождение. Около двух лет работал в Норильском комбинате по вольному найму начальником экспедиции и и.о. начальника конторы геофизических работ. В это время защитил докторскую диссертацию.

В 1947 году Дмитрий Григорьевич уезжает из Норильска во Владикавказ, где работает в должности доцента в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте. В июле месяце 1948 года он переезжает в г. Новозыбково Брянской области, где получает должность доцента кафедры географии в филиале Брянского государственного университета.

В декабре 1948 года Дмитрия Григорьевича арестовывают вторично и без предъявления обвинения высылают в Красноярский край в пос. Северо-Енисейск. Находясь в ссылке, Дмитрий Григорьевич открыл в Красноярском крае четыре новых месторождения. В 1950 году к нему, проживающему в пос. Мотыгино, разрешили приехать жене с сыном.

Окончательное освобождение Дмитрий Григорьевич получил в октябре 1954 года. После освобождения занимал должность доцента на геологическом факультете Томского политехнического института. Продолжал вести научную работу и проводить экспериментальные исследования по теме интерпретации гравитационных и магнитных аномалий.

Получив в 1956 году реабилитацию, Дмитрий Григорьевич уехал в Ленинград, где его пригласили в ЛГИ на должность доцента. В 1964 году он становится профессором. В 1968 году Д.Г. Успенский издает учебник «Гравиразведка».

Последние годы жизни Дмитрий Григорьевич работал в Москве в Институте физики Земли АН СССР. В 1971 году организовал ежегодный Всесоюзный (с 1993 года – Международный) семинар «Вопросы теории и практики геологической интерпретации гравитационных аномалий», ныне носящий его имя.

Хахлов Венедикт Андреевич (1894-1972) - ученый-геолог, профессор (1929), доктор геолого-минералогических наук (1938), заслуженный деятель науки РСФСР (1960). Родился в г. Зайсан Семипалатинской области в семье ученого-натуралиста и исследователя восточно-казахстанского края. Вырос Венедикт в многодетной семье (шесть братьев и две сестры).

Окончив Томскую мужскую гимназию (1912) Венедикт Андреевич поступил на горный факультет Томского технологического института. Имел перерывы в учёбе в связи с мобилизацией в армию. В феврале 1918 года возвратился к учёбе, но в июле был призван в армию вторично, служил адъютантом в Сибирской инженерной дивизионе. После восстановления в Томске советской власти прошёл проверку особым отделом Красной армии и в декабре 1919 года приступил к учебным занятиям.

После окончания Томского технологического института (1921) Венедикт Андреевич преподавал на кафедре палеонтологии и исторической геологии и одновременно работал в Сибирском отделении Геолкома. В 1923 году перешел в Томский университет, где в 1929 году стал профессором. В 1925-1928 годах являлся деканом физико-математического факультета.

В.А. Хахлов явился одним из организаторов Сибирского горного института (г. Иркутск), в котором с 1930 по 1932 год был помощником директора по научной и учебной части. В 1934 году Венедикт Андреевич возвратился в Томский университет, где сначала возглавил кафедру исторической геологии и палеонтологии, а в 1934-1939 годах стал деканом геолого-почвенно-географического факультета. В эти годы он много и плодотворно занимался биостратиграфией угленосных отложений и геологией Кузбасса, стал первооткрывателем ряда месторождений коксующихся углей в Томь-Усинском районе. В июне 1938 года В.А. Хахлову присвоили степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации.

В 1941-1942 годах В.А. Хахлов являлся консультантом Западно-Сибирского геологоразведочного треста по поискам и изучению перспектив нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности. В годы Великой Отечественной войны руководил работами по составлению первой государственной геологической карты северной половины Томской области.

В апреле 1949 года В.А. Хахлова арестовали по «красноярскому делу», обвинили в «подрыве государственной промышленности» и осудили на 10 лет. В заключении находился в Норильлаге. До января 1951 года был на общих работах, затем был переведён на подконвойную работу в Геологическое управление, где в должности геотехника занимался подсчетом запасов Кайерканского угольного месторождения. Кроме того, он собирал палеонтологические коллекции, составил пособие по палеоботанике, организовал курсы для геологов полевых партий по палеоботанике и стратиграфии северо-запада Сибирской платформы.

Освобождение В.А. Хахлов получил в апреле 1954 года, с мая начал преподавательскую деятельность в Томском университете. В том же году его восстановили в должности профессора. Он вновь возглавил кафедру исторической геологии и палеонтологии, которой руководил до своей кончины. Продолжил исследования и обобщение материалов по стратиграфии и ископаемой флоре угленосных бассейнов Сибири, методике корреляции угольных пластов на палеоботанической основе.

Был необычайно эрудирован и высококультурен. Обладал природным обаянием, тактом и расположенностью к людям. Хорошо знал английский и немецкий языки, читал на французском, разбирался в латыни.

В Томском университете имя В.А. Хахлова носит Палеонтологический музей. Награжден нагрудным знаком «Заслуженный деятель науки и техники» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

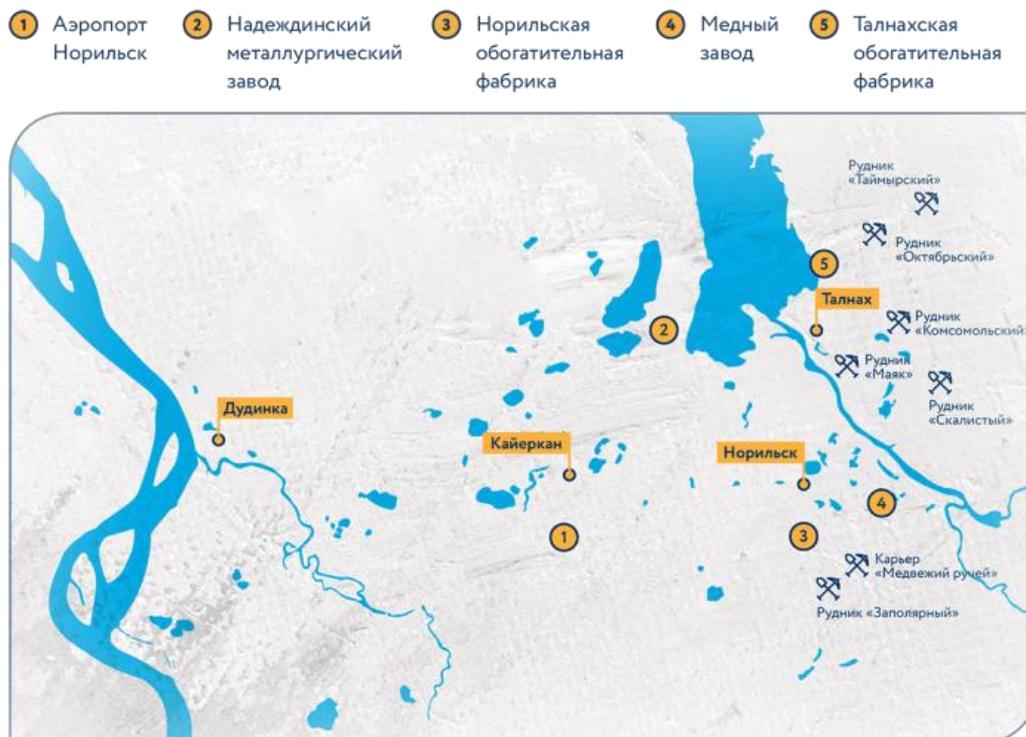
Талнахский рудный узел объединяет уникальные сульфидные медно-никелевые месторождения - «Талнахское» и «Октябрьское», открытые, соответственно, в 1960 и 1965 годах. Объемы найденного сырья оказались настолько велики, что поначалу их засекретили, но через два года сам Н.С. Хрущев на страницах газеты «Правда» рассказал всему миру о невероятных запасах Талнаха. Месторождения оказались

самыми большими в мире и уникальными по составу. У Норильска появились фантастические перспективы.

Первенцем Талнаха был рудник «Маяк», который в апреле 1965 года выдал первую руду, а в 1971 году вышел на свою проектную мощность. В 1966 году с нижнего горизонта «Маяка» подняли огромный габбро-диабаз, который установили на Гвардейской площади г. Норильска. Этот камень стал одним из символов города. Рудник «Маяк» в течение десяти лет оставался главной сырьевой базой комбината.

В феврале 1965 года в двух километрах от рудника «Маяк» началось строительство второго Талнахского рудника «Комсомольский». Поражают размеры рудника. Фундамент закладочного комплекса рудника состоит из 130 свай длиной 50 метров каждая. Каждая свая устанавливалась в специально пробуренные скважины 80-сантиметрового диаметра. Глубина ствола рудника составляет 722 метра, а общая протяженность выработок (две шахты «Комсомольская» и Скалистая) - более 450 километров. Первый состав с рудой с рудника «Комсомольский» отправился на металлургический завод в марте 1971 года.

Ныне Заполярный филиал ПАО «ГМК «Норильский никель» включают в себя четыре рудника. Прославленный рудник «Заполярный» с 1945 года осваивает старое месторождение «Норильск-1», где еще остались большие запасы вкрапленных руд. Три рудника «Комсомольский», «Октябрьский» и «Таймырский» разрабатывают Талнахский рудный узел. Рудник «Таймырский», на котором первая руда была поднята в 1983 году, занимает первое место по объемам добычи богатой руды среди горных предприятий всего Заполярного филиала. Он считается одним из самых глубоких рудников на Евразийском континенте, добыча ведётся на глубине более 1500 метров, а в перспективе намечено дойти и до 1850 метров.

Рядом по соседству функционирует один из самых молодых рудников Норильского промышленного района «Октябрьский». Его вводили в эксплуатацию девятью очередями. Первая очередь была принята в эксплуатацию в марте 1974 года, а последняя - в декабре 1985 года. Рудник разрабатывает богатые медистые и вкрапленные медно-никелевые руды западного фланга Октябрьского месторождения.

Работу этого рудника обеспечивают 11 стволов, каждый диаметром 6-8 метров. Глубина горных работ достигает 1100 метров, глубина стволов - 1206 метров. Запасов только богатых руд тут хватит минимум лет на двадцать. На руднике работает около 2200 человек.

На предприятиях «Норильского никеля» извлекают никель, медь, кобальт, золото, серебро, платину, иридий, селен, палладий, рутений, осмий, теллур. На сегодня рудники Норильска – самые глубокие в России. Подземное хозяйство не имеет аналогов в горнодобывающей промышленности страны. Запасами Талнаха Норильск обеспечен на сотню лет.

За открытие и разведку Талнахского месторождения медно-никелевых руд в 1965 году начальник партии Георгий Дмитриевич Маслов получил звание Героя Социалистического труда, а геологи Василий Степанович Нестеровский, Виктор Фомич Кравцов, Владимир Николаевич Егоров и Екатерина Николаевна Суханова стали лауреатами Ленинской премии.

За открытие, разведку и изучение Октябрьского месторождения Государственной премии удостоены Л.Л. Ваулин, В.А. Люлько, Л.П. Неменко, А.В. Прохоров, Ю.Н. Седых, В.А. Тушканов. Многие геологи получили дипломы первооткрывателей этих месторождений.

13. Гимн прославленным врачам Норильска

Их слава началась в лагерях, когда они считались «врагами народа». Часто находясь на грани жизни и смерти, они спасали людей, поистине совершая чудеса.

Вот имена некоторых из них, внесших наиболее значимый вклад в медицинскую науку и практику.

Кузнецов Виктор Алексеевич (1898-1972) – учёный, хирург, «Заслуженный врач РСФСР», «Почетный гражданин Норильска», гордость норильского здравоохранения.

Родился в семье рабочих. В 1915 окончил Московскую военно-фельдшерскую школу. Участвовал в первой мировой войне, был ранен. В 1917 году вступил в Красную гвардию и до окончания гражданской войны работал в передовых перевязочных отрядах Красной армии. В 1924 году после окончания медицинского факультета Московского госуниверситета у В.А. Кузнецова началась нелегкая трудовая жизнь: он был врачом больницы города Кемь, потом старшим врачом села Ковды Кандалакшского района, главврачом и одновременно заведующим хирургическим отделением города Губаха на Урале. Потом его потянуло на Север. В 1932 году на Новой Земле он организовал первую больничку на берегу мыса «Маточкин Шар». Пароход, который должен был доставить на Новую Землю продукты, затонул. Без продовольствия осталось почти 60 человек. Началась цинга. Больничка на 12 коек переполнилась. Чем лечить? Где взять витамины? И вот тут-то Кузнецову пригодилось охотничье искусство, которым он владел в совершенстве. И потянулись длинные месяцы нелегкого охотничьего и врачебного труда. Ему самоотверженно помогал председатель Новоземельского Совета Илья Вылко, ненец, художник и опытный охотник. Вылко объезжал остров и заболевших людей доставлял доктору. Витамин «С» в мясе оленя спасал пациентов от гибели.

В 1933 году В.А. Кузнецов поступил на службу в Московский центральный институт усовершенствования врачей на первую кафедру клинической хирургии, одновременно работая ординатором в городской Боткинской больнице. Здесь Виктор Алексеевич получил основательную клиническую подготовку по всем разделам хирургии.

1936-й год В.А. Кузнецов провел на полярной станции на мысе Челюскина, где выполнял функции врача и обязанности заместителя начальника. После северной зимовки Кузнецов уехал в Кемерово, где с 1938 по 1941 годы работал главным врачом и заведующим хирургическим отделением городской больницы. Здесь во всей широте развернулся его талант. Он был хирургом от Бога. За четыре года он сделал около 3000 операций, написал первую научную работу «Случай операции левостороннего аппендицита», которая была опубликована в журнале «Хирургия» в 1941 году.

Неожиданно в жизни Виктора Алексеевича произошел страшный излом: в июле 1941 года его арестовали, осудили на 15 лет по 58-й политической статье и в 1942 году этапировали в Норильск.

В Норильске в те годы было две больницы. Вольнонаемных обслуживала больница №1, называемая родионовской, её возглавлял В.Е. Родионов. Эта больница находилась около ДИТРа (Дома инженерно-технических работников). Заключенных обслуживала больница №2 – Центральная больница лагеря (ЦБЛ), которую возглавлял В.А. Кузнецов, одновременно являясь заведующим хирургическим отделением (больницу называли кузнецовской). ЦБЛ находилась у основания горы Медвежки и состояла из двух деревянных двухэтажных корпусов (терапевтического и хирургического) и одноэтажного корпуса психоизолятора. Здесь же находились бараки для персонала и постройки хозяйственного назначения. Сейчас все эти здания засыпаны пустой породой рудника «Медвежий ручей».

Коллектив ЦБЛ подобрался очень сильный. Добрая молва об этой больнице гуляла даже за пределами Норильска. Вот некоторые прославленные врачи, которые работали в ней.

Захар Ильич Розенблюм – старший ординатор терапевтического отделения, талантливый терапевт, человек редкой интеллигентности. Во время нахождения в лагере создал школу врачей-терапевтов. Организатор и председатель научного медицинского общества в Норильске. Член ВКП(б) с 1921 года. Участвовал в подавлении Кронштадского мятежа. Военврач 2-го ранга, ассистент Военно-медицинской академии в Ленинграде. Арестован в январе 1937 года и осужден в мае на 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения прав по делу об убийстве С.М. Кирова. Сначала отбывал срок в Соловках, затем с августа 1939 года – в Норильлаге. В январе 1944 года ему снизили срок на 2 года. Получил освобождение в феврале 1945 года, но без права выезда из Норильска. Был повторно осужден в феврале 1951 года, освобожден в сентябре 1954 года. В 1972 году работал главным врачом Дома творчества писателей в подмосковной Малеевке.. Умер в 1990 году в возрасте 87 лет.

Алексей Георгиевич Гейнц - невропатолог и психиатр, эстонец, заражал оптимизмом коллег и даже больных. До ареста был главным врачом Петергофской пограничной школы. Участник гражданской войны, награжденный орденом боевого Красного Знамени. По «делу Петергофской пограничной школы» Гейнц был приговорен к высшей мере наказания. После трибунала провел 70 дней в одиночной камере, после чего расстрел заменили 10 годами тюрьмы. По лагерной терминологии это называлось «10 лет с испугом». После освобождения и реабилитации жил в Ленинграде, был награжден вторым орденом — к 50-летию Октября.

Андрей Витальевич Миллер (1895-1979) – терапевт, руководитель инфекционного отделения. Уроженец Ленинграда (1895), немец, из дворян. Оба деда и отец окончили Медико-хирургическую академию в Петербурге и были врачами. Один дед Миллер Я.М. был врачом у Пирогова в Крымскую компанию, а в дальнейшем служил ординатором в Мариинской больнице для бедных. Второй дед Лесгафт П.Ф. был профессором анатомии. Отец Миллер В.Я. служил врачом Надеждинского родовспомогательного заведения (ныне роддом им. Снегирева), где занимал должность доцента, умер в 1914 году. Мать Анна Ивановна была домохозяйкой и умерла в Ленинграде во время блокады в 1942 году.

Андрей Витальевич окончил в 1917 году Военно-медицинскую академию. До ареста работал начальником 12-го медицинского отделения Ленинградского красноармейского военного госпиталя, военврач 1-го ранга.

Андрея Витальевича арестовали в июле 1941 года, обвинив в том, что «будучи враждебно настроенным к ВКП(б) и Советскому Правительству, на протяжении всего времени проводил контрреволюционную пропаганду, направленную против проводимых мероприятий ВКП(б) и Правительства, а с 1939 года по день ареста систематически проводил националистическо-фашистскую и к-р пораженческую агитацию». Приговор (1941) - высшая мера наказания. Однако расстрел заменили на 10-летний тюремный срок с последующим поражением в правах на 5 лет. В марте 1957 года Андрея Витальевича реабилитировали.

Алексей Васильевич Орлов — терапевт. Участник гражданской войны в составе Уральского Стального кавалерийского полка из корпуса Г. Гая. После реабилитации защитил кандидатскую диссертацию.

Илья Захарович Шишкин – хирург, уролог, пользовался большим авторитетом у больных. После рабфака учился в Военно-медицинской академии. После освобождения из Норильлага уехал в Казахстан, работал в участковой больнице. При повторном аресте его сначала направили в глухое село Красноярского края, а затем – снова в Норильск. После

реабилитации жил в Ленинграде, где работал хирургом. Скончался после инсульта и продолжительной болезни.

В.А. Кузнецов стал ведущим хирургом Норильска. Равных ему не было в Красноярском крае, а по некоторым видам хирургических операций не было и в Союзе. Так, он впервые в стране сделал искусственный пищевод девочке, возраст которой был 1 год 10 месяцев. По недосмотру родителей она выпила уксусную эссенцию и была обречена вследствие ожога пищевода на голодную смерть. Сложнейшая по тем временам операция была произведена в условиях, когда не было еще нужного наркоза, не было реанимационной службы, не было даже анестезиолога. Масочный наркоз ребёнку давала одна из операционных сестер, а контролировал глубину наркоза сам оперирующий хирург. Отсутствие этих служб восполнялось огромным опытом Виктора Алексеевича. Девочка выросла, стала женщиной, затем матерью и каждый год приходила к нему в день рождения, чтобы пожелать ему здоровья и долгих лет жизни. Она до сих пор ходит на его могилу, чтобы возложить цветы своему доброму гению, так она благодарила доктора за ее спасенную в младенчестве жизнь.

Когда известный в стране хирург, академик Борис Александрович Петров узнал об уникальной операции по удалению рака пищевода, сделанной Виктором Алексеевичем 97-летнему оленеводу, то не мог не сказать: *«Если бы не знал лично хирурга Кузнецова, то не поверил бы. Ни в моей собственной практике, ни в практике других, ни в мировой печати – ничего подобного... Удаление кардинальной части пищевода у старца – такое требует от больного сверхвыносливости, а от хирурга... Восхищаюсь! Решимостью, смелостью и искусством. Поздравляю и больного, и Виктора Алексеевича Кузнецова с огромной удачей».*

Виктор Алексеевич первым внедрил хирургическое лечение переломов костей металлостеосинтезом (для изготовления штифтов использовали проволоку из нержавеющей стали), первым освоил торакальную хирургию. Он создал специализированные хирургические отделения чистой и гнойной хирургии, урологическое, нейрохирургическое, травматологическое отделения, отделение торакальной хирургии. Кузнецов обучил гинекологов технике оперативного вмешательства при онкологических заболеваниях.

Виктор Алексеевич никогда не прекращал делать научный анализ результатов хирургической деятельности. Он подготовил монографию «Методика оперативного лечения выпадения прямой кишки у взрослых», опубликовать которую удалось только в 1960 году в Ленинградском отделении Медгиза. В центральных медицинских журналах только за три года он опубликовал около 20 научных работ. А всего им было написано и опубликовано 42 работы.

По совокупности написанных научных работ в 1963 году Кузнецову без защиты была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук.

Кузнецов не только сам занимался научной работой, но и побуждал к этому своих коллег, причем он привлекал не только хирургов, но и врачей всех специальностей, врачей всех лечебных учреждений города. Благодаря его энтузиазму в 1966 году были изданы «Труды врачей города Норильска». Каждая из 65 научных статей, опубликованных в сборнике, была отредактирована им лично. Эта книга стала событием не только Норильска, но и Красноярского края. Она быстро разошлась по научным библиотекам страны и сейчас в Норильске является редкостью. В этой книге в статье «К истории здравоохранения г. Норильска» Кузнецов запечатлел образы коллег, с которыми работал в лагерный период. Это хирург Владимир Евстафьевич Родионов, уролог Илья Захарович Шишкин, терапевт Захар Ильич Розенблюм, патологоанатом Павел Евдокимович Никишин, врач инфекционист-гельминтолог Георгий Александрович Попов, терапевты Леонхард Бернгардович Мардна и Андрей Витальевич Миллер, врач-окулист Альфред Янович Дзенитис, врачи-педиатры Николай Владимирович Кудрявцев

и Альфонс Павлович Бачулис, инфекционист и невропатолог Алексей Георгиевич Гейнц, онколог Серафим Васильевич Знаменский, зав. медпунктом шахты «Надежда» Григорий Давидович Бриллиант и другие.

Являясь главным хирургом города, Кузнецов возглавлял городское медицинское общество. Он являлся членом многих краевых и республиканских обществ. За свои заслуги он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

На научной конференции, посвященной столетнему юбилею патриарха норильской хирургии, коллектив врачей городской больницы принял решение ходатайствовать перед администрацией Норильска о присвоении больнице имени Виктора Алексеевича Кузнецова, отдавшему Норильску 32 года своей жизни. Виктор Алексеевич похоронен в Норильске, на его могиле установлен памятник по эскизу ученика и коллеги хирурга Евгения Арсентьевича Климова.

Родионов Владимир Евстафьевич (1902-1969) – учёный, хирург, «Заслуженный врач РСФСР». Родился в селе Хухарево Ардатовского уезда Симбирской губернии. Отец – судья, член коллегии адвокатов. Мать – домохозяйка. Низшее и среднее образование получил сначала в сельской школе Талызино, а затем в г. Ардатове. Сразу поступил в Казанский государственный университет на медицинский факультет. После окончания университета в 1927 году стал врачом-ординатором хирургического отделения Ардатовской уездной больницы. С организацией Мордовской автономной республики на базе Ардатовской больницы была создана хирургическая лечебница республиканского масштаба, а затем межреспубликанского, где главным врачом работал В.Е. Родионов. В течение 11 лет работы Владимир Евстафьевич постоянно повышал квалификацию, проходя стажировку в клиниках Москвы, Ленинграда и Казани. Казалось бы, жизнь складывалась хорошо, но в 1937 году арестовали и расстреляли отца, а мать осудили на 8 лет лагерей. Новая власть не могла простить прошлую деятельность отца как юриста, популярность которого была велика по всей Мордовии.

Через год арестовали и Владимира Евстафьевича, осудили на 8 лет ИТЛ. В 1939 году по Енисею на барже его доставили из Красноярска в Дудинку. В пути следования Родионов оказывал больным медицинскую помощь. Большую часть этапа сразу же отправили в Норильск, а Родионова с группой больных оставили в Дудинке - транзитном пункте. Его назначили хирургом в лагерную больницу, а также поручили медицинское обслуживание жителей Дудинки и отдаленных территорий. В начале 1940 года начальник Норильского комбината А.П. Завенягин, осматривая больницы в Дудинке, встретился с Родионовым и выслушал жалобу на неблагополучное обеспечение больниц и отсутствие медицинской литературы для обучения персонала. Вскоре улучшилось снабжение больниц, была приобретена медицинская библиотека, а В.Е. Родионову предоставили отдельную комнату при больнице.

Одна из двух небольших лагерных больничек была отдана под хирургическое отделение, в ней Родионов и начал работать. Было 45-50 коек. Не было хирурга в окружной дудинской больнице. Родионову пришлось работать и там, обслуживая 10-12 больных и ведя один раз в неделю амбулаторный прием. Подготовленных кадров для хирургической работы в больницах не было. Их пришлось готовить на ходу. Ассистировали на операциях у Родионова фельдшеры и медсестры... Объем работы был большой, приходилось оперировать также урологических и гинекологических больных.

Родионову нередко приходилось выезжать в Авамский район, Волочанск, Хатангу, Караул, Усть-Порт и другие места. Транспортным средством были олени упряжки, аэросани и самолеты. Слава Родионова, как умелого хирурга, распространилась по всему Таймыру. Для проведения операций на сердце его приглашали в Игарку и Норильск. В летний период в Дудинском порту скапливалось большое количество океанских отечественных и иностранных судов. Родионову зачастую приходилось оказывать помощь

и экипажам этих судов. В Дудинке Родионов пробыл больше двух лет. За это время им были сделаны около тысячи операций.

В конце 1941 года Родионова перевели в Норильск на должность главврача 1-й городской больницы и заведующего хирургическим отделением. Шел первый год Отечественной войны. В Норильске строились дома, промышленные предприятия, добывалась руда... Но, к сожалению, до строительства типовых лечебных учреждений дело не доходило. Лечебные учреждения ютились в помещениях барачного типа, коечный фонд был недостаточным. Создавшееся положение вынудило руководство комбината отдать под больницу строившееся 3-этажное деревянное здание гостиницы, находившееся рядом с ДИТРОм. В этом недостроенном помещении Родионов и начал свою работу. В помещении разместили терапевтическое, хирургическое и родильное отделения с общим числом 100 коек. Инфекционное отделение расположилось по соседству в небольшом старом бараке.

Будущий академик А.А. Баев, один из заключенных Норильлага, так пишет о Родионове: *«Владимир Евстафьевич очень работоспособный человек, очень толковый и удачливый хирург с жестким характером, отличный хозяин, сумел поставить себя и организовать больницу нужным образом. Питание, белье, инструментарий, медикаменты — даже трудно представить этот уровень в такой дали, да еще во время войны. В палатах всегда тепло, библиотека, врачебные справочники — образцовое медицинское учреждение! А если добавить подготовленность персонала, прежде всего врачей... Режим был почти санаторный — пациенты не работали, дышали чистым воздухом, никакие чины не донимали, статей не спрашивали: люди оживали за неделю-другую.... Тем более, что питание тоже полагалось усиленным. А мне начальник позволял даже рыбалить... Нет, не удочкой, а на шнур. Метровые щуки срывались и уходили, а поменьше — добывал. До озер приходилось шлепать по тундре, по болотам, далековато...».*

Ночью 28 августа 1942 года Родионова разбудил звонок начальника комбината А.А. Панюкова. Он приказал срочно, к 6 часам утра, подготовиться к командировке, с собой взять всё необходимое для оказания хирургической помощи раненым, пострадавшим при стихийном бедствии. Число пострадавших названо не было, но сказано, что их много. Было рекомендовано взять с собой кровь для вливаний. Разрешили взять одного помощника – операционную сестру, учитывая, что туда отправляется и начальник санитарного отдела Норильского комбината С.М. Смирнов. Летели на гидросамолёте, был сильный ветер, для обычных рейсов погода была нелётной. Через пять часов самолёт приводнился в бухте Диксон.

Их встретили толпы вооруженных, встревоженных людей, следы разрушений, пожаров... Ночью поселок острова и суда, находившиеся в бухте, подверглись артиллерийскому обстрелу с немецкого крейсера «Адмирал Шеер». На Диксоне были разбиты электростанция и другие службы. Связь с материком поддерживалась с помощью полевой радиостанции. Кроме убитых были и раненые, нуждающиеся в немедленной помощи. В одном из уцелевших зданий наскоро развернули госпиталь. В одной из комнат организовали операционную. От движка трактора подвели электричество. В операционной подвесили автомобильную фару. На случай приготовили фонари, лампы. Работали около двух суток: тридцать с лишним операций. Владимиру Евстафьевичу ассистировал С.М. Смирнов, много сделавший для норильского здравоохранения. Затем потребовалось около десяти дней, чтобы спасти тяжелых больных и справиться с осложнениями. Пришлось даже столкнуться с газовой гангреной и делать ампутацию... Долечивание и повторные операции моряков и артиллеристов продолжились уже в Норильске, куда были вывезены раненые.

Таймыр в годы Великой Отечественной войны считался глубоким тылом. Однако в августе 1942 года здесь разразился неравный бой, известный как героическая оборона Диксона. По замыслу операции «Вундерланд» немецкий корабль-рейдер «Адмирал Шеер» и два других

крейсера «Адмирал Хиппер» и «Лютцов» должны были разорять порты Северного морского пути, обнаруживать и уничтожать восточные морские конвои, доставлявшие в СССР оборудование и материалы. Немецкая разведка располагала данными, что два конвоя, один из Петропавловска-Камчатского, а другой из Архангельска, ожидалось в проливе Вилькицкого 22-23 августа. Конвоев немцы не нашли, а 25 августа в заливе Миддендорфа в Карском море произошла трагическая встреча «Адмирала Шера» с ледокольным пароходом «Александр Сибиряков». Пароход вез людей и грузы для полярных станций на Северной земле.

Когда капитан «Сибирякова» Анатолий Алексеевич Качарава увидел на горизонте крупный корабль, поднявший американский флаг и запросивший данные о ледовой обстановке в проливе Вилькицкого, то не поверил, что это американцы, и принял решение уходить. На крейсере подняли немецкий флаг и дали предупредительный выстрел, в ответ все орудия на советском ледоколе начали обстрел немецкого крейсера. Ледокол «Александр Сибиряков» вступил в свой последний бой. Четыре огромных 305-килограммовых снаряда из главных орудий немецкого крейсера нанесли судну смертельный урон: корабль был полностью обездвижен и загорелся, а капитан получил тяжелое ранение. Командование принял комиссар Зейлик Абрамович Элимеллах, приказавший открыть кингстоны. Тонущий ледокол продолжал стрелять по крейсеру из единственного оставшегося орудия. Все это время радист передавал в Диксон сообщение о столкновении с немецким рейдером. Последнее, что услышали на берегу: *«Помполит приказал покинуть судно. Горим, прощайте...»*.

Диксон был стратегически важной точкой на трассе Северного морского пути, в нем находился штаб морских операций. С лета 1941 года охраняли эту точку три батареи: две 45-миллиметровые зенитные пушки, два 130-миллиметровых орудия, и два старых, но мощных 152-миллиметровых орудия.

Капитан немецкого крейсера после двухдневных безрезультатных поисков советских конвоев принял решение идти на Диксон, чтобы уничтожить там штаб морских операций. Для захвата наземных объектов на корабле был готов десант из 180 морских пехотинцев. На Диксоне ждали неприятеля и успели подготовиться. 27 августа там была объявлена боевая тревога – дозорный увидел на горизонте черный силуэт. Немецкий крейсер стремительно приближался, не опасаясь сопротивления. Первым бой принял вышедший навстречу немецкому крейсеру сторожевой корабль «Семен Дежнев». Он открыл огонь из всех орудий, чтобы хоть как-то задержать противника... Орудия крейсера сразу же вывели корабль из боя, но судно уцелело. Его спасло то, что все четыре прямых попадания пробили корпус насквозь (вследствие отсутствия тяжелой брони), и снаряды разорвались за бортом. Семеро моряков погибли, больше двадцати получили ранения. Капитан принял решение сажать судно на мель (на этом корабле матросом-пулеметчиком служил Гурген Тонунц, будущий киноартист, известный кинозрителям по фильмам «Лично известен» и «Насреддин в Хаджете»). В порту, кроме корабля «Семен Дежнев», находились еще два судна: «Революционер» с пиломатериалами из Игарки и «Кара», на борту которого было 150 тонн взрывчатки. Крейсер легко расправился с пароходом «Революционер» и в любой момент могла взлететь на воздух «Кара»... Но тут в бой вступила береговая батарея под командованием лейтенанта Николая Корнякова. Два 152-миллиметровых орудия били с позиции, невидимой с мостика немецкого крейсера. И делали это с такой интенсивностью, как будто работала мощная береговая батарея. Огонь с крейсера нанес серьезный урон острову Конус, на котором находились угольные и нефтяные терминалы, на них начался сильный пожар. Были повреждены метеостанция, электростанция, несколько жилых домов в поселке и часть портовых сооружений. И все это время батарея Корнякова стреляла... Капитан крейсера решил, что он задачу выполнил, Диксон уничтожен, и отдал приказ уходить.

Немецкий капитан не знал, что уже через два дня электро- и радиостанция в Диксоне заработали в прежнем режиме, а новое топливо привезли в порт другие ледоколы. Не мог знать и то, что пароходы «Семен Дежнев» и «Революционер» через неделю были полностью отремонтированы и вернулись в строй.

А вот что стало известно о полярном «Варяге» уже после войны. После встречи с немецким крейсером из 104 человек, находившихся на борту «Сибирякова», в живых осталось около двадцати, включая раненого капитана. Они не утонули, были спасены немцами и попали в плен. Не сошел с тонущего корабля комиссар Зейлик Элимеллах, утонул вместе с судном, стоя у флага, прижав руку к козырьку. Координаты гибели «Сибирякова» у острова Белуха объявлены местом боевой славы, однако само судно на дне Карского моря так и не удалось обнаружить.

С Диксона в Норильск надо было вывезти раненых, требующих долечивания или повторных операций. Поэтому обратный путь лежал сначала по воде до Дудинки на судне «Семен Дежнев», сильно пострадавшем в бою, но с сохранившейся ходовой частью, затем до Норильска поездом. Так трое норильских медиков фактически побывали на фронте и были награждены медалями «За оборону Советского Заполярья».

В системе Норильского комбината В.Е. Родионов проработал свыше 15 лет, из них немного более двух лет в Дудинском отделении и 13 лет в Норильске. Он совмещал две должности - главного хирурга и главного врача лечебно-профилактического объединения. За этот период произвел свыше 10 тысяч различных по сложности операций. Награжден орденом «Знак Почета», тремя медалями и значком «Отличник здравоохранения».

С 1939 по 1943 год В.Е. Родионов был заключенным. В 1943 году был досрочно освобожден, реабилитирован в 1947 году. После освобождения к нему в Норильск приехала семья: жена и два малолетних сына. Жена *Клавдия Дмитриевна* положила начало местному краеведческому музею, которым впоследствии и заведовала до отъезда из Норильска. В.Е. Родионов с семьёй уехал из Норильска в 1955 году по состоянию здоровья. Последние годы *заведовал хирургическим отделением центральной районной больницы в г. Шуя Ленинградской области. Владимир Евстафьевич был талантлив не только как врач, хирург. Он играл на скрипке, аккордеоне, всерьез увлекался фотографией...*

Никишин Павел Евдокимович (1895-1951) – учёный-врач, патологоанатом. Родился в семье учителей в г. Саратове. Окончив с золотой медалью гимназию (1913), поступил на медицинский факультет Саратовского университета. После окончания учебы год занимался научной работой в университете. В 1918 году ушёл добровольцем в Красную Армию в качестве хирурга при 22-й дивизии. За героическую работу в боевой обстановке получил награду от ВЦИК: серебряные и золотые часы. С 1919 по 1922 год Павел Евдокимович вел огромную работу по санитарному просвещению в Красной Армии. В 1922 году в исключительно тяжелых условиях он ликвидирует эпидемию чумы в Сальских степях. С 1922 года ведет научную работу в Кубанском мединституте, вплоть до 1931 года совмещая её с руководством краевым отделением Красного Креста, заведованием санпросветом Северо-Кавказского крайздраотдела и лекторством при Ростовском Городском комитете ВКП(б). В 1926 году П.Е. Никишин вступил в ряды ВКП(б), а в 1931 году стал аспирантом института Антропологии и Этнографии АН СССР в Ленинграде. Неожиданно в 1937 году последовал арест и приговор - 10 лет ИТЛ. Сначала Вологодский лагерь (г. Грязовец) и Соловки, а в 1939 году Никишина этапировали в Норильлаг.

За 12 лет пребывания в Норильске П.Е. Никишин стал крупнейшим на Таймыре специалистом в области судебно-медицинской экспертизы, одним из основных создателей патолого-анатомической службы в Норильске. Он заведовал моргом Центральной больницы лагеря. Врач-инфекционист этой больницы Георгий Александрович Попов вспоминал: *«Морг был научным центром со своим анатомическим музеем. После работы в морге собирались, чтобы почитать, поиграть в шахматы, побеседовать... Здесь же работали курсы для средних медработников. Павел Евдокимович организовал занятия на очень высоком уровне...»*. Сохранилась тетрадь для записей с выгравированной на металлической пластине дарственной надписью: *«Д-ру Никишину Павлу Евдокимовичу – в знак благодарности за отличное руководство и преподавание от 33 выпускников Вторых курсов средних медицинских работников при Центр. б-це. 20-V-1943 – 23-II-1944. Норильск»*.

Автор книги «Сколько стоит человек» Евфросиния Антоновна Керсновская, около года отработавшая в морге под началом П.Е. Никишина, характеризовала его так: «...Никишин – это чудак и добряк. Он делился всем, что у него было, а точнее, отдавал всё, что у него ещё не отобрали, – мания, свойственная обычно святым... Безусловно, он был коммунист. Пожалуй, единственный коммунист, которого я встречала в Советском Союзе или о котором я когда-либо слышала...».

П.Е. Никишин умер в Норильске в мае 1951 года от кровоизлияния в мозг, не дожив трёх недель до своего 57-летия и задолго до своей реабилитации (1957). Схоронили его на высоком бугре, под Шмидтихой, установив большой могильный камень: «*Никишин Павел Евдокимович. 1895-1951*». Он оставил после себя добрую память как высокогуманный человек, пренебрегающий всякими материальными благами для себя. Он был всегда готов помочь нуждающимся, разделить с ними последний кусок. Его благородство снискало к нему любовь и уважение всех, кто его знал.

Знаменский Серафим Васильевич (1910-1995) – ученый, врач-онколог. Родился в селе Орлово Пензенской области в семье православного священника. Приехав в Москву после школы, вёл кружок по ликвидации неграмотности на заводе «Большевик». После окончания техникума при Московском институте народного хозяйства им. Плеханова по специальности химик-органик работал в Харькове, Донбассе, Киеве. Красный диплом об окончании 2-го Харьковского медицинского института получил фактически на пороге военкомата и сразу - на фронт. С 1941-го до середины 1943 года он сначала возглавляет санитарную службу особого батальона, затем санитарную службу 7-го артиллерийского полка 2-й гвардейской дивизии. Принимал участие в боях под Харьковом, оборонял Сталинград.

Летом 1943 года Знаменский был арестован СМЕРШем и осужден на 8 лет ИТЛ по сфабрикованному обвинению в намерении перебежать к немцам. «Вещественными доказательствами» стали словарь немецкого языка и томик Гёте на немецком языке. Отбывал срок в Дудинке, затем в Норильлаге. Освободился досрочно в 1951 году. В Норильске Серафим Васильевич работал в Центральной больнице лагеря хирургом и патогистологом, создавал оздоровительные команды и пункты, больным прописывал рыбий жир, лишнюю тарелку каши (назывались они знаменским доппитанием). С одинаковым усердием врачевал заключённых и лагерное начальство. Ослабевших заключённых переводил на облегченный режим, что не нравилось начальству. Главврач ЦБЛ В.А. Кузнецов в служебно-производственной характеристике пишет: «С.В. Знаменский прекрасно владеет патогистологическими исследованиями. Проявил себя как инициативный, способный, трудолюбивый врач, чутко относящийся к нуждам больных». После подавления Норильского восстания в июле 1953 года Знаменский вскрывал тела убитых в 5-м лаготделении Горлага. По его воспоминаниям, в 5-м лаготделении было убито более 20 человек. Он сохранил 19 пуль, вынутых из убитых.

После реабилитации (1956) Знаменский не захотел оставить Норильск. Он организовал в Норильске первую на Таймыре патогистологическую лабораторию для исследования опухолей, что позволило врачам широко применять биопсию для ранней диагностики рака и выявления предраковых состояний. С.В. Знаменский был 12 лет ее руководителем. В 1960 году он организовал онкологический диспансер, где вел прием больных как хирург-онколог. Он доказал, что рак является профессиональным заболеванием работников никелевых предприятий и смог добиться, чтобы больным «никелевой» формой рака платили профессиональную пенсию.

С.В. Знаменский пишет научные труды, защищает кандидатскую диссертацию. Уже в 1958 году становится «Отличником здравоохранения», а в 1960-м – «Заслуженным врачом РСФСР». В системе Норильского здравоохранения Знаменский проработал 48 лет, никогда не был коммунистом, не был даже членом ВЛКСМ, но зато

был врачом от Бога. Он согласился уехать из Норильска лишь в 1991 году по настоянию родных, отметив 81-й день рождения. Умер и похоронен в Нальчике.

Попов Георгий Александрович (1902-1996) - врач эпидемиолог. Родился в г. Харбине. Отец – поручик 17-го Восточно-Сибирского полка, участник войны с Японией. Мать – сестра милосердия. Отец погиб в 1914 году на Украине в штыковой атаке под Ровно, посмертно был награждён Георгиевским крестом.

Георгий учился в реальном училище сначала в г. Верхнеудинске, затем в г. Твери, где жил у бабушки. Добровольно ушел в Красную Армию (1918), где служил санитаром в 68-м сводно-эвакуационном госпитале. Переболел сыпным тифом. В мае 1921 году был уволен с военной службы и направлен в 1-й Ленинградский мединститут. После окончания института (1926) работал врачом сначала в с. Щелья-Юр (река Печора), а затем в Твери, где заведовал областной малярийной станцией. Женится, родился сын. Вскоре Георгий Александрович распоряжением Минздрава РСФСР был переведен в Москву, где работал в системе Народного комиссариата путей сообщения, являлся руководителем противомалырийной работы на железнодорожном транспорте.

В январе 1938 года Георгия Александровича арестовали по доносу начальника Трансанупра с обвинением в *«способствовании распространения инфекционных заболеваний»*. В мае Попов был осужден на *«12 лет строгого тюремного заключения»* и, прежде чем попасть в Норильск, полтора года просидел в Орловском центральном. Осенью 1939 года Георгий Александрович оказался в трюме большой баржи, плывущей из Красноярска до Дудинки. 8-этажные нары были заполнены сверх меры. Много было дизентерийных. Попов не столько лечил, сколько наблюдал за больными. Коллега В.Е. Родионов, которого оставили на палубе, подавал ему через люк раз в сутки лекарства, бинты и два ведра кипяченой воды для больных. Остальные пили сырую воду из Енисея и обходились без свежего воздуха. Самостоятельно в Дудинке сойти на берег смогли не все.

В Норильске Попов сначала находился на общих работах. С тяжелой дизентерией оказался в городской больнице, где его спасла встреча с начальником санчасти В.Е. Родионовым. После лечения Родионов оставил его при больнице, где Попов стал работать по своей специальности инфекционистом. В поселке свирепствовала не только дизентерия, но и цинга. С цингой удалось справиться быстрее благодаря насильно внедренному регулярному потреблению витаминного напитка, который производили из хвои. Цинготники лежали в том же бараке, что и заразные больные, - теснота, нары в два этажа. Было много умирающих. Вмешался директор комбината Завенягин. Ближние бараки были освобождены и переданы под расширение больницы. Верхние нары убрали. Увеличили штат нянек и санитарок. Объявили аврал по наведению чистоты. Появилось чистое постельное белье, полотенца, мыло, у медперсонала – халаты. Из Дудинки доставили медикаменты. В больницу перевели врачей – высококлассных специалистов, в частности из Военно-медицинской академии, осужденных по делу об убийстве С.М. Кирова. Когда было построено здание инфекционной, то Георгий Александрович в 1941 году стал её главным врачом.

После реабилитации (октябрь 1955 г.) Г.А. Попов был назначен начальником Санитарного отдела, потом работал главным врачом городской инфекционной больницы. В 1960 году он возвратился в Москву, где с 1965 года являлся секретарем Ученой Комиссии Минздрава РСФСР по вопросам патологии Севера и акклиматизации. Будучи на пенсии, написал книгу «Записки врача».

Георгий Александрович всю жизнь писал стихи. Вот отрывок из одного из них, написанного в 1944 году:

*«...И все же мы вправе и думать, и верить,
Что здесь, в Заполярье, как там, на войне,*

*Готова погибель фашистскому зверю,
Мы все, что могли, отдавали стране...
И знали мы: пусть не теперь, а когда-то,
Когда отшумит боевая гроза,
Мы, вспомнив военную быль комбината,
При слове «в тылу» не опустим глаза...».*

Баев Александр Александрович (1904–1994) - ученый биохимик, один из основоположников отечественной геноинженерии, академик АН СССР (1970), герой Социалистического труда (1981), лауреат Государственной премии (1969), Демидовской премии (1994), награжден орденами Ленина (1974, 1981), Октябрьской Революции (1984), «Кирилла и Мефодия» I степени (Болгария, 1977), золотой медалью «За заслуги перед наукой и человечеством» (ЧССР, 1977), золотой медалью им. В. А. Энгельгардта (РАН, 1994).

А.А. Баев родился в г. Чите в семье адвоката. В 1912 году после смерти отца жил у деда – владельца небольшого судоремонтного и судостроительного завода в Казани. Окончив среднюю школу (1921), поступил в Казанский университет. После окончания университета год работал в клинике профессора Горяева и три года (1927-1930) занимался медицинской практикой: сначала в деревне, недалеко от Казани, затем в г. Буинске, где заведовал туберкулезным отделением. Пришлось бороться с массовыми социальными заболеваниями – бытовым сифилисом, трахомой, туберкулезом.

В 1930 году поступил в аспирантуру на кафедру биохимии Казанского медицинского института. Научную деятельность начинал под руководством профессора кафедры Владимира Александровича Энгельгардта.

В 1934 году А.А. Баев переехал с матерью в Москву, чтобы продолжить работу в лаборатории В.А. Энгельгардта в Институте биохимии АН СССР. Весной 1937 он закончил работу над диссертацией, но защитить её не успел... В апреле 1937 года Баева арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности (участие в подпольной организации «молодых бухаринцев», якобы намеревавшихся убить Сталина и реставрировать капитализм в стране). Приговор – 10 лет ИТЛ плюс 5 лет поражения в правах. После трехмесячного пребывания в Бутырской и Владимирской тюрьмах Баев был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

В июне 1939 года при ликвидации Соловецкой тюрьмы Баева этапировали морем в Дудинку, оттуда в Норильск. Начинать на общих работах, долбил вечномёрзлый грунт. Руководство лагеря, узнав, что он когда-то работал врачом, стало использовать его по специальности. Около месяца он принимал больных в амбулатории 3-го лаготделения, затем на шахте «Медвежий ручей». Он вспоминал: «*Комната в деревянном доме, потом отдельная палатка. Я один на всю шахту. Травмы, дизентерия, но дистрофиков не было: на шахту отбирали тех, кто покрепче*».

Очередной перевод Баева в городскую больницу (для вольнонаемных) оказался счастливым. Там он стал руководителем терапевтического, детского и инфекционного отделений. Начальник больницы В.Е. Родионов (однокурсник Баева по Казанскому университету) в своих воспоминаниях пишет: «... *А.А. Баев в качестве ассистента или наркотизатора помогал мне на операциях. Нам с ним разрешено было жить в больнице, и мы длительное время вдвоем обслуживали всех больных, исключая рожениц. Нагрузка была предельная, часто приходилось работать ночами, так как мы были и дежурными врачами...*».

А.А. Баев помимо врачебной практики находил время и для других дел. Так, в норильском музее хранится утверждённая генерал-майором Панюковым «*Инструкция о медицинском отборе кадров для работы на предприятиях Норильского комбината МВД СССР*», составленная А.А. Баевым и З.И. Розенблюмом в марте 1947 года. В те

времена Баев написал книжку «Борьба с летними детскими поносами». Выступал Баев и по норильскому радио по теме: «Радиационные ресурсы Норильска» и т.д.

В апреле 1944 года А.А. Баев получил досрочное освобождение (за три года до срока) за добросовестную работу во время войны, но без права выезда из Норильска. Разрешение уехать он получил лишь в 1947 году, но без права проживания в Москве и Ленинграде. С семьей он поселился в Сыктывкаре, где работал заведующим лабораторией биохимии Коми филиала Академии наук СССР.

Вторично Баева арестовали по старому делу в феврале 1949 года в Сыктывкаре и сослали «навечно» в Сибирь, в село Нижнее Шадрино (ныне Нижнешадрино) Красноярского края, где он работал врачом, заведующим сельской больницей.

В 1954 году А.А. Баев вернулся в Москву, но реабилитацию получил только в 1957 году. В 1954-1959 годах он занимает должность старшего научного сотрудника Института биохимии им. А.Н. Баха. В 1959 году Энгельгардт организовал Институт радиационной физико-химической биологии (ныне Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта), где Баев проработал до конца своей жизни.

В 1969 году А.А. Баев получил Государственную премию, первую в стране по молекулярной биологии. В последние годы А.А. Баев занимался генетической инженерией. В 1972 году под руководством Баева было проведено первое совещание по генетической инженерии, что явилось началом геной инженерии в СССР.

С 1976-го по 1979 год Баев - президент Международного биохимического союза, а с 1988 года — председатель Научного совета программы «Геном человека». А.А. Баев похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище

Паньшин Игорь Борисович (1914-1995) – учёный, биолог, генетик, наследник дворянского и учёного рода из семьи ректора Киевского университета (по материнской линии), сын репрессированного селекционера Б.А. Паншина, осужденного вместе с Н.И. Вавиловым и расстрелянного в 1940 году.

В 1931 году поступил в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) и одновременно работал в Вавиловском институте в лаборатории генетики. После окончания ЛГУ работал лаборантом в Институте экспериментальной биологии в Москве, занимался научной работой, подготовил кандидатскую диссертацию. Его блестящую карьеру прерывает война. Окончив школу младших командиров, командовал взводом. В октябре 1941 года в боях под Ельней немцы разгромили дивизию, и Паньшин, как и много других воинов этой дивизии, попал в плен. Работал в команде военнопленных по ремонту дорог, служил переводчиком в тыловых частях немецкой армии. Женился на работнице немецкого госпиталя, дочери австрийского военнопленного. Принял германское гражданство. В 1943 году переехал в Берлин-Бах, где стал работать в генетической лаборатории Н.В. Тимофеева-Ресовского. Когда войска Красной армии вошли в Берлин, Паньшин был арестован органами СМЕРШ и обвинён в измене родине. Приговор трибунала – 10 лет лагерей.

Так Паньшин в сентябре 1945 года оказался в Норильлаге. В лагере ему повезло. Исхудавшему и измождённому ему предложили работу в санэпидемстанции (СЭС), входившей в состав ЦБЛ. Репутация СЭС к тому времени была очень высокой. В 1941 году в Норильлаге была очень высокая смертность от дизентерии. И дизентерия тогда была побеждена. Сотрудники СЭС сумели организовать производство бактериофага, а также глюкозы для внутривенных вливаний, что было сложно сделать в местных условиях. Когда знаменитый профессор-хирург Войно-Ясенецкий, консультант красноярских военных госпиталей, в 1942 году услышал об этом успехе норильчан от начальника санитарного отдела С.М. Смирнова, то обратился к нему с просьбой оказать помощь краевому центру, не имевшему столь эффективного средства борьбы с дизентерией. Вернувшись из командировки в Норильск, С.М. Смирнов тут же отправил ящик с «полезными вирусами» по назначению.

Имея хорошую лабораторную практику, полученную при работе в лаборатории академика Н.И. Вавилова (Институт генетики) и знаменитом кольцовском Институте экспериментальной биологии, Паньшин стал успешно работать по клиническому анализу, анализу крови, а потом и в бактериологической лаборатории. Работа в бактериологической лаборатории была ему ближе по методике, поскольку он, как дрожофильный генетик, этих самых мух великих тоже разводил на питательных средах.

За годы тюрьмы Паньшин занимался всеми видами медицинской бактериологической работы и даже помогал следователям по судебно-медицинской экспертизе и криминалистике. *«В жизни мне феноменально везло, — напишет Паншин уже в 90-х годах, — никаких лагерных ужасов я практически не видел».*

Паншина много раз звали обратно в большую науку. Завенягин, будучи заместителем министра, звал его поработать над атомным оружием. Тимофеев-Ресовский в 1946 году настоятельно приглашал его в свою уральскую лабораторию медицинской радиологии. Но Паньшин отказывался. Он не хотел чувствовать себя в науке в положении отсидевшего преступника, да еще к тому же без ученой степени...

В 1950 году лагерный режим в Норильске ужесточился, и Паншина перевели во 2-е лаготделение и определили на общие работы, ему пришлось какое-то время работать на руднике бурильщиком. В 1953 году его освободили из-под стражи и дали возможность работать в разных медицинских учреждениях: поликлинике лагеря, инфекционной больнице, где Паньшин организовал лабораторию.

В 1965 году состоялась встреча И.Б. Паншина с Н.В. Тимофеевым-Ресовским в Обнинске. Там Паньшин выступил с научным докладом. На предложение Тимофеева-Ресовского работать с ним в Обнинске Паньшин отказался снова – он не хотел работать на правах освобождённого заключённого. Возвратившись в Норильск, работал в СЭС, увлекался горными лыжами зимой и рыбалкой летом, профессионально занимался фотографией, коллекционировал бабочек. Уже в преклонном возрасте Паньшин решил уехать из Норильска, друзья-ученые позвали жить и работать в Новосибирск (в Академгородок). Жизнь этого незаурядного человека, рано отлучённого от дела своей жизни, прервалась в Москве по дороге в Новосибирск.

Генетик с норильской пропиской стал одним из героев гранинского «Зубра». Тридцать лет назад, в 1989-м, академики Дубинин, Струнников и профессор Корочкин, представляя раннюю работу Паншина в ежегоднике «Успехи современной генетики», назвали автора одним из талантливейших отечественных генетиков.

Послесловие

Советская история Норильска фактически закончилась в 1991 году. С момента прихода Потанина и его команды к руководству «Норильским никелем» прошло много лет. Многие в событиях 1990-х видятся сегодня по-другому. «Потанинцы» хотя и не сразу, но научились управлять доставшимися им горно-металлургическими активами и даже управлять вполне эффективно и адекватно современным вызовам глобального рынка. Капитализация компании, стоимость акций за эти годы выросла в десятки раз. Дивиденды, которые сегодня выплачивает компания, позволяют вести безбедную жизнь даже миноритариям.

За время, прошедшее после приватизации (1993), в Норильском промышленном районе не было введено в эксплуатацию ни одного крупного предприятия. Все рудники, обогатительные фабрики и металлургические заводы Норильска были построены и введены в эксплуатацию до разрушительных 1990-х годов. И то, что на Таймыре остановился безудержный рост металлургического производства и прекратились другие крупные стройки, связанные с «покорением природы», является по большому счету благом для Заполярья, для его экологической безопасности.

Таймыр представляет собой один из немногих сохранившихся на Земле уголков дикой северной природы и является важным регулятором жизни биосферы, хранителем природных генотипов, экзотическим местом отдыха и туризма.

Все биологические процессы на Крайнем Севере протекают гораздо медленнее, чем, скажем в Краснодарском крае или даже в Вологодской области. Природа на Севере отличается неторопливостью. Редкие представители тундровой флоры очень

чувствительны к загрязнениям воздуха. Природная среда тундры, более чем другая, нуждается в защите от техногенного воздействия.

Жарки в горах Таймыра

• • •

Экстенсивное развитие Норильского горно-металлургического комбината (НГМК) в советские годы привело к многим экологическим бедам не только в городе

Норильске, но и на всем Таймыре. Имел место утилитарный подход к эксплуатации природных ресурсов. Совершенствовалась технология основных переделов, интенсифицировались процессы плавки, менялся облик металлургического производства, но при этом отсутствовала комплексная программа не только анализа деструктивных процессов техногенного воздействия на таймырскую тундру, но и защиты окружающей среды от вредных выбросов работающих металлургических заводов.

1983 год стал «черным» в истории НГМК: максимум выбросов сернистого ангидрида и пыли. Министр П.Ф. Ломако говорил: *«Среди вас, товарищи, не мало старожиллов Норильска, и кому как не вам судить о том непоправимом ущербе, который нанесен окружающей лесотундре, рекам и озерам предприятиями комбината... Неблагополучная обстановка с выбросом вредных веществ в районе Норильска еще более усугубилась с началом работы Надеждинского металлургического завода. До сих пор не закончено строительство газоочистных сооружений на никелевом заводе, срок ввода которых устанавливался еще в 1978 году... Норильский ГМК выбрасывает в атмосферу столько сернистого ангидрида, сколько все остальные предприятия отрасли вместе взятые. Дело доходит до того, что под угрозой оказалась экологическая система Северного Ледовитого океана!... Президиум Верховного Совета СССР при обсуждении вопросов охраны природы в июле текущего (1983) года назвал Норильский комбинат одним из основных загрязнителей природы. Вам надо иметь в виду, что для вас – это коренной вопрос, которым надо заниматься сегодня, завтра, через год, через пять лет, то есть постоянно... только решительные меры принесут хорошие результаты в вашей борьбе за охрану природы и сохранения здоровья трудящихся».*

Началась реализация местной программы, имеющей целью прекратить сброс в водоемы Арктического бассейна неочищенных сточных вод. Были проектно решены все вопросы по очистке хозяйственных вод, представлен соответствующий план ввода объектов и выделены дополнительные ресурсы для ускоренной реконструкции систем газоочистки. Обозначились некоторые положительные тенденции в природоохранной деятельности. Однако до кардинальных перемен было еще далеко. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу увеличились, составив в 1985 году почти 39% от общего количества таковых по Минцветмету СССР. По сравнению с предшествующим пятилетием на 25% увеличился сброс загрязненных сточных вод комбината, и планы Правительства по прекращению сброса к 1990 году оказались невыполненными.

В июле 2016 года в Норильском промрайоне произошло знаменательное событие – закрыли Никелевый завод (БМЗ). Свою исторически значимую роль для страны он выполнил сполна как прогрессивную – более 70 лет он являлся для страны главным поставщиком никеля, так и вредную – он выбрасывал в атмосферу самое вредное отравляющее вещество (диоксид серы) в количествах почти вдвое больших, чем было установлено нормативом для всего комбината.

После закрытия Никелевого завода Надеждинский металлургический завод (НМЗ) стал перерабатывать весь объем никелевого и пирротинового концентратов Талнахской обогатительной фабрики, а также часть никелевого концентрата Норильской обогатительной фабрики (около 15%). Плюс к этому на НМЗ с Медного завода планируют (срок 3-й квартал 1922 г) перенести конвертирование и анодную плавку. Это позволит уменьшить объем загрязняющих веществ (в первую очередь диоксида серы) от Медного завода не менее чем на 30%.

В 2019 году Greenpeace, опираясь на данные NASA, опубликовал исследование более 500 основных источников выброса диоксида серы в мире, обусловленных как вулканической активностью (около 40%), так и антропогенным фактором (около 60%). Норильск оказался самой «горячей» точкой на карте выбросов. Для сравнения, на втором месте находится город Криэль в ЮАР (основной источник —

угольная электрогенерация), на третьем — горный район Загрос в Иране, где работает нефтехимический комплекс.

Нынешний Норильск уже не поражает приезжих размахом и масштабамистроек — промышленных, жилых, социальных. В 1996 году в Норильске жило 250 тысяч человек, ныне — почти на 80 тысяч меньше. Городу уже не требуется такое количество «покорителей Севера».

В городе есть два работодателя — бюджет и «Норникель». «Норникель» — это примерно 60% работоспособного населения, бюджет — еще 25%, остальные 15% — всякая коммерция и прочее. В городе «Норникель» играет определяющую роль. Конечно, выделяются какие-то средства на социальные нужды — ремонт дорог, обустройство фасадов, парков, строительство детских садов, спортивных сооружений и др. Но все это делается по остаточному принципу, хотя собственник везде трубит о социальном партнерстве, о социально ориентированной политике. Но не выполняется в полной мере основной тезис, провозглашенный А.П. Завенягиным: *«Производство без развитой в условиях Норильска социальной сферы и социальных гарантий нежизнеспособно».*

Норильск изменился до неузнаваемости, если не внешне, то внутренне — в восприятии людей, которые сегодня там живут, уже нет прежней гордости за свой город, нет уверенности в его лучшем будущем.

Вот что писала газета «Твой день» №113 от 28 мая 2010 года: *«Норильск — прежде один из самых богатых и счастливых городов России лишился своего главного украшения — улыбок на лицах людей. Депрессия, накрывшая город, куда опаснее ядовитых черных выбросов «Норникеля», которыми вынуждены дышать северяне. Люди не верят в свое будущее, не верят в то, что нынешние хозяева «Норникеля» озабочены их проблемами».*

Люди, уехавшие из Норильска, и те, которые многие годы работают в Большом Норильске, успели повидать многое. В том, что произошло с Норильским комбинатом в 90-е годы, есть не только правовая, но и этическая несправедливость. Ведь комбинат создавался трудом нескольких поколений, причем трудом огромного количества граждан советской страны (вольных и невольных), и должен принадлежать всему народу.

В заключительной части повествования о Норильске не могу не обратиться к статье В.Ф. Николайчука «О Норильске и о развитии России», изданной в 2012 году Международной организацией народных депутатов СССР «Сотрудничество и интеграция».

Николайчук Вадим Федорович (род. 1949 г.) - генеральный директор «Дирекции межправительственной инновационной рудной программы», академик РАЕН, доктор по основным процессам и технике промышленных технологий, автор научного открытия. В 1972 году окончил Ленинградский горный институт и около 20 лет работал на старинном руднике «Заполярный» Норильского ГМК, пройдя путь от проходчика подземного участка до директора рудника. С 1989 года по 1992 год - депутат Верховного Совета СССР, член комитета Верховного Совета СССР по экономической реформе, руководитель ряда межрегиональных программ мероприятий по рациональному использованию сырьевых и энергетических ресурсов. Награжден золотой медалью МАНПО "За возрождение науки и экономики России", знаком РАЕН 1-й степени "За заслуги", почетным званием "Рыцарь науки и искусств".

Хорошо бы читателю полностью прочитать статью В.Ф. Николайчука, её можно найти в Интернете. В статье — боль, переживание, тревога по поводу того, что произошло в Норильске и в стране в 90-х годах и предложены пути выхода из кризиса.

Можно только сожалеть, что предложенные автором пути не реализуются и даже не обсуждаются.

Вот некоторые фрагменты этой статьи.

«<...>А чем же могут похвастаться нынешние хозяева Норильского никеля, присвоившие национальные богатства нашей Родины, нашего заполярного города, ставшего судьбой для нас и нескольких поколений граждан великой страны!? Им хвастаться нечем, кроме получения сверхприбылей, полученных за счет грабительской эксплуатации природных ресурсов страны, за счет экспорта на внешние рынки ценнейших металлов, за счет преступной экономии на экологии, на обновлении производства, на развитии сырьевой базы! Что сделано за последние 20 лет?

А что дальше? Что останется будущим поколениям? Останутся изношенные производственные фонды, разрушенные дома и коммунальное хозяйство, исчерпанная выемкой богатых руд сырьевая база! Если государство не вмешается и не возьмет под контроль использование производственных фондов и уникальной сырьевой базы в интересах общества и будущих поколений наших граждан, то падение производственных показателей норильского промышленного комплекса неизбежно уже в ближайшие годы!

<...> Город Норильск можно по праву назвать городом мужества и трудовой славы. Здесь закладывались лучшие в стране технологии, кристаллизовались лучшие качества горожан - и профессиональные и человеческие. Север, жестокий климат, тяжелые трудовые будни выковывали людей крепких, надежных, преданных делу. За годы своего существования Норильск сформировал особую общность людей - норильчан, которые отличались и отличаются открытостью, правдивостью, патриотизмом, коллективизмом, трудолюбием.

<...> С сожалением должен констатировать, что сейчас разрушена система распределения по труду, разрушена трудовая мораль. Сегодня не стыдно жить за счет нетрудовых доходов, что в прежние советские времена осуждалось и властью и общественным мнением и всей системой воспитания и контроля.

<...> Трудовая мораль - вот та материя, которая формировала человеческие отношения в советском обществе, создавая пространство для христианской любви, солидарности и единства граждан, единства всей нации. Норильск, в силу особого трудового накала, думаю, можно смело назвать городом Труда и Любви!

<...> К сожалению, с утратой трудовой морали в нашем современном обществе произошла и серьезная деформация человеческих ценностей, что привело к разобщенности людей, как в стране, так и в нашем любимом городе Норильске. Постепенно норильчане из хозяев своего города превращаются в безмолвную рабочую силу, которая служит интересам крупного капитала. Мы на примере Норильска видим классическую картину жестокой эксплуатации труда капиталом. Причем капитала, имеющего отнюдь не трудовое, а скорее криминальное происхождение.

<...> Труд и Солидарность, как основа человеческой любви, как материя, через которую слова превращаются в дела, были сущностью норильской жизни, норильской истории. К сожалению, эти времена уже не вернуть и, пожалуй, не повторить. Неужели город Норильск, со своей трудовой романтикой, уникальной культурой и особой человеческой общностью навсегда уйдет в историю и не сохранит преемственность поколений? Что же нужно изменить, чтобы возродить былые славные традиции, вернуть утраченные человеческие ценности, сохранить уникальность «норильского характера» и сберечь культурное наследие?

Для этого нужно ни много ни мало – изменить идеологию общества, изменить сущность и систему власти в стране. Нужно изменить отношения собственности, изменить корпоративную культуру. На мой взгляд, только идеология совладения

национальными активами может сплотить людей, сплотить нацию, сплотить трудовые коллективы, создать мотивацию и энтузиазм в обществе.

<...> Легендарный директор Долгих Владимир Иванович, который сыграл ключевую историческую роль в развитии сырьевой базы комбината, почему-то не стал крупным собственником НГМК «Норильский никель»! Не стали собственниками и многие другие талантливые, ответственные, профессиональные норильские руководители, такие как Колесников Борис Иванович, Филатов Анатолий Васильевич, Абрамов Николай Павлович, Казаков Борис Васильевич, Хагажеев Джонсон Талович, Аристов Игорь Сергеевич, Каргинов Казбек Георгиевич, Богданов Михаил Наумович. Видимо, многолетним добросовестным трудом им не удалось накопить денег, чтобы купить такой мировой гигант металлургической промышленности. Видимо, в реформируемой стране, где отсутствовал частный капитал, личные накопления создавались не в забоях шахт и рудников, не у домен и мартеновских печей.

<...>А что же мешает нынешней власти, поначалу объявившей бойкот олигархам, восстановить справедливость? Почему до сих пор не дана правовая оценка тем безобразиям, которые творила власть в 90-е годы? Неужели непонятно, что проклятие поколений будет лежать на совести любой власти, защищающей нетрудовые доходы?

<...>Власть должна понять, что обеспечить развитие страны, ее экономики невозможно, не устранив нетрудовые доходы, нетрудовую природу капитала! Нетрудовой, преступный капитал будет всегда стремиться к бегству из страны, чтобы скрыться от возможного справедливого преследования! Такой капитал никогда не будет работать на созидание и интересы страны! Именно так и происходит в постсоветской России! Нам нужен другой капитал, тот, который будет участвовать в созидательном процессе! В созидательной же, развивающейся экономике может участвовать только трудовой капитал, основанный на конкуренции!

<...> Мне особо хотелось бы подчеркнуть, что цель этой статьи заключается не в осуждении или восхвалении прошлого. Главная задача состоит в том, чтобы оценить сегодняшнюю ситуацию и понять, куда и как двигаться. Я убежден, что без возрождения трудовой морали, без создания системы, обеспечивающей право на труд и распределение по труду, без борьбы с нетрудовыми доходами, у нас нет будущего.

<...> Реформа отношений собственности в интересах всего населения страны и идеология совладения национальными активами - вот стимул, который может привести в движение общество».

Последние мои впечатления о Норильске относятся к 2011 и 2012 годам. В 2011 году я и три мои друга совершили 10-дневное турне Москва - Красноярск (самолёт), Красноярск - Дудинка (трехдневное плавание на теплоходе по Енисею), Дудинка – Норильск (110 км, автотакси) и Норильск - Москва (самолёт).

В Норильске одной из главных целей было найти могилу моего приёмного отца А.П. Прокопенко, похороненного в 1963 году на старом кладбище (ул. Нансена), удостовериться в её сохранности и по необходимости её обновить. Кладбище оказалось в совершенно запущенном состоянии: отсутствовала какая-либо документация, большинство могил было разрушено, надгробья либо покосились, либо попадали, бетонные плиты в большинстве своём рассыпались, изгороди поломались. На большинстве могил — ни надписей, ни фото. Удручающая картина! Последние захоронения производились в 1973 году. Большинство могил оказалось без присмотра. Одни родственники умерли, другие уехали на материк.

Со времени похорон Александра Петровича прошло более 50 лет, и в течение этого срока я не смог побывать в Норильске. Найти могилу Александра Петровича оказалось не просто. Мне и моим друзьям потребовалось досконально обследовать чуть ли не всю территорию кладбища. И нам повезло: сохранилась плита на могиле, надпись на ней и даже оградка. Но поскольку старое кладбище забросили, ничего не делалось, чтобы его сохранить, я принял решение приехать летом следующего года, провести эксгумацию и кремацию. В июле 2012 году не без трудностей, но задуманное дело было выполнено. Урну с прахом я привёз в Москву и захоронил на Востряковском кладбище в могилу, где в 1996 году была упокоена Ида Ильинична, жена Александра Петровича. Чета Прокопенко снова оказалась вместе.

Судьба же старого кладбища по ул. Нансена до сих пор не решена. Неравнодушные норильчане время от времени проводят там субботники: убирают мусор, восстанавливают таблички, памятники там, где возможно. Некоторые места захоронения реконструированы, облагорожены. Например, добровольцы-волонтеры установили разоренную чашу памятника хирургу Сергею Ивановичу Силантьеву. Участники субботников привели в порядок захоронения Владимира Вагановича Терпогосова - одного из знатных металлургов Норильска, лауреата Сталинской премии и Константина Николаевича Бродницкого, талантливейшего металлурга-кобальтщика, кавалера орденов Знак Почета и Трудового Красного Знамени.

Хорошо, что судьбой погоста на ул. Нансена озаботились члены Общественной палаты города. Обсуждаются разные варианты сохранения старого кладбища: рекультивация земли, возведение храма-часовни, куда люди могут придти помолиться, или устройство символической общей могилы. Важно, что обсуждаются варианты создания общественного пространства памяти тем, кто жил и строил послевоенный Норильск.

Как тут не вспомнить стихи Г.А. Попова, упомянутого выше норильского врача:

*Когда не шёпотом, а вслух заговорят,
Что этот город строили нам люди,
Злой волей брошенные в лагеря.
Их тяжкий труд преступно позабыт,
Их памяти нельзя не поклониться,
Но только вьюга плачет здесь навзрыд,
И мелкий снег позёмкою струится.*

Содержание

От автора	3
1. Особенности норильской биографии	5
2. Мое знакомство с Норильском	18
3. Первооткрыватели норильской руды	24
4. Довоенный Норильск...	28
4.1 Начало советской биографии Норильска	28
4.2 М.А. Зингер - назначенный начальник Норильстроя не вписался в Систему и был расстрелян	30
4.3 В.З. Матвеев – первый начальник Норильстроя и Норильлага. Сверхтрудное начало и трагический конец	31
4.4 А.П. Завенягин – личность незаурядная и масштабная	39
5. Норильск в военную пору	57
6. Норильск послевоенный, но еще «невольный»	69
7. Уже «вольный» город	76
8. Второе рождение комбината	79
9. Последний «красный» директор	91
10. Все начиналось с преодоления... и неординарных решений	97
10.1 Коварства вечной мерзлоты и снежных заносов	97
10.2 Изобретатели выручали и в производстве, и в быту	109
11. Металлургия – особая страница героической биографии Норильска	115
12. Выдающиеся открытия геологов на Таймыре	128
13. Гимн прославленным врачам Норильска	151
Послесловие	163
Содержание	168

Беляев Анатолий Ильич (род. 1937 г) – радиопизик, кандидат физико-математических наук. В 1962 году окончил физфак МГУ им. М.В. Ломоносова.

Около 30 лет (до 1995 г.) работал на закрытых предприятиях в сфере проектирования и разработки радиотехнического оборудования для ракетно-космической техники. С 1995 по 2015 год работал главным специалистом в сфере проектирования и строительства станций радиотелефонных, радиорелейных и спутниковых систем связи.

С 2015 года – на пенсии.

